

D-R MORITZ MEYER. DIE NEUERE NATIONALÖKONOMIE IN IHREN HAUPTRICHTUNGEN.

ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ
ВЪ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Д-ра МОРИЦА МЕЙЕРА.

Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Лавда. Площ. Большо. Театра, 2.

1891.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

PHYSICS DEPARTMENT

5720 S. UNIVERSITY AVE.

CHICAGO, ILL. 60637

TEL: 773-936-3700

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее сочиненіе представляет собою попытку, на основаніи разнообразнаго и разбросаннаго матеріала, изложить съ возможною *наглядностью* главнѣйшія направленія, которыя приняла въ своемъ развитіи за послѣднее время Политическая Экономія, выдающіяся черты этихъ направленій, ихъ взаимное соотношеніе. Авторъ стремился восполнить хоть отчасти весьма чувствительный пробѣлъ въ новѣйшей — и прежде всего въ *нѣмецкой* — исторіи науки о хозяйствѣ и притомъ по вопросу, который оставался совершенно открытымъ въ болѣе старыхъ сочиненіяхъ *Каутца*, *Рошера* и *Бруно Гильдебрандта*. Подобнаго рода сочиненію необходимо было придать такую форму, чтобы имъ съ удобствомъ могли пользоваться не столько ученые спеціалисты, сколько лица, изучающія Политическую Экономію, и вообще люди образованные и интере-

сующіеся общественными науками. Отдѣльные части книги не представляютъ оригинальной работы,—авторъ постоянно и съ полною свободою пользовался сочиненіями выдающихся и извѣстныхъ писателей, и единственная заслуга, которую онъ позволяетъ себѣ приписать (если вообще за его сочиненіемъ можно признать какую нибудь заслугу), заключается въ томъ, что онъ собралъ воедино изысканія другихъ работниковъ на томъ же поприщѣ для разрѣшенія одной поставленной имъ себѣ задачи, а именно: доказать, что главнѣйшія экономическія школы XIX столѣтія, столь рѣзко другъ отъ друга отличающіяся, составляютъ общій результатъ *одного* великаго движенія,—борьбы противъ крайностей индивидуализма, въ которыя впали послѣдователи Смита, и попытокъ, которыя были сдѣланы для примиренія противоположныхъ ученій. Въ то же время авторъ старался прослѣдить связь на первый взглядъ сухихъ и вполнѣ отвлеченныхъ теоремъ Политической Экономіи съ общимъ экономическимъ и соціально-политическимъ развитіемъ, чтобы показать соотношеніе между наукой и жизнью, теоріей и практикой, что въ особен-

ности важно при изученіи нашей науки. Таковъ вообще, по глубокому убѣжденію автора, единственный путь, приводящій къ плодотворному изученію исторіи различныхъ теорій и возбуждающій интересъ къ Политической Экономіи.

Берлинъ. Октябрь 1879.

Д-ръ Морицъ Мейеръ.

Предисловіе ко второму нѣмецкому изданію.

Предлагаемое сочиненіе встрѣтило такую благосклонную критику какъ въ прессѣ, такъ и со стороны ученыхъ спеціалистовъ, что первое его изданіе разошлось ранѣе, чѣмъ авторъ могъ приступить къ полной его переработкѣ. Не смотря на то, имъ сдѣланы уже теперь необходимыя дополненія въ III главѣ, о чемъ читатель можетъ судить уже изъ одного сравненія оглавленій обоихъ изданій и по увеличенію числа страницъ.

Берлинъ. Октябрь 1880.

М. М.

Предисловіе къ третьему нѣмецкому изданію.

Насколько велика была потребность, которой отвѣчалъ нашъ трудъ, показываетъ быстрое его распространеніе въ кругу какъ студентовъ, такъ и вообще образованныхъ людей и даже чиновниковъ. Поэтому новое его изданіе должно было быть тщательно просмотрѣно и значительно расширено въ отдѣльныхъ частяхъ согласно съ общими цѣлями книги.

Авторъ позволяетъ себѣ еще разъ повторить, что онъ вовсе не претендуетъ (какъ онъ заявилъ и въ предисловіи къ первому изданію) на строгую научность своего труда. Имъ просто руководило желаніе выполнить несомнѣнно существующій въ научной литературѣ пробѣлъ, а именно отсутствіе краткаго, общепонятнаго руководства, дающаго возможность быстро ориентироваться въ томъ движеніи, которое приняла современная Политическая Экономія,

и въ особенности во взглядахъ и стремленіяхъ нынѣ борющихся школь и партій, насколько они выразились въ работахъ выдающихся представителей и основателей послѣднихъ. Читателя, чувствующаго потребность въ болѣе широкомъ изученіи предмета, мы отсылаемъ къ самымъ источникамъ и для того постоянно указываемъ писателей, трудами которыхъ мы пользовались, — хотя дѣлать *каждый разъ* подстрочныя выноски мы не считали нужнымъ. Авторъ нисколько не сомнѣвается, что въ нѣкоторыхъ изъ недавно вышедшихъ сочиненій, затрогивающихъ ту же тему, какъ, напримѣръ, у *Коссы*, *Кузумано*, — замѣчается больше критической самостоятельности въ сужденіяхъ объ отдѣльныхъ писателяхъ. Но для автора въ виду избранной имъ задачи, гораздо важнѣе было остановиться на *внутреннемъ соотношеніи*, существующемъ между взглядами отдѣльныхъ писателей, съ одной стороны, и между Политической Экономіей и практической политикой — съ другой. Этотъ *методъ* изложенія, какъ бы авторъ ни признавалъ его недостатковъ, все же является единственно возможнымъ средствомъ дать читателю руко-

водящій критерій и пробудить въ немъ пониманіе и интересъ не только къ великимъ принципиальнымъ вопросамъ, волнующимъ насъ въ настоящее время, но и къ Политической Экономіи вообще.

Берлинъ. Мартъ 1882.

М. М.

Предисловіе къ четвертому нѣмецкому изданію.

Я предполагалъ на этотъ разъ, не подвергая никакимъ измѣненіямъ I главу этой книги, ввести лишь нѣкоторыя необходимыя улучшенія въ заключительныя страницы II главы. Однако, быстрое развитіе нашей науки и постоянно возрастающее вліяніе соціально-политической школы на строй общественной жизни Германіи, вынудили меня сверхъ того *совершенно переработать* III главу сочиненія, въ которой преимущественно идетъ рѣчь объ экономическихъ ученіяхъ нашего времени. Смѣю надѣяться, что тѣмъ самымъ я нѣсколько ближе подошелъ къ разрѣшенію намѣченной задачи.

Берлинъ. Октябрь 1884.

М. М.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	СТР.
Введение	1
I.	
Адамъ Смитъ и школа свободной торговли	7
Характеристика системы Смита.—Ея практическое при- мѣненіе въ Пруссія и въ Англии. — Школа свободной тор- говли въ Германіи.—Оцѣнка системы свободной торговли.	
II.	
Истинный или крайній социализмъ	104
Опредѣленіе социализма. — Историческое развитіе соци- ализма во Франціи, французскій коммунизмъ; въ Англии, въ Германіи.—Главные представители научнаго социализма въ Германіи.—Критическая оцѣнка главныхъ положеній соци- ализма: 1) Желѣзный законъ заработной платы. 2) Социали- стическая теорія дѣяности. 3) Противуположность между капиталомъ и трудомъ. 4) Социалистическое государство бу- дущаго.	
III.	
Историко-этическая школа	273
1. <i>Предшественники исторической школы</i>	273

Политическая экономія въ Англіи, Франціи и Италіи. — Начало реакціи противъ крайняго индивидуализма въ Германіи. — Вліяніе органическаго воззрѣнія на государство и историческихъ работъ въ Германіи на Политическую Экономію. — Вліяніе экономическихъ условий. — Система Фридриха Листа. — Старѣйшіе представители исторической школы.

2. *Историко-критическое-направленіе настоящаго времени или социальна-политическая школа* 325

Вліяніе социализма на Политическую Экономію. — Катедръ-социализмъ. — Сущность катедръ-социализма. — Государственный социализмъ. — Принципіальныя точки различія между болѣе консервативными представителями социальна-политическаго направленія и государственными социалистами. — Споръ о научныхъ методахъ.

3. *Вліяніе историко-этической школы на народно-хозяйственную политику въ Германіи* 359

Кризисъ 1873 г. — Поворотъ въ таможенной политикѣ. — Усиленіе социаль-демократіи и социальная реформа имперскаго канцлера.

4. *Народное и всемірное хозяйство* 367

Зачатки всемірнаго хозяйства. — Всемірный почтовый союзъ. — Покровительственная пошлина и свободная торговля. — Главныя черты новѣйшей Политической Экономіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ политическая экономія, едва-ли когда нибудь происходила въ Германіи въ ея области такая ожесточенная борьба жизненныхъ интересовъ и научныхъ воззрѣній, какъ та, которую мы наблюдаемъ теперь. Борьба эта отчасти показываетъ, насколько чувствительнымъ стало отсутствіе нормальнаго развитія и полнаго силъ прогресса въ промышленной жизни народа, и благопріятнаго склада отношеній въ жизни общественной. Мы видимъ, какъ съ новою силой возстаютъ въ экономической жизни народа старыя противорѣчія. Причинъ этого должно искать не только въ необыкновенномъ осложненіи всемірно-хозяйственной дѣятельности, вызванномъ кризисомъ послѣднихъ лѣтъ, безпримѣрнымъ по своей внутренней силѣ и распространенію, не только въ неустойчивости и колебаніяхъ въ народно-хозяйственной поли-

тикѣ, наконецъ не въ однихъ тревожныхъ и судорожныхъ движеніяхъ всего соціального тѣла: И въ научной критикѣ, которая начинается подтачивать устой современнаго зданія политической экономіи, предъ нами разыгрывается борьба умственныхъ силъ, которая должна быть отнесена къ одной изъ самыхъ значительныхъ въ жизни народа.

Во всемъ этомъ хаосѣ мнѣній и воззрѣній всего рѣзче выдается та шаткость и неясность понятій въ области экономическихъ вопросовъ, которыя господствуютъ не только среди темной массы народа, но и среди образованныхъ людей съ тѣхъ поръ, какъ въ правительственныхъ сферахъ стала осуждаться та хозяйственная политика, которой всѣ привыкли приписывать успѣхи, достигнутые въ области народнаго благосостоянія и была объявлена война тѣмъ основнымъ положеніямъ и ученіямъ, на которыя всѣ смотрѣли съ чувствомъ гордости, какъ на доказанныя истины и неотъемлемыя пріобрѣтенія новѣйшей экономической науки. Поэтому было бы вполнѣ ошибочно приписывать реакцію противъ старой системы исключительно неблагоприятнымъ обстоятельствамъ времени или чисто

политическимъ потребностямъ и соображеніямъ руководящихъ дѣятелей. Трещина въ старомъ зданіи политической экономіи, именно въ классическомъ ученіи Адама Смита, идетъ гораздо глубже, чѣмъ то можетъ показаться съ перваго взгляда, а могучее вѣяніе духа нашего времени заставляеть еще сильнѣе трещать и гнуться балки и своды старой постройки. Не можетъ быть вопроса въ томъ, что долго возраставшее сомнѣніе въ непогрѣшности смитіанизма пробило себѣ дорогу въ высшіе слои общества и требуютъ себѣ жертвъ въ практической области народнаго хозяйства, подобно тому какъ ихъ требоваль нѣкогда самъ смитіанизмъ, въ то время какъ онъ завоевываль съ непреодолимой силой всю область народно-хозяйственной политики. Вотъ въ чемъ заключается, по нашему убѣжденію, сущность всего движенія, и задача современнаго историка культуры и экономиста состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать источники, характеръ и цѣль этого движенія, ибо только этимъ путемъ можемъ мы достигнуть болѣе глубокаго пониманія хозяйственныхъ и общественныхъ задачъ нашего времени, найти твердую точку опоры въ водоворотѣ разнообразныхъ мнѣній и болѣе

высокую точку зрѣнія на окружающую насъ борьбу партій. Это единственный способъ придти къ какому либо разумному рѣшенію.

Но подобная задача можетъ быть удовлетворительно разрѣшена лишь тогда, когда самъ авторъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ какой бы то ни было предвзятой мысли или политической тенденціи. А для этого ему нужно только передавать факты и различныя мнѣнія, наиболѣе правильно распредѣлять свѣтъ и тѣни, указывать на вліяніе крупныхъ принципіальныхъ вопросовъ на практическую жизнь и критически къ нему относиться. Долженъ же быть наконецъ найденъ тонъ спокойнаго и объективнаго изслѣдованія въ области, вдоль и поперекъ изрытой борьбою.

Если прослѣдить нити, которыя связываютъ новѣйшія движенія въ области политической экономіи съ далеко позади лежащимъ періодомъ времени, то онѣ приведутъ насъ къ той исходной точкѣ, которая и есть начало новой систематической науки о хозяйствѣ — къ системѣ великаго шотландскаго политико-экономна Адама Смита. Эта система образуетъ въ наукѣ какъ бы могучій, полный жизненныхъ соковъ стволъ, на которомъ выросли какъ здо-

ровые отпрыски и вѣтви, такъ и болѣзненные наросты теоріи. Поэтому для пониманія новѣйшихъ воззрѣній необходимо ближайшее знакомство съ содержаніемъ идей Адама Смита, такъ какъ вообще всякая политическая экономія должна начинаться съ „отца“ этой науки. Итакъ надо начать съ изложенія *школы свободы торговли*.

I.

Адамъ Смитъ и школа свободной торговли.

Трудъ Адама Смита, составляющій эпоху въ области политической экономіи, можетъ быть понятъ и оцѣненъ лишь въ самой тѣсной связи съ идеями, волновавшими его время. Его система—не болѣе какъ выраженіе всѣхъ господствовавшихъ въ то время понятій о хозяйственной политикѣ, облеченное въ ясную, научную форму. Если и можно по источникамъ доказать ¹⁾, что А. Смитъ заимствовалъ у фізіократовъ основныя мысли своего знаменитаго труда „Источники народнаго богатства“, то это нисколько не умаляетъ славы его имени, потому что онъ былъ дѣйствительно первый, который объединилъ въ одну цѣльную законченную систему всѣ открытія, сдѣланныя до него въ области экономической науки, былъ первымъ истолкователемъ всѣхъ интересовъ своего времени, и первый заговорилъ тономъ, нашедшимъ самый

¹⁾ Leser, der Begriff des Nationalreichthums bei Ad. Smith.

живой откликъ во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ. Когда Смитъ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія (1776) писалъ „Wealth of nations“, мѣръ находился въ состояніи полнаго броженія. То былъ вѣкъ просвѣщенія, вѣкъ свободы и равенства, когда революція въ обширѣйшемъ смыслѣ слова царяла во всѣхъ областяхъ знанія и жизни. Въ религіи и наукѣ вѣра въ авторитетъ падала жертвою насмѣшки философовъ, подобныхъ Вольтеру; тотъ же духъ разложенія приводилъ общество къ грубому эгоизму и эвдеминизму; всѣ прежніе устои соціального и политическаго міроваго порядка были расшатаны. Повсюду поднималось знамя индивидуализма, субъективизма; свобода и независимость отдѣльнаго лица стала всеобщимъ девизомъ. Вѣра въ авторитетъ прошлаго исчезла, даже правовой порядокъ считается уже не живительнымъ началомъ, но стѣсненіемъ свободы. Еще раньше реформація фактически поколебала старую средневѣковую теорію государства ¹⁾, теперь въ наукѣ окончательное ея паденіе было дѣятельно подготовлено возрожденіемъ классическаго образованія въ союзѣ съ философіею Бэкона. Первымъ писателемъ, давшимъ соотвѣтствующее выраженіе из-

¹⁾ Oncken, Ad. Smith u. Kant, passim.

мѣнившемуся въ этомъ направленіи міровоззрѣнію, былъ Гуго Гроцій, отецъ извѣстной „Теоріи договора“.

Страной, признавшей новое ученіе о государствѣ великимъ и главнымъ основаніемъ науки и жизни и давшей ему практическое осуществленіе, была Англія. Ея философы, хотя и разнаго времени и разныхъ направленій, стремившіеся къ совершенно различнымъ цѣлямъ, какъ напр. Гоббесъ, Мильтонъ, Локкъ и впослѣдствіи Бентамъ, всѣ тѣмъ не менѣ развивали эту новую теорію государства. Перенесенная во Францію и принятая двумя изъ самыхъ выдающихся мыслителей XVIII-го столѣтія, Монтескьё и Руссо, теорія эта затѣмъ перешла въ плоть и кровь всей Европы и стала общимъ достояніемъ всего образованнаго міра. Европа привыкла въ XVIII столѣтіи, по остроумному замѣчанію Роберта фонъ-Моля ¹⁾, заимствовать направленіе своего мышленія изъ Франціи и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ выше и вліятельнѣе были ея общественные слои. Французскіе писатели читались по всюду, уклоненіе отъ ихъ мнѣній считалось въ „большемъ свѣтѣ“ за варварство. Французы вообще обладаютъ способностью

¹⁾ Geschichte der Staatswissenschaften Bd. III. 30.

общепопятаго и прывлекательнаго изложенія, по-
 этому не удивительно, что два самых блестя-
 щихъ французскихъ автора должны были возбу-
 дить всеобщій интересъ къ философіи государ-
 ственнаго права, когда они обратились къ ея изуче-
 нію. Завершителемъ новой рационалистической те-
 ории является, главнымъ образомъ, Руссо въ сво-
 емъ сочиненіи объ „общественномъ договорѣ“. Мысль о первоначальномъ равенствѣ и свободѣ
 индивидуумовъ, объ основаніи государствъ черезъ
 свободное соглашеніе и о народномъ суверенитетѣ
 нигдѣ не проведена такъ послѣдовательно, какъ
 въ этой замѣчательной книгѣ, имѣвшей гро-
 мадное вліяніе на умы современниковъ. Един-
 ственною цѣлью государства является, по его мнѣ-
 нію, стремленіе къ общему благу всѣхъ отдѣль-
 ныхъ личностей, стремленіе къ возможно боль-
 шему счастью возможно большаго количества людей.

Выводы изъ этого положенія слѣдующіе ¹⁾: Во-
 первыхъ, государство должно какъ можно меньше
 стѣснять естественную свободу, такъ какъ по при-
 родѣ своей свободные индивидуумы при заключе-
 ніи договора естественно стремились поступиться
 наименьшею долею своей свободы. Во вторыхъ,

¹⁾ Held, Socialismus und Socialdemokratie, талантливое и по-
 учительное сочиненіе, которымъ мы не разъ пользовались. Стр. 78 сл.

и это самый главный вывод — люди, и въ настоящее время живущіе, могутъ заключить новый договоръ, подобно своимъ предкамъ, т. е. имѣютъ естественное право возставать противъ правительства. Хотя передовые бойцы за эту идею были лично людьми несомнѣнно преисполненными самыхъ высокихъ и гуманныхъ стремленій, тѣмъ не менѣе они стали принципиальными поборниками революціи и развивали крайне односторонніе и опасные для государственной и общественной жизни взгляды. Они забывали, что каждый человѣкъ прежде всего долженъ быть членомъ какого нибудь организованнаго цѣлаго, и что для этого нѣтъ надобности ни въ какомъ особенномъ договорѣ; упустили изъ виду, что свобода и порядокъ всегда были равноправными принципами; не хотѣли наконецъ подумать о томъ, что ни одинъ человѣкъ не найдетъ полного нравственнаго удовлетворенія въ достиженіи однихъ эгоистическихъ цѣлей, что, напротивъ, каждый въ своемъ стремленіи къ конечной цѣли своего бытія непременно будетъ нуждаться въ помощи общества. Тѣмъ не менѣе, однако, въ свое время рационализмъ и индивидуализмъ, окруженные ореоломъ благороднаго идеализма, были вполнѣ справедливой реакціей противъ непомернаго абсолю-

тизма, ибо „въ индивидуализмѣ находило себя и торжествовало все человѣчество 1)“.

На почвѣ этихъ-то идей и стояли во Франціи новыя реформаторы въ области народнаго хозяйства, *физиократы*, съ взглядами которыхъ молодой Смитъ познакомился во время своего пребыванія въ Парижѣ, и теоріи которыхъ онъ методически развилъ въ области хозяйственныхъ отношеній по другую сторону канала. Народохозяйственному законодательству того времени, основанному на старомъ меркантилизмѣ, на экономическихъ идеалахъ полицейскаго государства XVI-го столѣтія, созданному своекорыстными интересами государства и привилегированныхъ сословій, Адамъ Смитъ, противопоставляетъ порядокъ, основанный на естественной свободѣ и равенствѣ людей. Ратуя противъ ограниченій тогдашней промышленной жизни, онъ требуетъ, чтобы каждый могъ свободно и безпрепятственно преслѣдовать свои собственныя выгоды. Онъ даже выставляетъ личный интересъ какъ основной двигатель хозяйственной жизни, регуляторъ обращенія и, слѣдовательно, какъ источникъ народнаго благосостоянія. Изъ принципа свободы, равенства и справедливости логически вытекаетъ, что

1) Held. I. c. S. 81.

каждому должна быть обеспечена свобода также и въ промышленной дѣятельности. Дѣйствительнымъ выраженіемъ этого принципа, дѣйствующаго съ энергіей стихійной силы, является человѣческій *трудъ*, къ которому Смитъ безпрестанно возвращается, какъ къ основѣ всякаго производства и образованія капитала. Смитъ, такимъ образомъ, становится защитникомъ третьяго сословія, которое въ то время готовилось, въ союзѣ съ капиталомъ, завоевать себѣ господство надъ всѣмъ міромъ, и „отецъ труда“ чувствуетъ себя солидарнымъ съ тѣмъ классомъ народа, который былъ духовнымъ носителемъ приближающейся революціи. Чтобы вполнѣ оцѣнить поразительное вліяніе труда Адама Смита, мы должны вспомнить, что всѣ лучшія нравственныя силы, борившіяся за общечеловѣческіе идеалы, мало по малу примкнули къ нему.

Адамъ Смитъ своимъ ученіемъ затронулъ также и матеріальные интересы своего времени. „Ни въ одной странѣ, замѣчаетъ Ервинъ Нассе, за исключеніемъ, можетъ быть, Верхней Италіи и Нидерландовъ, *денежное хозяйство* не достигло такого развитія въ средніе вѣка, какъ въ Англіи. Весьма благоприятныя условія сообщенія, въ высшей степени расчлененная береговая линія, отсутствіе разъединяющихъ горныхъ хребтовъ внутри страны, силь-

ная государственная власть, дѣятельные общинные полицейскіе органы;—всѣ эти условія способствовали развитію какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли. Крѣпостные крестьяне и барщинная работа исчезли еще въ средніе вѣка безъ всякаго вмѣшательства государства, какъ бы сами собой, ихъ замѣнили свободные рабочіе, трудъ которыхъ оплачивался деньгами, срочные арендаторы и мелкіе собственники. Быстро разцвѣли въ XVI столѣтіи торговля и мореплаваніе и шерстяная промышленность, имѣющая столь большое значеніе и, послѣ кратковременнаго застоя вслѣдствіе смуть XVII столѣтія, продолжали ускоренными шагами свое дальнѣйшее развитіе. Разрастающіяся колоніальныя владѣнія доставляли купцамъ, собственникамъ кораблей и плантаторамъ богатое поле дѣятельности; посредничество въ европейской торговлѣ перешло изъ рукъ голландцевъ въ руки англичанъ; въ срединѣ XVIII столѣтія начинается, благодаря открытію неистощимыхъ залежей каменнаго угля, разработка богатыхъ желѣзныхъ рудниковъ. Скоро вслѣдъ затѣмъ, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ вся страна покрывается—безъ всякой государственной помощи—густою сѣтью каналовъ; напряженная хозяйственная дѣятельность проявляется въ изобрѣтеніи прядильной, ткацкой и, наконецъ,

паровой машинъ. Всѣ эти успѣхи въ короткое время доставляютъ Англїи, тогда уже занимавшей первое мѣсто въ торговомъ отношенїи, первенство и въ отношенїи промышленномъ. Въ такое-то время и при такихъ обстоятельствахъ выступаетъ Адамъ Смитъ и доказываетъ самыми разительными доводами, какой помѣхой успѣхамъ промышленности служатъ повсюду сохранившїяся до его времени средневѣковыя учрежденїя, — старыя промышленныя порядки, основанные на совершенно чуждыхъ современнымъ потребностямъ способахъ производства, привилегїи цеховъ и инкорпорированныхъ городовъ (*inkorporirten Städte*), семилѣтній срокъ ученїя, ограниченїе права передвиженїя. Онъ разъясняетъ, какую огромную выгоду извлечетъ вся промышленная дѣятельность вслѣдствїе предоставленїя свободы личной энергїи, которая и теперь, не смотря на всякія стѣсненїя, пробивается съ такою силою наружу. Смитъ разъясняетъ, до какой степени выгоднѣе предоставить личной дѣятельности каждаго индивидуума найти наилучшее приложенїе своей рабочей силы и своего капитала, и что правительству нѣтъ никакой надобности направлять эти силы и капиталы къ эксплуатированїю тѣхъ или другихъ отраслей промышленности путемъ покровительственныхъ пошлинъ и премїй. Наконецъ, онъ

ясно доказываетъ, что вывозъ собственныхъ продуктовъ не можетъ развиваться при сильномъ ограниченіи привоза чужихъ *.

Однимъ словомъ, Смитъ доказывалъ, что старыя формы не могутъ никакъ ужиться съ мощнымъ ростомъ англійской торговли и съ техникой производства, измѣнившейся кореннымъ образомъ послѣ изобрѣтенія паровой машины. Господствующей системѣ ограниченій во всѣхъ отрасляхъ хозяйственной жизни онъ противопоставляетъ laissez aller фізіократовъ и становится такимъ образомъ поборникомъ интересовъ крупныхъ фабрикантовъ и капиталистовъ, а затѣмъ всего рабочаго и торговаго міра и всѣхъ производителей сырья. Казалось, на англичанъ, какъ изъ рога изобилія, посыпались сразу всѣ блага, и Бокль былъ правъ, утверждая въ своей «Исторіи цивилизаціи въ Англии», что сочиненіе Адама Смита есть важнѣйшая изъ всѣхъ когда либо написанныхъ книгъ, и что своимъ сочиненіемъ авторъ болѣе содѣйствовалъ счастью человѣчества, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые политическіе дѣятели и законодатели своимъ государственнымъ искусствомъ. Разберемъ теперь поподробнѣе развитіе основныхъ положеній этой системы.

Исторія философіи показываетъ намъ, что на первыхъ порахъ развитія философской мысли пре-

обладаетъ стремленіе найти какой либо высшій принципъ, изъ котораго можно было бы вывести сущность всѣхъ вещей, причемъ этотъ принципъ, отличающійся въ началѣ грубымъ реализмомъ, развивается постепенно въ болѣе утонченные и идеальные образы. То-же явленіе встрѣчаемъ мы и въ исторіи экономическихъ идей. Первоначально преобладаетъ стремленіе построить все зданіе народнаго хозяйства на одномъ основномъ устоѣ, найти, такъ сказать, центръ, къ которому тяготѣютъ всѣ теоретическія положенія и всѣ практическія мѣропріятія. Старая меркантильная система обратила главнымъ образомъ вниманіе на тѣ явленія хозяйственной жизни, которыя легче поддаются обыкновенному наблюденію, а именно, на деньги и на торговыя сношенія. Физіократы съ своей стороны ушли несравненно глубже въ пониманіи основнаго источника народнаго благосостоянія, выдвинувъ на первый планъ постоянныя производительныя силы земли, естественныя богатства почвы, и основавъ на этомъ положеніи всю свою систему. Адамъ Смитъ оставилъ далеко за собой оба эти ученія, положивъ въ основаніе своей системы слѣдующее положеніе: основнымъ двигателемъ экономической жизни являются не деньги, не мѣновое обращеніе и даже не сельское хозяйство, но трудъ

человѣка, приложенный къ естественнымъ силамъ природы и къ капиталу, какъ результату бережливости. Адамъ Смитъ такъ начинаетъ свое классическое сочиненіе: то, что народъ выработаетъ своимъ «годовымъ трудомъ, составляетъ главный источникъ, изъ котораго онъ черпаетъ все необходимое для удовлетворенія его первымъ потребностямъ и служащее для обезпеченія удобства его жизни». Слѣдовательно, доходъ отъ труда составляется изъ того, что народъ постепенно приобретаетъ путемъ свободной, безпрепятственной дѣятельности и при цѣлесообразномъ распредѣленіи занятій, и чѣмъ болѣе доходъ этотъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ, тѣмъ значительнѣе будетъ и благосостояніе народа. Но для подобнаго равновѣсія потребностей и заработка необходима полная хозяйственно-политическая свобода. Свободное развитіе экономическихъ силъ природы и человѣка приводитъ само собою къ уравниванію потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію, благодаря чему устанавливается естественнымъ образомъ полная гармонія въ области хозяйства и въ частности въ распредѣленіи матеріальныхъ благъ. Прежнія системы обращали все свое вниманіе лишь на нѣкоторыя группы интересовъ и брали подъ свою защиту весьма односторонне однихъ лишь произво-

дителей: меркантилизмъ купцовъ и промышленниковъ, фізіократы—сельскихъ хозяевъ и землевладельцевъ. Теперь интересы отдѣльныхъ общественныхъ группъ отходятъ на задній планъ, уступая мѣсто общимъ интересамъ всѣхъ занимающихся хозяйственной дѣятельностью, и Смитъ рѣшительно выдвигаетъ впередъ интересъ потребителей. Онъ исходитъ при этомъ изъ той мысли, что тогда только интересы всего общества обезпечены наилучшимъ образомъ, когда каждый можетъ удовлетворять своимъ потребностямъ наиболее дешевымъ способомъ. Этимъ объясняется отрицательное отношеніе Смита къ какому бы то ни было искусственному поднятію цѣнъ, вызванному монополіями, къ какому бы то ни было одностороннему покровительству въ ущербъ общимъ интересамъ.

Смитъ требуетъ неограниченной свободы внутренняго производства и внѣшней торговли, такъ какъ при господствѣ свободной конкуренціи рыночныя цѣны все болѣе и болѣе приближаются къ естественной цѣнѣ, т. е. дѣлаются возможно болѣе низкими. Свободная конкуренція служитъ въ той же мѣрѣ наилучшимъ регуляторомъ личныхъ интересовъ: побуждаетъ индивидуумовъ къ возможно большей экономичности, т. е. къ наиболее хозяйственному употребленію своихъ силъ, ма-

теріаловъ и т. п., къ наилучшей техникѣ, въ какой съ своей стороны, эгоизмъ составляетъ главный стимулъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ.

Что касается положенія государства по отношенію къ народному хозяйству, то правительство должно по возможности ограничиться ролью отрицательною; оно должно предоставить все соревнованію отдѣльныхъ личностей и ограничить свою задачу преимущественно устраненіемъ всѣхъ препятствій, мѣшающихъ водворенію свободной конкуренціи. Такимъ образомъ Смитъ требовалъ полнаго самоуправленія и въ хозяйственной жизни народа.

Не смотря на столь рѣзко выраженное естественно-механическое воззрѣніе на народное хозяйство, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ чистомъ смитіанизмѣ замѣчается еще извѣстная умѣренность, совершенно чуждая позднѣйшимъ послѣдователямъ этой системы. Изслѣдованія новѣйшаго времени, главнымъ образомъ трудъ Онкена ¹⁾, разяснили, что „отецъ свободной конкуренціи“ вовсе не былъ такимъ исключительнымъ защитникомъ принципа „laissez faire“, какимъ его считаютъ.

Прежде всего Адамъ Смитъ не былъ вовсе та-

¹⁾ Oncken. Ad. Smith und Kant.

кимъ безусловнымъ фритредеромъ, какимъ его ста-
ли считать впоследствии. Смитъ представлялъ себѣ
полную свободу торговли такъ же, какъ, напр.,
Кантъ представлялъ себѣ вѣчный миръ: какъ
идеальную цѣль, какъ утопическую идею. Вотъ
собственные его слова, касающіяся этого вопроса:
ожидать, что въ Англии когда либо установится
полная свобода торговли и промышленности, бы-
ло-бы столь же нелѣпо, какъ вѣрить въ возмож-
ность основанія въ этой странѣ республики Оцеаны
или Утопiи. Это только идеаль, къ которому нужно
стремиться, и это стремленіе къ свободѣ торговли
именно и составляетъ задачу законодателя. Самъ
Смитъ упрекалъ фізіократовъ въ томъ, что они
слишкомъ радикальны въ своихъ выводахъ, объявляя
полную свободу обращенія единственнымъ условіемъ
здороваго состоянія общества. Вѣдь мы знаемъ
изъ опыта, что человѣческой и общественный ор-
ганизмы въ состояніи существовать и даже про-
цвѣтать при самыхъ разнообразныхъ, иногда прямо
для нихъ вредныхъ условіяхъ. Извѣстно также, что
Смитъ въ четырехъ случаяхъ даже допускаетъ по-
кровительственную пошлину. Во первыхъ, такая
пошлина можетъ быть оправдываема, когда из-
вѣстная отрасль производства оказывается необ-
ходимой для внѣшней безопасности страны. Во-

вторыхъ, когда данный заграничный товаръ обложенъ налогомъ при производствѣ внутри страны; въ такихъ случаяхъ справедливо иностранный товаръ облагать пошлиной въ одинаковомъ размѣрѣ съ налогомъ внутренняго производства. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ Смитъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, высказывается за уравнительную пошлину. Послѣдніе два исключенія касаются временнаго допущенія покровительственныхъ пошлинъ. Первый изъ нихъ имѣетъ мѣсто, когда иностранное государство противодѣйствуетъ ввозу нашихъ фабрикатовъ или установленіемъ высокихъ пошлинъ или же прямымъ запрещеніемъ. Естественное чувство мести побуждаетъ насъ отплатить тѣмъ же; такія реторсіи могутъ оказаться удачнымъ политическимъ приемомъ, разъ существуетъ вѣроятность, что такимъ образомъ мы достигнемъ желаемой цѣли. Обратное приобрѣтеніе большаго рынка за границей можетъ съ избыткомъ вознаградить насъ за неприятную необходимость оплачивать въ теченіе короткаго времени нѣкоторые товары дороже обыкновеннаго. Но судить о томъ, насколько подобная цѣль будетъ достигнута помощью реторсіи—дѣло не науки, а политики или того, кто призванъ ею завѣдывать. Это мѣсто у Смита въ особенности поучительно. Оно вполнѣ

оправдываетъ политику подвижныхъ тарифовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ для науки желаетъ твердыхъ и всеобщихъ началъ. Въ этомъ и заключается различіе между теоретической политической экономіей и практической правительственной дѣятельностью. Это мнѣніе напоминаетъ слова Бокля, который, разбирая Смитовскій методъ изслѣдованія, признаетъ характерною особенностью его метода то обстоятельство, что „многое можно принять въ наукѣ, и тѣмъ не менѣе отвергать на практикѣ“, и это потому, что „кругозоръ политическаго дѣятеля охватываетъ всю совокупность условій, между тѣмъ, какъ экономистъ принимаетъ въ расчетъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ“. Послѣдній случай, въ которомъ Смитъ допускаетъ временную покровительственную пошлину, предполагаетъ, что извѣстныя отрасли промышленности успѣли уже развиться подъ охраною высокихъ пошлинъ или запрещенія ввоза на столько, что стали давать занятія множеству рабочихъ рукъ. Въ такомъ случаѣ чувство челоуѣчности можетъ требовать, по мнѣнію Адама Смита, чтобы свобода торговли была введена медленно, постепенно и съ крайнею осторожностью. Внезапная отмѣна высокихъ пошлинъ или запрещенія ввоза повели бы къ такому быстрому наводненію рынка иностранными товарами, что это отняло

бы у тысячи туземцевъ обычные ихъ заработки, что несомнѣнно вызвало бы сильный кризисъ. Даже въ той области, гдѣ принципы *laissez faire* (авторъ этого выраженія былъ фізіократъ Goussau и оно не встрѣчается у Смита), находили себѣ такое широкое примѣненіе, въ области внѣшней торговли, Смитъ допускаетъ возможность *временной монополизациі* обращенія. „Если общество купцовъ, говоритъ онъ, завело на свой страхъ и свой счетъ торговыя сношенія съ отдаленными и нецивилизованными народами, то было бы полезно дозволить имъ составить изъ себя акціонерную компанію и для обезпеченія успѣха дѣла предоставить ей монополію на нѣсколько лѣтъ. Это наиболѣе легкая и естественная мѣра, принимая которую, государство можетъ вознаграждать ихъ за рискованный и дорого стоющій опытъ, который впослѣдствіи можетъ послужить ко всеобщему благу“. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ основаніи новыхъ отраслей промышленной дѣятельности, о проложеніи для нея новыхъ неизвѣстныхъ путей, тамъ можетъ явиться покровительство — положеніе, составляющее сущность всей системы Листа. Еще яснѣе высказывается Смитъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Введеніе какой нибудь новой мануфактуры, новой отрасли торговли, новой си-

стемы въ сельскомъ хозяйствѣ всегда является спекуляціею, отъ которой предприниматель ожидаетъ для себя чрезвычайныхъ выгодъ. Такія исключительныя условія нуждаются и въ extraordinary protection“. Даже во внутренней торговлѣ Смитъ ничего не имѣетъ противъ установленія отдѣльныхъ монополій съ преходящимъ характеромъ, какъ, напримѣръ, патенты, запрещеніе перепечатки сочиненій и т. п. „Преходящая монополія этого рода“, говоритъ Смитъ, „оправдывается тѣми же соображеніями, какими оправдывается монополія, предоставленная изобрѣтателю новой машины или автору новой книги“. „Можно ли, ссылаясь на имя Смита, восклицаетъ Онкенъ, протестовать противъ патентовъ и запрещеній перепечатки? Дж. Стюартъ Милль совершенно правъ, говоря о противникахъ означенныхъ институтовъ, что они намѣревались установить свободу воровства подъ оскверненнымъ именемъ свободы торговли!“

Въ своемъ ученіе о налогахъ Смитъ также обнаруживаетъ глубокую продуманность и умѣренность своихъ воззрѣній. Дѣло въ томъ, что Смита привыкли считать приверженцемъ исключительно одного чистаго подоходнаго налога. Но это не совсѣмъ правильно, потому что Смитъ былъ только

не прочь часть государственныхъ доходовъ получать въ видѣ налога на доходъ (косвенныхъ налоговъ). Старый споръ о преимуществѣ прямыхъ или косвенныхъ налоговъ разсматривается у него лишь съ точки зрѣнія цѣлесообразности.

Вліяніе, оказанное системою Смита на жизнь можетъ быть вполне правильно названо неизмѣримымъ. Нѣтъ возможности хотя бы приблизительно опредѣлить его. Мы можемъ обозрѣть только отдѣльные главные моменты. Экономическая теорія Смита, проникнутая духомъ гуманитарнаго и христіанскаго ученія, ополчилась противъ послѣднихъ остатковъ *личной зависимости*, разоблачивъ весь ея экономическій вредъ. На томъ же основаніи она уничтожила *цеховое устройство* и союзный строй (*Innungswesen*), защищая естественное право каждаго честно добывать себѣ пропитаніе свободно выбраннымъ трудомъ. Слѣдствіемъ признанія свободы промышленности является право *свободнаго передвиженія*. Никто уже болѣе не думалъ отстаивать экономическую выгоду промышленныхъ и торговыхъ *монопольей*, установленныхъ въ пользу правительства или отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Несомнѣнно, что быстрое развитіе *всемірной промышленности*, этого чудомъ рожденнаго дитяти новѣйшаго времени до

колоссальной величины, покоится на могучихъ плечахъ человѣка, который открылъ рычаги ея гигантской силы и научилъ ими пользоваться. Рычаги эти суть: раздѣленіе труда, примѣненіе машинъ, свободное соперничество во внутренней промышленности и международномъ обмѣнѣ на всемирномъ рынкѣ, магическая сила капитала и тайны денежнаго, кредитнаго и банкаго строя.

Идеи Смита не только прочно подчинили себѣ умы и до основанія преобразовали политическую экономію: они завоевали себѣ также полное господство въ области государственнаго управленія.

На долю *Пруссіи* выпала почетная заслуга первой провести въ жизнь и осуществить на дѣлѣ идеи великаго основателя школы свободной торговли, и притомъ въ такое время, когда, по общераспространенному теперь взгляду, долженъ былъ одержать верхъ принципъ совершенно противоположный. Перенесемся въ 1806 годъ. Старое государство неожиданно развалилось подъ мощными ударами чужеземнаго завоевателя, народное благосостояніе было подорвано и приведено въ почти безнадежное положеніе. Но исторія не знаетъ покоя: едва закончивается нисходящее движеніе, какъ на смѣну ему является новое возрожденіе. Такъ и 1806 годъ составляетъ поворотный пунктъ въ исто-

рии Пруссіи: все, что устарѣло, сошло въ могилу, все, что уцѣлѣло, подверглось глубокому и органическому перерожденію. Правда, послѣдствія этой перемѣны не выказались тотчасъ же, процессъ перерожденія совершался медленно и постепенно, еще медленнѣе обнаруживается его благодѣтельное вліяніе. Въ первые годы преобладало тяжелое сознаніе несчастія и матеріальной нужды; подъ безпощаднымъ гнетомъ нищеты страдали въ особенности народныя массы; государство страдало финансовымъ разстройствомъ. Dietrichi, бывшій тогда начальникомъ прусскаго статистическаго бюро, весьма дѣльный экономистъ, сообщаетъ въ сочиненіи своемъ „о народномъ благосостояніи въ прусскомъ государствѣ“—превосходномъ источникѣ которымъ мы воспользуемся съ послѣдующихъ изложеній—что въ 1807 и 1808 годахъ Пруссія, въ которой въ то время считалось на 2780 кв. м. немного болѣе $4\frac{1}{2}$ м. жителей, должна была содержать довольно продолжительное время до 100,000 французовъ, что составляло, по вычисленію названнаго ученаго, расходъ въ 20 м. талеровъ. Къ этому надо еще присоединить весьма тяжелую военную контрибуцію, около 32 мил. талеровъ, поставки для дѣйствующей арміи, платежъ процентовъ по долгамъ, такъ что едва ли мы ошибемъ

ся, опредѣляя сумму ежегоднаго расхода по этимъ статьямъ въ 40 мил. талеровъ. Если до 1806 г., въ счастливыя для государства времена, на каждаго жителя приходилось отъ 15—16 тал. заработка, то откуда же было заработать теперь 21—24 тал., когда всѣ источники благосостоянія народа окончательно изсякли, когда земледѣліе, эта кормилица старой монархіи, находилось въ полномъ упадкѣ? Множество полей лежало невоздѣланными, скотъ во многихъ имѣніяхъ былъ совершенно истребленъ, въ другихъ значительно уменьшился въ числѣ; громадныя капиталы были потеряны; внѣшняя торговля находилась въ полномъ застоѣ, именно съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ предписалъ континентальную систему противъ Англіи.

Въ борьбѣ съ такими бѣдствіями необходимо было прежде всего оживить и поднять внутреннюю дѣятельность народа, и высвободить изъ ихъ оковъ производительныя силы труда и почвы. Тотъ фактъ, что вожди народа оказались проникутymi именно такими возрѣніями, очевидно было слѣдствіемъ вліянія смитовскихъ идей, которыя въ Германіи распространились и укрѣпились вскорѣ послѣ того, какъ стали извѣстными нѣмецкій переводъ „We-

alth of nations“ явился уже въ прошломъ столѣтіи.

Главная заслуга въ дѣлѣ распространенія идей Смита и ознакомленія съ ними дѣйствовавшаго тогда поколѣнія государственныхъ людей принадлежитъ знаменитому профессору государственнаго хозяйства въ Кенигсбергскомъ университетѣ Краусу, читавшему отъ 1781 до 1807 г., одновременно со своимъ близкимъ другомъ Кантомъ, спеціальныя курсы о системѣ Адама Смита и возбуждавшему въ своихъ слушателяхъ живѣйшій интересъ къ этому ученію. Такимъ образомъ, цѣлое поколѣніе чиновниковъ было воспитано въ воззрѣніяхъ Адама Смита, такъ что даже высокопоставленные государственные сановники, бывшіе близкими друзьями Крауса, стали послѣдователями его идей, особенно Шретеръ и Ауэрсвальдъ, издатель посмертныхъ сочиненій Крауса. Мы встрѣчаемъ уже въ 1806 году для Пруссіи и Литвы изданные законы, въ корнѣ которыхъ лежатъ идеи Смита. Но главнымъ образомъ въ тяжелыя времена 1807 — 1811 годовъ нашлись настоящіе люди дѣла, люди Штейнъ-Гарденбергскаго періода, которые съумѣли осуществить эти идеи, и которымъ Пруссія и Германія обязана своимъ національнымъ возрожденіемъ.

Въ послѣднее только время узнали мы много по-

выхъ и весьма цѣнныхъ данныхъ о жизни государственнаго канцлера Гарденберга, главнымъ образомъ благодаря обнародованію его „Denkwürdigkeiten“ изъ времени 1806—1812 годовъ, изданныхъ Леопольдомъ Ранке. Въ этомъ важномъ историческомъ памятникѣ помѣщена извѣстная записка Гарденберга отъ 12 сент. 1807 г., которая является изложеніемъ идей не только ея автора, но и лучшихъ его совѣтниковъ и близкихъ друзей—фонъ-Альтенштейна и Нибура. Эти два человѣка выработали цѣлый рядъ положеній, на которыя опирается Гарденбергъ и которыя отчасти были имъ болѣе развиты. Въ названной запискѣ Гарденбергъ исходитъ изъ той общей мысли, что всѣ міровыя событія и исторія всѣхъ народовъ совершаются по одному мудрому плану, и что задача каждаго отдѣльнаго народа состоитъ въ томъ, чтобы, благодаря мудрости своего правительства, *спокойно*, безъ сильныхъ потрясеній и толчковъ, войти въ это міровое теченіе. Государство, которому удастся понять истинный духъ времени, получить безспорно громадное преимущество передъ другими государствами. Полезное примѣненіе этой философской мысли Гарденбергъ видитъ во французской революціи и въ положеніи, занятомъ Пруссіей по отношенію къ ней. Этотъ могучій переворотъ даль

французамъ, среди бурь и потоковъ крови, совершенно новый подъемъ духа, пробудилъ всѣ дремлющія силы, излѣчилъ бѣдствія и слабости, разрушилъ старыя предрасудки и пороки, хотя вмѣстѣ съ ними уничтожилъ не мало и хорошаго. Никакія плотины, воздвигнутыя противъ этой могучей силы, не могли остановить все сокрушающаго потока республиканскихъ идей, потому что всѣ эти плотины были созданы эгоизмомъ или заблужденіями. Но самымъ роковымъ заблужденіемъ была надежда задержать развитіе революціи упорною поддержкою всего стараго и строгимъ преслѣдованіемъ всего новаго, ибо это вело только къ тому, что зло, которое хотѣли уничтожить, усиливалось еще болѣе. По мнѣнію Гарденберга, сила этихъ идей такъ велика, такъ неопровержима и несомнѣнна, что государство, которое ихъ отвергаетъ должно или пасть или будетъ вынуждено противъ воли принять ихъ. Даже безграничное честолюбіе, хищничество и стремленіе къ власти Наполеона и то должно было подчиниться этой силѣ. Гарденбергъ хочетъ такимъ образомъ, „революціи въ *хорошемъ* смыслѣ слова“, „революціи, которая приводитъ къ великой цѣли, къ облагороженію человѣчества не посредствомъ сильнаго давленія изнутри наружу, а благодаря мудрому руководству самаго правительства. Вотъ цѣль, къ которой должно

стремиться искусство государственнаго управленія. „Демократическіе принципы въ монархическомъ правительствѣ — вотъ мнѣ кажется формула наиболѣе соотвѣтствующая духу времени“. ^{и др.} Таковы собственные слова Гарденберга (8 стр. его „Denkschriften“).

Подробный разборъ мыслей Гарденберга о различныхъ сторонахъ государственной жизни повелъ бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей задачи, хотя и послужилъ бы для характеристики его хозяйственной системы и весьма полно могъ бы обрисовывать умственный складъ Гарденберга. Сущность его государственно-хозяйственной политики, наиболѣе интересующей насъ теперь, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, краеугольный камень смитіанизма: въ хозяйствѣ должна царить естественная свобода, которая ограничивается государствомъ лишь настолько, насколько того требуетъ крайняя необходимость. Поэтому прежде всего нужно предоставить возможно полную свободу приложенію своихъ силъ лицамъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Главнымъ предметомъ попеченій долженъ быть самый многочисленный и самый важный для государства классъ, крестьяне, объ интересахъ котораго до сихъ поръ наименѣе заботились и который наиболѣе притѣсняли. Старая форма крѣ-

постной зависимости должна быть немедленно
 исполнѣ уничтожена законодательнымъ путемъ.
 Крестьянинѣ долженѣ получить право свободно
 выходить изъ своего сословія, приобретать соб-
 ственность и вступать въ другія сословія. Рав-
 нымъ образомъ и бюргера не слѣдуетъ стѣснять
 въ полезномъ примѣненіи всѣхъ его силъ для
 достиженія собственнаго благосостоянія. Промыслы
 и торговля должны сдѣлаться свободными, цехи
 уничтожены, всѣ старыя монополіи, юридическія
 ограниченія мало по малу устранены и новыя,
 конечно, не должны быть допускаемы. „Всѣ си-
 некуры—воскликаетъ Гарденбергъ—всѣ богадѣль-
 ни для лѣнтяевъ, все, что не связано съ извѣстной
 обязанностью, всѣ вознагражденія, получаемыя не
 за услуги, должны быть уничтожены, какъ на-
 примѣръ, опекунскія мѣста, духовные рыцарскіе
 ордена и т. п. учрежденія“. Особенное вниманіе
 затѣмъ обращаетъ государственный канцлеръ (въ
 главѣ „Внутренняя Полиція“) на *торговую по-
 литику*.

Въ *торговой полиціи*, пишетъ онъ, долженъ
 царить принципъ *laissez faire*. Тамъ, гдѣ ради
 большей выгоды общества или ради увеличенія
 государственныхъ доходовъ отрубаютъ у дерева
 вѣтви или въ какой либо формѣ хотятъ стѣснить

его, тамъ надо поступать съ крайней осторожностью. Природа дерева требуетъ свободы. Я вполне убѣжденъ, восклицаетъ Гарденбергъ, что мы нанесли существенный ущербъ государству, пожертвовавъ фабричной системѣ выгодами торговли, которая въ большей части государствъ, а въ особенности въ Пруссіи, покоится на сельскомъ хозяйствѣ. Разныя запрещенія привоза и вывоза, разныя монополіи и инаго рода виды покровительства отдѣльнымъ лицамъ или мѣстностямъ принесли всему обществу, вмѣсто ожидаемой пользы, явный вредъ.

Можно съ увѣренностью утверждать, что выгода была бы большая и болѣе постоянная, если бы поддерживали и поощряли промышленность безъ посягательствъ на свободу торговли и промысловъ; фабричное производство получило бы направленіе, болѣе соотвѣтствующее условіямъ страны, а населеніе и увеличилось бы скорѣе и было бы болѣе энергично. Несомнѣнно, что при этомъ выигралъ бы и государственный бюджетъ. Я далеко отъ того, чтобы говорить противъ всѣхъ фабрикъ; государство можетъ и должно, смотря по обстоятельствамъ, поддерживать тѣ или другія изъ нихъ, содѣйствовать ихъ основанію, провлекать ихъ изъ заграницы; но *дѣйствительно полезныя фабрики всегда возникнутъ сами собой, лишь бы процвѣтала*

торговля; наоборот, онѣ не могутъ успѣшно вести свои дѣла, когда *торговля въ упадкѣ*, онѣ и падаютъ вмѣстѣ съ ея паденіемъ. Фабрики — продуктъ естественныхъ требованій жизни, а не искусственныхъ измышлений, и для успѣшнаго своего существованія не нуждаются ни въ какихъ таможенныхъ запрещеніяхъ, — опытъ даетъ тому массу доказательствъ. Пересмотръ и измѣненіе нашихъ торговыхъ, таможенныхъ и акцизныхъ законовъ принадлежать къ числу неотложныхъ потребностей времени и современная эпоха именно благопріятствуетъ кореннымъ измѣненіямъ существовавшей до сихъ поръ системы. Гдѣ не можетъ быть допущена полная свобода ввоза, онъ тѣмъ не менѣе долженъ бы быть обложенъ лишь на столько, чтобы торговля могла существовать. Въ этомъ отношеніи *фонъ Альтенштейнъ* идетъ нѣсколько далѣе. Тогда какъ Гарденбергъ очевидно думаетъ только о финансовой пошлинѣ, Альтенштейнъ полагалъ, что было бы безразсудно не производить того фабрика, который даетъ учетверенную прибыль. Особенно противился Гарденбергъ хлѣбной пошлинѣ, „вредъ и бесполезность которой доказаны до очевидности и признаны всѣми“.

Въ тѣсной связи съ изложенными идеями Гарденберга стоятъ взгляды на государственное хозяйство

знаменитаго К. фонъ-Штейна. Въ жизни этого челоѣка обращаютъ преимущественное вниманіе, по выраженію В. Рошера ¹⁾, на героическую, нравственную и національно-политическую ея сторону. Удивляются герою, о которомъ Шарнгорстъ сказалъ, что, послѣ Блюхера, это единственный челоѣкъ, чуждый всякаго страха предъ людьми, котораго не любилъ Наполеонъ, потому что не могъ подчинить его своему нравственному вліянію, и который съ своей стороны, быть можетъ, болѣе, чѣмъ кто либо другой, содѣйствовалъ паденію и изгнанію Наполеона. Уважаютъ въ немъ характеръ челоѣка, сумѣвшаго сочетать съ глубокимъ умомъ и огромной энергіей нравственную чистоту, и поэтому ставшаго образцомъ добродѣтели, неустаннымъ противникомъ зла, и гордостью нѣмецкаго народа. Любятъ, наконецъ, въ немъ нѣмца, который одинъ, за исключеніемъ можетъ быть Лютера, съ такой полнотою и силой и такъ типически воплотилъ въ себѣ всѣ свѣтлыя стороны своего народа. Все это, конечно, вполнѣ справедливо; но изъ за этихъ заслугъ не слѣдуетъ забывать и того, что Штейнъ былъ одинъ изъ величайшихъ политико-экономовъ, такъ-какъ свои лучшіе

¹⁾ Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland, стр. 702.

годы—вплоть до наступленія великой катастрофы въ Пруссіи—онъ посвятилъ изученію почти исключительно именно *этой отрасли знанія*. Еще въ Гёттингенскомъ университетѣ, Штейнъ въ теченіи 1773—1777 гг. изучалъ, вмѣстѣ съ умнымъ Ребергомъ, главнѣйшія англійскія экономическія и политическія сочиненія, Гёттингенскій университетъ былъ въ то время первый, который сталъ преподавать будущимъ государственнымъ людямъ науку о государствѣ, стоящую неизмѣримо выше камеральныхъ наукъ, все болѣе и и болѣе падавшихъ со времени Фридриха Вильгельма I. Впослѣдствіе Штейнъ изучалъ преимущественно Адама Смита. Онъ совѣтовалъ еще въ 1810 г. такому человѣку, какъ Вильгельмъ Гумбольдъ, изучить не только основныя положенія политической экономіи, но также финансовую и хозяйственную исторію народовъ, для чего рекомендовалъ ему между прочимъ сочиненія Forbonnais'a и Ganilh'a. Одной изъ первыхъ мѣръ Штейна, когда онъ сдѣлался министромъ, было основаніе прусскаго статистическаго бюро (1805 г.), которому также должна принадлежать одна изъ главныхъ ролей въ преобразовательныхъ планахъ 1808 года. Штейнъ самъ набросалъ тогда въ

главныхъ чертахъ основанія устройства этого новаго учрежденія.

Взгляды Штейна на государственное хозяйство можно короче всего охарактеризовать, указавъ на отклоненія его взглядовъ отъ Смитовскихъ, такъ какъ въ главныхъ положеніяхъ онъ всегда сходится съ Адамомъ Смитомъ. Притомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Штейнъ былъ не исключительно теоретикомъ, но также практическимъ государственнымъ человѣкомъ, что онъ былъ человѣкомъ не 18-го, а 19-го столѣтія, не шотландцемъ, а нѣмцемъ. Главнымъ его стремленіемъ было прежде всего положить въ основаніе устройства народнаго хозяйства свободу личности и собственности. Но однако, въ сравненіи съ демократическимъ Гарденбергомъ, онъ является скорѣе разсудительнымъ представителемъ консервативнаго (въ лучшемъ смыслѣ слова) элемента. Онъ требовалъ также преобразованія старыхъ порядковъ, но съ болѣе медленнымъ переходомъ къ полной свободѣ. Штейнъ не желалъ сразу полной, неограниченной свободы промысловъ, которую, по его мнѣнію, слѣдовало предоставить только пекарямъ, мясникамъ и другимъ продавцамъ важнѣйшихъ средствъ пропитанія, и на первыхъ порахъ считалъ достаточной только реформу цеховаго устрой-

ства. Онъ полагалъ, что, наряду со свободной конкуренціей, необходимо всетаки цѣлесообразными мѣрами удерживать промышленниковъ отъ „матеріальнаго разоренія, одичанія и мошенничества“, конечно, не нарушая при этомъ естественной свободы и принимая въ соображеніе успѣхи промышленности. Равнымъ образомъ и въ торговой политикѣ Штейнъ не придерживался рабски извѣстнаго шаблона. Такъ въ 1807 г., проведя принципъ пониженія ввозныхъ пошлинъ, онъ однако удержалъ, на примѣръ, запрещеніе вывоза шерсти сырца, что было необходимо для благосостоянія Силезіи. Относительно свободы хлѣбной торговли Штейнъ высказался съ большою осторожностью. Онъ ее рекомендуетъ *какъ общее правило*, однако, съ нѣкоторыми ограниченіями, замѣчая при этомъ, что «сельское хозяйство не можетъ процвѣтать, не будучи вполне обезпечено въ сбытѣ своихъ продуктовъ».

Эти два человѣка раньше всѣхъ были призваны Фридрихомъ Вильгельмомъ III къ преобразованію Пруссіи, и это было величайшимъ дѣломъ его жизни. Они-то создали тѣ великіе органическіе законы, которые преобразовали Пруссію и Германію въ духѣ новаго времени и стали главными основами для воздвигнутаго позже зданія германской имперіи. Главной задачей тогда только развившагося совре-

меннаго правоваго государства ¹⁾, на первыхъ же порахъ его развитія, было *полное освобожденіе* недвижимой собственности. Оно состояло въ предоставленіи *соціальной свободы* поземельной собственности при содѣйствіи государственной власти ²⁾, въ отмѣнѣ всѣхъ феодальныхъ стѣсненій, которыя ограничивали свободное пользованіе землей и ея плодами. Этотъ освободительный актъ былъ вызванъ не только измѣненіемъ правовыхъ взглядовъ, но измѣненіемъ всѣхъ културнообщественныхъ отношеній въ началѣ нашего столѣтія: процвѣтаніемъ городовъ и промышленно-торговой дѣятельности, распространеніемъ денежнаго хозяйства взамѣнъ стараго, натурального; наконецъ вообще необходимостью раціональной обработки почвы. Совмѣстное дѣйствіе всѣхъ этихъ факторовъ, захватывающихъ большую область народной жизни, дало толчокъ къ освобожденію поземельной собственности и къ устраненію всякой гражданско-правовой ея зависимости.

Въ Пруссіи въ этой области немало уже было сдѣлано дальновидными государями XVIII столѣтія. Такъ, на примѣръ, Фридрихъ-Вильгельмъ I

¹⁾ Schulze. Preussisches Staatsrecht II, p. 628 сл.

²⁾ Rösler. Social. Verwaltungsrecht I. 364 сл.

уже въ 1719 году уничтожилъ крѣпостное состоя-
ніе государственныхъ крестьянъ (Domänenbauern)
въ Нижней Помераніи и далъ имъ въ собствен-
ность ихъ дворы, удержавъ барщину. Но пол-
ное освобожденіе земли и крестьянскаго сословія
не было въ духѣ XVIII столѣтія. Одна только
Англія цѣлые вѣка тому назадъ повсемѣстно уни-
чтожила, главнымъ образомъ путемъ обычнаго права,
крѣпостное состояніе и крѣпость земель. Франція
сдѣлала рѣшительный шагъ къ радикальному устра-
ненію феодальной системы лишь въ достопамятную
ночь 4 августа 1789 года, и примѣръ этого вели-
каго дѣла французской революціи не долженъ былъ
пропасть даромъ для Европы. Первымъ государ-
ствомъ, послѣдовавшимъ по указанному пути, была
Пруссія, если не считать нѣкоторыхъ попытокъ
Іосифа II Австрійскаго, проникнутыхъ желаніемъ
добра, но тѣмъ не менѣе не имѣвшихъ особаго
успѣха. Еще въ Мемелѣ, куда долженъ былъ уда-
литься король послѣ несчастныхъ событій 1807 г.,
обнародованъ былъ указъ 9 октября 1807 г. объ
облегченіи *пріобрѣтенія* и свободнаго *пользова-*
нія поземельной собственностью и о личныхъ от-
ношеніяхъ сельскихъ обывателей. Этотъ актъ указы-
ваетъ на то, что король уже тогда искалъ средствъ
къ поднятію поколебленнаго благосостоянія населе-

нія страны. Столько же изъ уваженія къ справедливости, сколько и въ интересахъ государственнаго хозяйства должно было быть устранено все, что мѣшало отдѣльнымъ лицамъ въ развитіи ихъ производительныхъ силъ. Но особенно большой вредъ приносили ограниченія въ правѣ владѣнія и пользованія поземельной собственностью, а также состояніе личной зависимости, въ которомъ находились сельскіе рабочіе, и поэтому каждый обыватель въ государствѣ долженъ былъ получить возможность безъ всякаго ограниченія достигнуть владѣнія недвижимымъ имуществомъ на правѣ собственности—дворянинъ не только дворянскимъ, но и мѣщанскимъ и крестьянскимъ, а мѣщанинъ или крестьянинъ не только мѣщанскимъ или крестьянскимъ, но и дворянскимъ. Всякій безъ исключенія долженъ былъ получить возможность заниматься тѣмъ ремесломъ, которое ему представляется наиболѣе выгоднымъ и мѣнять по своему усмотрѣнію свое состояніе. Съ 1-го октября 1810 года въ Пруссіи пало всякое прикрѣпленіе земли и къ землѣ и съ этого дня всѣ стали вполнѣ людьми свободными.

Этой программѣ прусское законодательство осталось въ общемъ вѣрно, не смотря на нѣкоторыя уклоненія въ частностяхъ. Правда, потребовалось довольно много времени и благо-

творное вліяніе политическаго движенія 1848 года, чтобы наконецъ законодательныя работы въ указанномъ направленіи завершались великимъ закономъ 2 марта 1850 г. Послѣдніе остатки феодальной системы въ поземельныхъ отношеніяхъ пали въ Пруссіи лишь съ изда- ніемъ этого закона, осуществленію котораго много помогло основаніе *рентныхъ банковъ*. Съ этого времени ея сельское населеніе состоитъ исключительно изъ *свободныхъ людей*, имѣющихъ право примѣнять свою рабочую силу любымъ образомъ и въ любомъ мѣстѣ, а всѣ *сельскіе* поземельные участки принадлежатъ своимъ хозяевамъ исключительно на правѣ полной собственности, могутъ быть отчуждаемы и наслѣдуемы полностью или по частямъ, а также могутъ соединяться въ какомъ угодно числѣ въ рукахъ одного лица. Рука объ руку съ поземельнымъ законодательствомъ стали тогда развиваться и за- коноположенія, касающіяся собственно обработки земли, и сельскохозяйственное образованіе.

Въ слѣдующемъ, 1808 году обнародовано, 19 ноября, знаменитое городское положеніе. За- конъ исходилъ изъ того взгляда, что городско- му населенію должно впредь принадлежать не- посредственное участіе въ общественномъ упра-

вленіи, и что слѣдовательно города нуждаются въ самостоятельномъ уложеніи. Принципъ самоуправленія долженъ быть выдвинуть на первый планъ, отъ него должно ждать сильнаго подъема общественнаго духа. По этому закону въ городахъ есть только одинъ классъ обывателей-гражданъ и только одно право—городовое, которое состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что предоставляетъ всѣмъ заниматься ремеслами и владѣть недвижимою собственностью. Различіе между именитыми и простыми гражданами, отличія обывателей колоній, какъ то пфальцскихъ, французскихъ эмигрантовъ и т. п. уничтожаются такъ же, какъ и различія между *unmittelbare und mittelbare Städte*. Никому, водворившемуся въ городѣ, разъ онъ пользуется добрымъ именемъ, не можетъ быть отказано въ правахъ, предоставляемыхъ гражданамъ города; ни сословіе, ни происхожденіе, ни вѣроисповѣданіе нисколько не вліяютъ на приобрѣтеніе этихъ правъ. Городовое устройство было основано слѣдовательно на принципѣ самоуправленія.

Дальнѣйшій рядъ органическихъ законовъ 1808 года имѣлъ цѣлью введеніе новой системы *государственнаго управленія*. Прежде всего было рѣшено строго провести раздѣленіе *судебной и административной* власти. Въ прежнее время такъ

называемыя *Kriegs* и *Domänenkammern*, которые теперь были переименованы въ „*Regierungen*“, имѣли и нѣкоторыя судебныя функціи. Последнія перешли теперь въ вѣдѣніе обыкновенныхъ судовъ, а этимъ «*Regierungen*» была оставлена исключительно административная дѣятельность; во главѣ ихъ, для оживленія хода дѣлъ, были поставлены *оберпрезиденты*. Высшее руководство всѣмъ государственнымъ управленіемъ поручено *государственному совѣту* (*Staatsrath*), подъ предсѣдательствомъ самого короля. Народъ былъ призванъ къ участию въ управленіи въ лицѣ выборныхъ отъ земскихъ сословій.

Преобразовавъ такимъ образомъ на новыхъ, высшихъ началахъ весь государственный строй и производительную дѣятельность націи, правительство обратило свое вниманіе на обновленіе законодательства, касающагося промысловъ.

Въ Пруссіи, какъ вообще во всей Германіи, существовало тогда еще повсюду цеховое устройство. Но характеръ административнаго вѣдомства, лежавшій когда въ основаніи цеховъ, давно ужъ исчезъ и уступилъ мѣсто имущественно - правовой привилегіи. Если въ доброе старое время цеховъ, обязательная принадлежность къ цеху служила средствомъ къ объединенію всѣхъ ремесленниковъ

одной какой нибудь категоріи, то въ продолженіи 17 и 18 столѣтій эта обязанность стала средствомъ къ исключенію конкурентовъ по промыслу, и Штейнъ имѣлъ полное право сказать, что «цехи—порожденіе зависти». Главною цѣлью цеховаго устройства была *замкнутость* цеха, такъ что каждое ремесло становилось наследственной и съ нѣкоторыми ограниченіями даже *отчуждаемою собственностью* извѣстныхъ семействъ. Постоянно изобрѣтали новыя основанія для такой исключительности, затрудняли все болѣе и болѣе вступленіе въ мастерство. Вышіе—религіозные, нравственные и политическіе мотивы совершенно вымерли въ цеховой жизни, корпоративный духъ проявлялся преимущественно въ преслѣдованіи такъ называемыхъ кропальщиковъ (Pluscher) и пачкуновъ (Böhnhasen); въ безконечныхъ спорахъ о границахъ спеціальностей съ другими цехами и въ дружномъ противодѣйствіи общими силами наплыву деревенскаго люда.

Напротивъ того, забота объ интересахъ публики которая проявлялась въ былыя времена весьма опредѣленно, теперь находилась въ полномъ забвеніи. Техника, за устраненіемъ всякой конкуренціи, падала все ниже и ниже. Такъ какъ злоупотребленія со стороны цеховъ чрезвычайно уси-

лились въ продолженіи 17 и 18 столѣтій, то государственной власти приходилось не разъ употреблять противъ нихъ различныя мѣры строгости, которыя не могли однако улучшить въ сколько нибудь замѣтной степени положеніе дѣлъ. Даже Reichsschluss 1731 года повлекъ за собой лишь устраненіе важнѣйшихъ злоупотребленій; полного же преобразованія цеховой жизни этотъ актъ не только не достигъ, но даже и не имѣлъ въ виду.

Въ Пруссіи уже великій курфюрстъ положилъ начало систематическому со стороны правительства нормированію и содѣйствію промышленности ¹⁾. Указы 3 Ноября 1686 г., 7 Мая и 3 Іюля 1688 года были направлены къ улучшенію всего строя промышленной дѣятельности. Они положили конецъ системѣ дорогихъ образцовыхъ произведеній, равно какъ и ограниченію числа мастеровъ, составлявшихъ цехъ. Иностранные выходцы, особенно французскіе эмигранты, получаютъ права свободныхъ мастеровъ. Замкнутость цеховъ была значительно поколеблена многочисленными личными привилегіями. Тому же направленію въ промышленной политикѣ слѣдовалъ и король Фридрихъ

---

¹⁾ G. Schmoller, Zur Geschichte des deutschen Kleingewerbes im 19 Jahrhundert. Halle. 1870.

лицъ Гильмъ I. Ремесла по прежнему должны были вращаться преимущественнымъ достояніемъ городовъ, но различныя изъятія изъ этого общаго правила должны стоять внѣ своекорыстныхъ вліяній членовъ городскихъ цеховъ. Въ 1718 г. издадена „*principia regulativa*“, опредѣляющія отношенія города и деревни: ткачи и прядильщики полотна, кузнецы, портные, плотники и колесные мастера могутъ заниматься своимъ ремесломъ и въ деревняхъ. За Reichsschluss'омъ 1731 года въ Пруссіи слѣдоваль пересмотръ всѣхъ общихъ цеховыхъ привилегій. Цѣны были поставлены подъ строгій надзоръ правительства или *полиции*, а наблюденіе за ними было поручено, главнымъ образомъ, податнымъ совѣтникамъ и фабричнымъ инспекторамъ. Ту-же политику преслѣдовалъ съ еще большею энергіей Фридрихъ Великій. Наряду съ ремесленнымъ дѣломъ онъ обратилъ также особенное вниманіе на *промышленность*, которой, казалось, было предназначено не только поднять благосостояніе Пруссіи, но и разбить неподвижные оковы цеховаго устройства. Въ общемъ однако средневѣковое устройство цеховъ продолжало существовать въ прежнемъ видѣ. Только послѣ того, какъ теорія, подъ вліяніемъ Адама Смита, стала настойчиво требовать принципіальной сво-

10-
боды промысла, а французская конституція 1790-
объявила ее всеобщимъ правомъ всѣхъ гражданъ,
совершенно устранила принудительную власть ко
ховъ, Пруссія, первая между нѣмецкими госу-
дарствами, въ это время своего духовнаго возрѣ-
шенія вступила на новый путь свободы торго-
вля. Свобода промысловъ была объявлена впервые въ
разосланной провинціальнымъ управленіямъ (Regie-
rungen), 26 Декабря 1808 г., инструкціи, опредѣ-
ляющей ихъ дѣлопроизводство и въ финансовомъ
эдиктѣ 2 Ноября 1810 г. Въ основу сказанной
инструкціи былъ положенъ принципъ, согласно
которому „никто не долженъ подвергаться огра-
нченію въ пользованіи имуществомъ, граждан-
скими правами и вольностями въ болѣе мѣрѣ,
нежели того требуетъ общее благо государства,
законодательство же и администрація призваны
заботиться только объ устраненіи всякихъ препят-
ствій, лежащихъ на пути возможно болѣе сво-
боднаго развитія талантовъ, способностей и силъ
всѣхъ гражданъ. „Полное осуществленіе эта свобода
получаетъ въ указѣ 2 Ноября 1810 г. о промы-
словомъ налогѣ. Этимъ указомъ прежде всего уни-
чтожались всѣ различія по отношенію къ праву
занятія промысломъ, существовавшія до того вре-
мени между городомъ и деревней; затѣмъ отмѣня-

лись всѣ преимущества, дарованныя въ прежнія времена цехамъ, союзамъ или отдѣльнымъ лицамъ, или же обусловливавшіяся владѣніемъ землей, причемъ указъ этотъ устанавливалъ, какъ общее правило, что для занятія какимъ бы то ни было промысломъ должно быть выдаваемо особое *промысловое свидѣтельство*, которое признается совершенно достаточнымъ для *права* промысла и что въ свидѣтельствѣ этомъ никому не можетъ быть отказано, кто до тѣхъ поръ велъ неопороченную жизнь. Только въ полицейскихъ видахъ свобода ремесла была подвергнута нѣкоторымъ ограниченіямъ, которыя были подробно изложены въ указѣ „о полицейскихъ условіяхъ промысловъ“ 7 Сентября 1811 г.

Послѣ великой борьбы и побѣдъ 1812—15 г., вслѣдствіе которыхъ Германія снова вошла въ свои старыя границы, и послѣ которыхъ во владѣніи Пруссіи оказалось около 5014 кв. миль территоріи съ 10¹/₂ милл. населенія, стала чувствоваться настоятельная потребность дать новое устройство *системъ податей и таможенныхъ пошлинъ*.

Пруссія до 1806 г. была собственно *земледѣльческимъ государством* ¹⁾. Болѣе 80% всего

¹⁾ Dietrich, а. а. О.

населенія занималось земледѣлемъ. Хлѣбопашество доставляло болѣе, чѣмъ было необходимо для прокормленія государства (болѣе 51 мил. шеффелей), такъ что хлѣбъ былъ предметомъ вывоза. Только въ западной части государства въ Силезіи, Браденбургѣ, именно въ Берлинѣ, и въ Магдебургѣ процвѣтала оживленная фабричная дѣятельность. Для торговли, а именно, оптовой, и для сношеній съ заграницей были уже тогда самыми важными торговыми пунктами: портовые города Балтійскаго моря Мемель, Кенигсбергъ, Данцигъ, Штетинъ, къ которымъ теперь присоединился, на побережьи Нѣмецкаго моря, Эмдентъ.

Для общей картины тогдашняго положенія дѣль, слѣдуетъ еще упомянуть о различіи между городомъ и деревней; кромѣ того въ этой послѣдней мы должны различать дворянскія земли и домены съ одной стороны и земли крестьянскія—Kossäthen, Büdnern, Einliegern, съ другой. Дворянскія земли и домены состояли вообще изъ большихъ помѣстій въ 2 — 3 тысячи и даже 4 — 5 тысячъ и болѣе моргеновъ. Владѣльцы дворянскихъ помѣстій считались высшимъ сословіемъ; владѣть ими могло по закону только дворянство. Подати, которыя помѣщики платили государству, были очень незначительны; поземель-

ный налогъ, гдѣ онъ и существовалъ, былъ крайне умѣренъ. Сельское населеніе, за исключеніемъ западныхъ провинцій, было по большей части прирѣплено къ землѣ. Единственною податью, которую крестьяне платили, была такъ называемая контрибуція; города были обложены стариннымъ акцизомъ. Торговлей, равно какъ ремеслами и фабричною промышленностью, можно было заниматься только въ городахъ. Рѣшительно все, что только служило предметомъ потребленія въ городахъ, подлежало акцизу; изъятія составляли большую рѣдкость. Города, какъ извѣстно, были окружены стѣнами, такъ что изъ провозившихся чрезъ ворота товаровъ ничто не могло ускользнуть отъ платежа акциза.

Особенно печальнымъ въ старомъ государствѣ было положеніе *торговли*. Основныя положенія меркантильной системы поразили торговлю въ самомъ корнѣ ея. Запретительная система распространялась даже на внутреннія области самой монархіи, каждая провинція, каждый округъ былъ какъ бы иностранной державой по отношенію къ другимъ. Каждый имѣлъ свои особыя пошлины и свой особый тарифъ. Внѣшняя торговля, конечно, тоже была стѣснена такой же запретительной системой ввоза. Но такъ какъ народъ не хотѣлъ отка-

заться отъ лучшихъ и болѣе дешевыхъ англійскихъ и французскихъ бумажныхъ и шелковыхъ товаровъ, то повсюду возникла дѣятельная контрабандная торговля, противъ которой безсильны были самыя строгія запрещенія закона. Въ такомъ положеніи, въ общихъ чертахъ, находилась Пруссія до 1806 г.; на этомъ фонѣ еще болѣе величественными являются законодательные акты послѣдующихъ годовъ, особенно же закона 1818 г.

Уже 7 Января 1817 г., тогдашній министръ финансовъ, графъ Бюловъ, представилъ королю свои проекты новаго финансоваго и податнаго законовъ. Такихъ проектовъ было два, Одинъ касался прусской системы налоговъ, причемъ въ немъ же изложены были и общія основныя положенія; другой относился къ таможеннымъ пошлинамъ и косвеннымъ налогамъ. Въ приложенной къ проектамъ объяснительной запискѣ, Бюловъ указываетъ на огромное значеніе всякой системы налоговъ вообще, которая глубоко вліяетъ на внутреннюю жизнь народа, на его занятія и благосостояніе. Система налоговъ обуславливаетъ собой достиженіе государствомъ своихъ высшихъ цѣлей, вліяетъ на нравственность и обычаи страны. Прежде всего необходимо, чтобы въ системѣ обложенія всякаго рода оборотовъ было создано един-

ство. Особенно важно это по отношенію къ налогамъ косвеннымъ, такъ какъ они затрагиваютъ обращеніе и торговлю. Всякое неравенство влечетъ за собою несправедливость, застой въ торговлѣ, затрудненія для администраціи. Наилучшими налогами на предметы потребленія и торговли слѣдуетъ считать тѣ, которые даютъ возможность самаго широкаго развитія промышленности, падаютъ равномерно и умѣренно на немногіе предметы, требуютъ наименьшихъ издержекъ для своего взима- нія и наименьшаго контроля. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о сохраненіи прежняго акциза и старой системы пошлинъ. Обложенію акцизомъ подлежало до 2775 предметовъ, т. е. почти всѣ предметы, потребляющіеся въ жизни и въ промышленности. Въ однихъ старыхъ провинціяхъ существовало около 60 таможенныхъ и акцизныхъ тарифовъ, которые сохраняются еще въ силѣ, но разнообразныя статьи которыхъ не въ состояніи удержать ни одна человѣческая память. Это система, о которой прежній государственный канцлеръ Струензе (Struensee) говорилъ, что она представляетъ хаосъ, возникшій подъ вліяніемъ слѣпаго случая. Особенно важное значеніе имѣютъ сношенія виѣшнія. Самымъ главнымъ источникомъ благосостоянія является торговля; поэтому заслу-

живае́тъ особеннаго вниманія поддержка и содѣйствіе торговлѣ и фабричному производству; съ ними тѣснымъ образомъ связаны и финансовыя интересы, но такъ, что послѣдніе подчинены первымъ, такъ какъ въ зависимости отъ процвѣтанія или упадка торговли увеличивается и уменьшается народное благосостояніе, а отъ этого въ свою очередь зависитъ увеличеніе или уменьшеніе государственныхъ доходовъ, на немъ основанныхъ. Поэтому государственная мудрость требуетъ допущенія умеренной свободы торговли. Въ основѣ проектовъ таможенныхъ законовъ должна лежать свобода въ торговыхъ сношеніяхъ съ иностранными государствами, но рядомъ съ этимъ должны быть изысканы мѣры и для охраны туземной промышленности. На тотъ случай, если бы другія страны не приняли у себя той же системы отношеній ко внѣшней торговлѣ, въ законодательствѣ должна быть указана возможность репрессивныхъ мѣръ, когда таковыя будутъ признаны полезными. Запретительная система, которой держались Англія, Франція, Россія, совершенно не соответствовала тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находилось прусское государство. Длинная береговая линія, центральное положеніе среди другихъ державъ, дѣлали эту страну весьма удобной для транзита. Чѣмъ боль-

шая свобода будетъ предоставлена транзитной торговлѣ, тѣмъ большую пользу можно будетъ изъ нея извлечь. Возможно большій ввозъ расширяетъ торговлю, облегчаетъ вывозъ, даетъ большую возможность сбывать и вывозить за границу наши собственные обработанные издѣлія. До очевидности ясное подтвержденіе этихъ положеній можно найти въ исторіи такихъ странъ, какъ Саксонія и Швейцарія. Монополіи и покровительственныя пошлины обыкновенно суть средства усиленія промышленности.

Сообразно съ этими взглядами былъ составленъ проектъ таможеннаго тарифа. Каждое положеніе этого проекта тщательно изслѣдовалось и обсуждалось изъ опасенія переступить должную границу, что могло повести къ подавленію того источника доходовъ, о развитіи котораго заботились. Тѣ товары, которые завѣдомо не производились въ Пруссіи, или тѣ, по отношенію къ которымъ нечего было опасаться иностранной конкуренціи, облагались, по проекту, небольшимъ процентнымъ сборомъ, остальные же привозные товары проектъ облагалъ лишь въ размѣрѣ, обеспечивавшемъ туземнымъ фабрикантамъ достаточное преимущество сравнительно съ иноземными. Обложеніе иностранныхъ фабрикатовъ въ сред-

немень не должно превосходить 10% съ цѣнности. Всѣ иностранные матеріалы, необходимые, какъ сырье для нѣмецкаго фабричнаго производства, частью совершенно освобождались отъ пошлины, частью облагались самой незначительной. Иностранные предметы потребленія, какъ то кофе, сахаръ, пряности и проч., должны быть обложены болѣе высокой пошлиной, въ 30%; по отношенію къ нимъ главную роль играетъ интересъ фискальный. Основаніемъ вычисленія пошлинъ для всѣхъ предметовъ принять былъ ихъ вѣсъ, такъ какъ это представляло наиболѣе удобствъ при досмотрѣ товаровъ, такъ какъ для другаго способа оцѣнки было бы трудно найти знающихъ чиновниковъ.

Разсмотрѣніе этихъ проектовъ, таможеннаго и податнаго уставовъ, было однимъ изъ первыхъ дѣлъ, которыми занялся вновь учрежденный 20 марта 1817 г. государственный совѣтъ. Вслѣдствіе важности предмета обсужденія, была образована особая коммисія изъ 24 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Вильгельма фонъ Гумбольдта, чловѣка, превосходно знакомаго съ дѣломъ, стоявшаго выше всякихъ партійныхъ интересовъ, трезво и безъ всякой предвзятой мысли смотрѣвшаго съ высшей точки зрѣнія на благо чловѣчества и государства, и обладавшаго умомъ, способнымъ вѣрно отличать

правильное отъ ложнаго. Докладчикомъ былъ назначенъ Фризе, юристъ, знакомый со всѣмъ законодательствомъ, проникнутый лучшими стремленіями, одаренный умомъ свѣтлымъ и проницательнымъ. Среди членовъ комиссіи были такія личности, какъ *І. Г. Гофманъ*, извѣстный политико-экономъ, затѣмъ *Маасенъ*, *Ротеръ*, *Ладенбергъ*, *Шарнгорстъ* и другіе. Тѣмъ не менѣе, мнѣнія членовъ комиссіи раздѣлились: одни изъ членовъ принадлежали къ поборникамъ новыхъ возрѣній на государство, другіе къ рѣшительнымъ приверженцамъ прежней системы управленія. Король назначилъ кромѣ того членами комиссіи всѣхъ десять оберъ-президентовъ провинцій; вмѣстѣ съ тѣмъ были тщательно выслушаны мнѣнія отдѣльныхъ фабрикантовъ. Въ результатъ совѣщаній оказалось, что комиссія отклонила прое́къ новаго податнаго устава, но выразилась за принятіе новаго таможеннаго тарифа. Главнымъ основаніемъ перваго рѣшенія комиссія выставила необходимость отвергнуть потребительный налогъ на *мясо* и *муку*, такъ какъ эти предметы составляютъ главное средство питанія наиболѣе недостаточнаго класса населенія.

Король, ознакомившись съ ходомъ дѣла въ комиссіи, рѣшилъ передать ея рѣшеніе относи-

тельно таможенного тарифа немедленно на рассмотрение государственного совета в полном его составе. Плодомъ этого разсмотрѣнія явился законъ 26 мая 1818 г., вводящій въ Пруссіи свободу торговли. Однако этотъ законъ могъ быть введенъ въ дѣйствіе не безъ значительной борьбы.

Сходились мнѣнія, прежде всего въ томъ, что обращеніе внутри страны должно быть совершенно свободно, что всякое различіе между отдѣльными провинціями государства впредь должно быть уничтожено. Вывозъ, по общему правилу, тоже долженъ быть свободенъ отъ налога, за исключеніемъ случаевъ особенно важныхъ. Провозъ, для облегченія транзитной торговли, долженъ быть обложенъ возможно равномерно и не высоко. Таможенный тарифъ долженъ пересматриваться каждые три года, причемъ должны быть принимаемы во вниманіе измѣненія въ цѣнахъ товаровъ. Предложеніе облагать товары съ вѣса также было принято. Самый главный и основной вопросъ всего законодательнаго проекта: какого принципа слѣдуетъ держаться въ будущемъ въ торговой политикѣ, принципа свободы или принципа покровительства, вызвалъ оживленный споръ, во многихъ отношеніяхъ интересный и поучительный.

До этого времени ввозъ многихъ предметовъ былъ

вовсе воспрещенъ, а другіе были обложены высокой ввозной пошлиной отъ 50 до 100% и даже выше. Еще въ 1800 году ввозъ всѣхъ заграничныхъ шелковыхъ, хлопчатобумажныхъ и полшелковыхъ товаровъ былъ совершенно запрещенъ. Это положеніе измѣнилось со вступленіемъ французской оккупаціонной арміи въ Брандербургъ, въ Берлинъ, согласно распоряженію французскаго правительства, а затѣмъ во всей Пруссіи по личному рѣшенію короля Фридриха Вильгельма III, который былъ приверженцемъ свободной торговли. Въ началѣ декабря 1806 г. французскій финансовый уполномоченный въ Берлинѣ Эстефъ потребовалъ, чтобы всѣ французскіе мануфактурные товары и фабричныя произведенія были допущены въ Бранденбургъ и въ занятія французскими войсками мѣстности Пруссіи, подъ условіемъ обложенія ихъ лишь незначительнымъ акцизомъ. Прусскія власти энергично протестовали противъ этого требованія. Мѣстная, (а именно Берлинская), промышленность не могла выдержать французской конкуренціи въ издѣліяхъ изъ шелка, хлопчатой бумаги, кожи, въ выдѣлкѣ высокихъ сортовъ сукна, бумаги, бронзы и мелкихъ галантерейныхъ товаровъ. Берлинскіе фабриканты могли держаться лишь при системѣ искусственнаго покровительства, которая существовала

болѣе столѣтія. Благосостояніе жителей, и безъ того потрясенное теперь, этой мѣрой могло быть совсѣмъ подорвано. Однихъ только ткачей работаетъ въ Берлинѣ болѣе сорока одной тысячи, и всѣ они будутъ вынуждены нищенствовать; начнутся волненія, и французское правительство само въ результатѣ потерпѣть убытки, такъ какъ доходы отъ акцизовъ, поступающіе въ его пользу, должны будутъ значительно уменьшиться. Съ своей стороны французы особенно настаивали на томъ, что ввозъ французскихъ товаровъ есть естественное слѣдствіе завоеванія, и что Франція должна быть по крайней мѣрѣ поставлена на равнѣ съ особенно благопріятствуемыми государствами, хотя Пруссія никогда не знала такой дифференціальной системы пошлинъ. Наконецъ, былъ принятъ тарифъ для французскихъ товаровъ, въ которомъ заключалось до 30 товаровъ обложенныхъ среднимъ числомъ ввозною пошлиною въ 20⁰/о стоимости. Но французы уменьшили эти статьи на половину, а для нѣкоторыхъ товаровъ совратили ихъ до 6 и даже 4⁰/о.

Было только что замѣчено, что король Фридрихъ Вильгельмъ III въ тоже самое время по собственной инициативѣ уничтожилъ въ Пруссіи старую акцизную систему. Онъ былъ противникомъ

этой системы и неоднократно высказывался въ этомъ смѣлѣ и ранѣе 1806 года. „Когда я думаю, — тѣловы его собственныя слова, — что на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, какъ възвываетъ опытъ, главную массу доходовъ можно собирать только съ предметовъ первой необходимости и самыхъ обыкновенныхъ предметовъ торговли, и что *число* этихъ предметовъ весьма ограничено, то я невольно прихожу въ ужасъ при видѣ многотомныхъ указателей акцизныхъ и таможенныхъ тарифовъ“. Предубѣжденіе короля противъ акцизовъ усилилось въ еще большей степени, когда онъ, вслѣдствіе войны, знакомился постоянно съ бытомъ деревень и маленькихъ городовъ своего королевства и видѣлъ собственными глазами, какъ бѣдственно было существованіе многихъ его подданныхъ, какъ трудно было имъ зарабатывать тѣ наличныя деньги, въ которыхъ они нуждались для удовлетворенія самымъ насущнымъ потребностямъ своихъ семей. Особенно сильно чувствовалось за-
прещеніе ввоза чужихъ товаровъ въ провинцію
Пруссію, въ то время, какъ ежедневно входили въ
остзейскіе порты англійскіе корабли съ самыми
лучшими и самыми дешевыми товарами. Вслѣд-
ствіе этого король разрѣшилъ понизить высочія
пошлины до $8\frac{1}{3}\%$; только прежнія пошлины на

иностранные предметы потребленія, какъ то сахаръ, кофе, табакъ, чай и вино, должны были подвергнуться дальнѣйшему повышенію. Но эти мѣры касались лишь провинціи Пруссіи; въ Бранденбургѣ, Шлезвигѣ и Помераніи запретительная система оставалась въ прежней силѣ, если не считать, конечно, распоряженій, сдѣланныхъ французами. Французскій тарифъ однако держался лишь до ухода враговъ. Такимъ образомъ съ 1808 до 1810 г., въ Пруссіи дѣйствовала *смѣшанная* система тарифовъ.

Однако положенія свободной торговли въ его чистомъ видѣ были приняты болѣе въ теоріи, т. е. въ законодательствѣ, регулировавшемъ другія государственныя отношенія и въ абстракціи. Это особенно ясно видно изъ знаменитой *инструкціи* провинціальнымъ управленіямъ (Geschäfts-Instruction) отъ 26 Декабря 1808 года. Кромѣ общихъ положеній о личной свободѣ, о свободѣ промысловъ внутри страны, былъ выставленъ принципъ свободы сношеній съ иностранными государствами, какъ необходимое условіе увеличенія народнаго благостостоянія. Мы читаемъ здѣсь положенія, живо напоминающія намъ Адама Смита. Не нужно производить такіе предметы, которые можно дешевле купить за границей. Излишекъ

издержекъ, который является послѣдствіемъ собственнаго производства, пропадаетъ совершенно безплодно, между тѣмъ, приложенный къ другому производству, онъ могъ бы доставить большія выгоды. Совершенно невѣрно мнѣніе, будто надо стараться удерживать деньги въ странѣ и воздерживаться отъ покупокъ. Если государство имѣетъ продукты, которые можетъ вывозить, то оно также можетъ купить себѣ золото и серебро, чтобы вычеканить изъ него монету. Чѣмъ выгоднѣе фабрикантъ или производитель могутъ сбыть свои продукты, тѣмъ больше они будутъ заботиться объ ихъ производствѣ. Свобода торговли возбуждаетъ духъ спекуляціи среди купцовъ. Купецъ не станетъ сбывать своихъ товаровъ тотчасъ, если онъ надѣется сбыть ихъ впослѣдствіи выгоднѣе, и охотно подождетъ поднятія цѣнъ, если самъ купилъ товаръ по болѣе высокой цѣнѣ; онъ ихъ не станетъ также вывозить, если онъ надѣется сбыть ихъ съ выгодой внутри страны. Этимъ путемъ, безъ особыхъ издержекъ, государство создаетъ для себя запасы и склады въ самой странѣ. Легкость обмѣна и хорошее устройство путей сообщенія будутъ направлять товары всегда туда, гдѣ въ нихъ наиболѣе нуждаются, такъ какъ тамъ за нихъ дороже заплатятъ. Не нужно торговлѣ покровительствовать, до-

статочно ей не мѣшать. Эта именно свобода промысловъ и торговли и создаетъ возможную конкуренцію въ одно и то же время въ интересахъ производящей и продающей публики и тѣмъ самымъ наиболѣе вѣрнымъ способомъ охраняетъ потребляющую отъ дороговизны и чрезмѣрнаго поднятiя цѣнъ.

Въ 1813 году началась снова война, а вмѣстѣ съ нею прекратилась для Пруссiи обязательная сила континентальной системы. Кораблямъ и товарамъ всѣхъ дружественныхъ и нейтральныхъ государствъ открывался входъ въ прусскiя гавани; напротивъ того — ввозъ всѣхъ французскихъ товаровъ былъ запрещенъ. Иностранные товары были обложены очень умѣренной пошлиной, ввозной и транзитной, но до тѣхъ только поръ, пока того требовали государственныя потребности, увеличившіяся благодаря войнѣ за освобожденіе Германiи. Тогда масса англійскихъ товаровъ, въ особенности хлопчатобумажныхъ, накопившихся въ Англии во время континентальной системы, наводнила прусскіе рынки и стала продаваться здѣсь по необыкновенно низкой цѣнѣ. За нашествiемъ французовъ послѣдовало нашествiе англійскихъ фабрикатовъ. Отовсюду посыпались жалобы, такъ что правительство было вынуждено опять ограничить

по крайней мѣрѣ ввозъ хлопчато-бумажныхъ фабричныхъ товаровъ. До февраля 1817 года все оставалось по старому, не смотря на неоднократныя завѣренія, что новая торгово-политическая система будетъ скоро проведена въ законодательствѣ.

Но чѣмъ больше обращалось въ обществѣ вниманія на новую систему и чѣмъ больше оно убѣждалось, что это будетъ система очень умѣренной *свободы торговли*, тѣмъ сильнѣе выступали противоположные интересы. Берлинскіе, бранденбургскіе и силезскіе фабриканты особенно опасались убытковъ вслѣдствіе низкой пошлны въ 10 % почти на всѣ иностранныя товары. Они требовали очень высокихъ пошлынъ и по большей части даже полное запрещеніе и, обращаясь съ настойчивыми петиціями къ королю и къ министрамъ, громко вzywали о помощи. Они находили, что введеніе даже весьма высокихъ ввозныхъ пошлынъ нисколько имъ не поможетъ, такъ какъ англійскіе купцы предлагаютъ товары за безцѣнокъ, а контрабандная торговля постарается сдѣлать призрачнымъ всякое покровительство. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ оберъ-президента провинці Бранденбурга, фонъ Гейдебрека, стала на сторону фабрикантовъ. Они высказались въ томъ смыслѣ, что по крайней мѣрѣ

современное положеніе торговли совершенно не благоприятствуетъ введенію свободной торговли. Вообще её можно вводить лишь постепенно, послѣ возстановленія нормальнаго состоянія торговли всемірной. Положеніе, что государству нѣтъ выгоды самому производить тѣ товары, которые можно купить дешевле за граицей, вѣрно лишь относительно новыхъ отраслей производства, пока капиталы еще не затрачены, но это положеніе совершенно не примѣнимо по отношенію къ существующимъ уже производствамъ, которыя къ тому же занимаютъ массу рабочихъ.

Такимъ образомъ, дѣло свободы торговли было значительно поколеблено, но два человѣка, Кунтъ и Маассенъ, оба члены этой комиссіи, спасли на половину погибшее дѣло. Эти два человѣка, настоящіе творцы прусской свободы торговли, остались въ комиссіи въ меньшинствѣ. Они подали особое мнѣніе, весьма пространное. Кунтъ написалъ его, а Маассенъ подписалъ просто: „и я присоединяюсь къ этому мнѣнію“. Прежде чѣмъ разсмотрѣть эту записку, которой суждено было сдѣлаться Magna Charta прусской торговой политики, намъ слѣдуетъ поближе познакомиться съ авторами.

Въ своемъ „Nachlass kleiner Schriften“ I. Г. Гофманъ даетъ ихъ краткій біографическій очеркъ.

Кунтъ ¹⁾ родился въ Барутѣ въ 1757 г.; сынъ бѣднаго священника, который его самъ обучалъ, Кунтъ 16-ти лѣтъ началъ посѣщать педагогическій институтъ въ Галле, затѣмъ университетъ, гдѣ онъ пробылъ по неимѣнію средствъ только 2 года; 19-ти лѣтъ онъ долженъ былъ опять бросить университетъ, но онъ былъ уже подготовленъ къ высшимъ занятіямъ, и это дало ему возможность поступить воспитателемъ въ семейство Гумбольдта въ Берлинѣ. Кунтъ сталъ въ 20-ть лѣтъ воспитателемъ *Вильгельма* и *Александра фонъ-Гумбольдтовъ*, правда, когда имъ было всего 8 и 10 лѣтъ. Одинадцать лѣтъ занималъ Кунтъ эту высокую должность, вліяя благотворно на своихъ питомцевъ; богатые дарованія его воспитанниковъ въ свою очередь заставляли его заботиться о своемъ собственномъ дальнѣйшемъ образованіи и развитіи. Со смерти въ 1779 году отца его учениковъ, маіора фонъ-Гумбольдта, Кунтъ вмѣстѣ съ тѣмъ началъ вести дѣла семьи, дѣятельность, которая привела его въ соприкосновеніе съ практической жизнью. По оставленіи имъ этого мѣста, Кунтъ сдѣлался ассесоромъ въ тогдашней ма-

¹⁾ F. und P. Goldschmidt, Das Leben des Staatsrath Kunth, Берлиаъ 1881.

нуфактуръ- и коммерцъ-коллегіи, гдѣ приобрѣлъ солидныя и широкія познанія въ положеніи отечественной промышленности. Его начальникъ, государственный министр фонъ Струензее, человекъ обширнаго ума и высокихъ познаній, особенно отличалъ его, доставилъ ему въ 1797 г. положеніе и титулъ тайнаго военнаго совѣтника и помогъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ вступить въ высшія правительственныя сферы. По смерти Струензее, Кунтъ попалъ подъ начальство фонъ-Штейна, который тщательно изучалъ своихъ приближенныхъ и скоро убѣдился въ способностяхъ Кунта, бралъ его постоянно съ собой въ своихъ путешествіяхъ и т. п. Но свою дѣятельность, свой умъ и свои познанія Кунтъ обнаружилъ главнымъ образомъ тогда, когда Пруссія должна была вступить на новый путь торговой политики.

Подобно Кунту, и министръ государственный и финансовъ Карль-Георгъ Маассенъ, происходилъ изъ бѣднаго класса. Онъ былъ четвертымъ сыномъ (изъ 13 дѣтей) сборщика податей и писца въ судѣ, и родился въ Клеве 23 Августа 1769 года. Также священникъ, нѣкто Мурманъ былъ первымъ его учителемъ; затѣмъ Маассенъ поступилъ въ гимназію въ Веземъ и началъ посѣщать на 19 году университетъ въ Дюисбургѣ, гдѣ изучалъ право-

вѣдѣніе. Выдержавъ первый экзамень, онъ сдѣлался аускультаторомъ управленія въ Клеве; только 24 лѣтъ онъ получилъ мѣсто въ Прусской государственной службѣ. Въ 1809 г. оберпрезидентъ фонъ Финке призвалъ Маассена на мѣсто 2-го директора въ Потсдамъ, а чрезъ 3 года сдѣлалъ его вице-президентомъ. Когда въ 1816 году было учреждено особое главное управленіе промыслами и торговлей, Маассень былъ назначенъ его директоромъ. Въ этомъ качествѣ онъ принялъ участіе, какъ мы уже видѣли, въ специальной комиссіи, гдѣ вмѣстѣ съ Кунтомъ и остался при особомъ мнѣніи.

Въ этомъ особомъ мнѣніи, Кунтъ и Маассень исходили главнымъ образомъ изъ той мысли, что съ *чисто государственной точки зрѣнія* и въ духѣ законодательства 1807—10 г. самымъ цѣлесообразнымъ будетъ введеніе *свободы торговли*, потому что тогда каждый будетъ браться только за то дѣло которое обѣщаетъ ему наибольшую выгоду, будетъ полагаться только на свои средства и знанія, не рассчитывая на *особенное покровительство* со стороны государства, а это должно привести къ уменьшенію числа неудачныхъ спекуляцій. Насколько вѣрна эта точка зрѣнія доказываетъ лучше всего само прусское государство.

Въ провинціяхъ, гдѣ господствуетъ свобода, фабрики велики и поставлены весьма прочно, тамъ же, гдѣ царствуетъ покровительство, онѣ пришли въ совершенный упадокъ. Потребители будутъ въ состояніи все покупать дешевле; слѣданныя сбереженія принесутъ пользу, какъ всему народному хозяйству, такъ и каждому отдѣльному лицу. То, что справедливо относительно хлѣба и кофе, не можетъ быть невѣрнымъ относительно кожи и ситца. Шелковыя фабрики въ Берлинѣ, Потсдамѣ, Франкфуртѣ на Одерѣ и Кепеникѣ обошлись въ теченіи 80 лѣтъ государству (финансовому управленію и народу) почти въ 10 милліоновъ талеровъ. Какъ бы прочно ни развились вслѣдствіе этого вышеназванныя фабрики, всетаки несомнѣнно, что эти большія суммы нашли бы болѣе выгодное помѣщеніе, оставаясь въ карманахъ потребителей. При полной свободѣ торговли, само собой разумѣется, могутъ существовать, по чисто политическимъ соображеніямъ, *изъятія* для отдѣльныхъ предметовъ въ теченіи извѣстнаго времени, изъятія, обусловливаемая исключительными какими нибудь обстоятельствами.

Затѣмъ записка сопоставляетъ съ этимъ чисто теоретическимъ разсужденіемъ *практическую* точку зрѣнія. Въ Пруссіи никогда не было и

рѣчи о такой безусловной свободѣ, о которой говоритъ теорія, ибо это было бы скачкомъ изъ одной крайности въ другую. Сама по себѣ полнѣйшая свобода торговли не имѣла бы можетъ быть такихъ дурныхъ послѣдствій, какъ это обыкновенно полагаютъ, но было бы цѣлесообразнѣе избѣгнуть крутаго перехода для того, чтобы фабриканты приобрѣли прежде всего довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ. Введеніе безусловной свободы торговли имѣетъ противъ себя и то финансовое соображеніе, что казна потеряла бы такимъ образомъ нѣкоторую часть своихъ доходовъ.

Такимъ образомъ только теперь выступаетъ на первый планъ лишь одинъ важный вопросъ, какъ долженъ быть нормированъ таможенный тарифъ, какъ высоки должны быть пошлины для того, чтобы съ одной стороны не стѣснить потребленіе и торговлю, а съ другой — не довести производителей до основательныхъ поводовъ жаловаться. Записка приходитъ къ заключенію, что для достиженія этихъ цѣлей достаточно пошлинъ въ среднемъ размѣрѣ отъ $8\frac{1}{3}\%$ до 10% . Болѣе высокій налогъ стѣснилъ бы торговлю и потребленіе, увеличилъ бы соблазнъ контрабанды и т. д.

Въ подробности, здѣсь входитъ невозможно; мы

желали лишь характеризовать основныя мысли этой знаменитой записки.

Сама же записка для ближайшаго разсмотрѣнія поступила въ комиссію государственнаго совѣта, и здѣсь образовались двѣ партіи, одна за нее, другая противъ. Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ изложилъ съ большою ясностью въ засѣданіяхъ сущность обоихъ противоположныхъ взглядовъ. На окончательное рѣшеніе повліяло то обстоятельство, что И. Г. Гоффманъ, бывший съ Гарденбергомъ въ тѣсныхъ личныхъ отношеніяхъ, представилъ превосходное мнѣніе въ защиту свободы торговли, послѣ чего къ нему присоединились всѣ оберъ-президенты, за исключеніемъ одного бранденбургскаго. Большинство голосовъ было за предложеніе Кунта, Маассена и Гоффмана: изъ 56 присутствовавшихъ членовъ, 53 подали голоса за свободу торговли. Гарденбергъ представилъ тогда докладъ королю, и Фридрихъ-Вильгельмъ III 1 августа 1817 г. издалъ именной указъ въ Карлсбергѣ слѣдующаго содержанія: принципъ свободнаго ввоза чужихъ произведеній съ оплатой ихъ соразмѣрной пошлиной долженъ быть принятъ на все будущее время за основаніе законодательства прусскаго государства.

Въ достопамятный день 26 мая 1818 года былъ

обнародованъ законъ о „таможенныхъ пошлинахъ и налогахъ на потребление иностранныхъ товаровъ и о торговыхъ сношеніяхъ между провинціями государства“—одно изъ крупнѣйшихъ событій прусско-германской исторіи и незабвенная заслуга короля Фридриха-Вильгельма III. Этотъ законъ далъ Пруссіи, — гдѣ до тѣхъ поръ разнородныя части ея на востокѣ и западѣ, или составлявшія ея наслѣдственное достояніе, или возвращенныя обратно или вновь завоеванныя, могли быть разсматриваемы лишь какъ находящіяся подъ однимъ владычествомъ ¹⁾ — жизненное единство. Название „Пруссія“ стало отнынѣ обозначать обширную хозяйственную область, и „милліоны нѣмцевъ освободились отъ всякихъ запутанныхъ таможенныхъ, провозныхъ и торговыхъ пошлинъ, которыя разъединяли ихъ до сихъ поръ, и могли выразить теперь идеальную связь между собою въ безпрепятственномъ общеніи всѣхъ своихъ жизненныхъ интересовъ“. Этотъ же законъ поставивилъ созданное имъ народно-хозяйственную цѣль совсѣмъ въ другія отношенія къ иностраннымъ государствамъ. До тѣхъ поръ наше отечество было относительно ихъ совершенно безза-

¹⁾ Aegidi, Aus der Vorzeit des Zollvereins, стр. 3, 4.

щитно: послѣ 26 мая 1818 г. положеніе стало иное. Хотя въ *основаніи* сношеній съ другими государствами и положена *свобода торговли*, но тѣмъ не менѣе не забываются и интересы національные. Окруженная государствами, которыя всѣ стремились къ замкнутости, Пруссія не могла ввести полной свободы торговли. Ввести ее значило бы продолжить беззащитное состояніе нѣмецкой торговли.

Одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей Англіи, Вилліамъ Гёскиссонъ, семь лѣтъ спустя высказалъ въ нижней палатѣ въ блестящей рѣчи, произнесенной для того, чтобы опровергнуть невѣрныя представленія своихъ соотечественниковъ относительно прусскаго тарифа, твердую надежду, что можетъ придти время, когда и англичане будутъ въ состояніи похвастаться подобнымъ же тарифомъ. Уже раньше (1820) лондонское Сити въ петиціи къ нижней палатѣ высказалось относительно прусской реформы торговой политикѣ и данномъ ею всему свѣту примѣрѣ въ томъ смыслѣ, что покоящаяся на такихъ основаніяхъ политика сдѣлаетъ всемірную торговлю обмѣномъ *выгоднымъ для всѣхъ* и прольетъ на всѣ государства полную чашу благосостоянія и всевозможныхъ житейскихъ благъ.

Въ самой Англи, отечествѣ классической теоріи, идеи ея основателя получили господство въ практической жизни гораздо позже, чѣмъ въ Пруссіи. Время, съ котораго начинается тамъ движеніе въ пользу этой теоріи приблизительно совпадаетъ съ годомъ смерти Давида Рикардо (1823), гениальнаго завершителя экономической системы Смита въ Англии. Это было время, когда совершились вообще величайшія перемѣны въ хозяйственной и соціальной области: наступило необычайное оживленіе въ производствѣ, обращеніи и міровой торговлѣ Англии. На ряду съ этимъ, какъ обратная сторона развивающагося народнаго хозяйства, появились пауперизмъ и социализмъ, этотъ послѣдній въ связи съ такъ называемымъ чартизмомъ, рабочими волненіями въ Англии. Правительство и парламентъ были вынуждены считаться съ совершенно иными факторами чѣмъ прежде, выставить новыя основанія для экономической политикѣ вообще, въ особенности же для торговой, такъ какъ большая часть англійскихъ законовъ, касающихся производства и международнаго обмѣна имѣла въ виду ихъ *охраненіе*: общій голосъ приписывалъ имъ повсюду цвѣтущее состояніе Англии (Акты о навигаціи). Не отрицая благотѣльнаго вліянія этихъ охранительныхъ мѣръ, думали однако,

что настало время, въ виду успѣховъ промышленности, уничтожить какой бы то ни было цѣной всякія стѣсненія международной торговли. Всѣ были убѣждены, и убѣжденіе это сложилось, конечно, вслѣдствіе вліянія ученія Смита въ томъ, что свобода торговли приведетъ къ еще болѣе высокому уровню благосостоянія). Въ такомъ смыслѣ была составлена та петиція, которую въ 1820 г. нѣсколько лондонскихъ купцовъ подали парламенту, и которую называли — конечно, какъ указано выше, совершенно не вѣрно — „Magna charta“ свободной торговли. „Magna charta“ была она лишь для одной Англіи, а не вообще для свободы торговли. Петиція настаиваетъ на главномъ основномъ принципѣ свободной торговли, уже формулированномъ Смитомъ: *нужно покупать на самомъ дешевомъ рынкѣ, а продавать на самомъ дорогомъ*; весь народъ не долженъ поступать иначе въ веденіи своихъ дѣлъ, чѣмъ частный человѣкъ. Легко можно доказать, что многочисленныя покровительственныя и запретительныя пошлины торговаго кодекса лежатъ тяжелымъ гнетомъ на обществѣ, что весьма немногія изъ нихъ приносятъ какую либо пользу тѣмъ классамъ, въ пользу которыхъ онѣ введены, и что польза эта никогда не бываетъ пропорціональна тому вреду, который они причиняютъ дру-

гимъ классамъ. Главный недостатокъ охранительной системы состоитъ въ томъ, что искусственная защита одной отрасли промышленности отъ иностранной конкуренціи становится поводомъ для другихъ отраслей въ свою очередь требовать покровительства и, чтобы быть послѣдовательнымъ, придется въ концѣ концовъ такъ широко распространить эту систему, что страна вовсе лишится своей внѣшней торговли. Этого мало: тѣмъ же началомъ придется руководиться и *внутри* страны охраняя одну отрасль промышленности отъ другой, одну часть страны отъ другой. Указывали при этомъ что существуетъ не менѣе 1,500 парламентскихъ актовъ, относящихся къ установленію пошлинъ. Множество монополій служили частнымъ интересамъ; таковы: хлѣбный законъ 1815 г., дифференціальныя пошлины въ пользу вестъ-индскихъ плантаторовъ, монополія ость-индской компании и акты о навигаціи; все они устанавливаютъ высокій тарифъ на сырье и запрещенія на ввозъ чужихъ обработанныхъ издѣлій. Въ уничтоженіи всѣхъ этихъ преградъ видѣли единственное средство противъ тогдашней необычайной дороговизны, противъ нужды и пауперизма низшихъ классовъ. Бэрингъ, подававшій петицію, высказалъ, что не переходъ отъ военнаго времени къ мирному обусловливаетъ

Въ виду этого
Али...
Стр. 98, 101, 102, 103, 104

бѣдствія, претерпѣваемыя торговлей, такъ какъ страна уже въ продолженіи пяти лѣтъ наслаждается миромъ, но что они происходятъ отъ ложнаго ученія, утверждающаго, что страна должна жить тѣмъ, что только *сама* производитъ. Однако всё, чего оказалось возможнымъ достигнуть въ парламентѣ, это то, что была назначена особая коммиссія для обсужденія вопроса; но и эта коммиссія практическаго послѣдствія не имѣла. Дѣло пошло только иначе по смерти лорда Лондондерри и по образованіи подъ *предводительствомъ Кобдена партіи свободной торговли* ¹⁾.)

По смерти Лондондерри вакантныя мѣста были заняты тремя великими государственными людьми: Каннингъ сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ, Гёскиссонъ министромъ торговли и Робертъ Пиль министромъ внутреннихъ дѣлъ. Вся англійская политика, внутренняя и внѣшняя, получила совершенно иное направленіе. Гёскиссонъ ввелъ значительныя реформы; уже тогда были уничтожены многія таможенныя пошлины; движеніе въ пользу свободы торговли получило новую силу. Но тутъ наступилъ одинъ изъ тѣхъ торговыхъ кризисовъ, которые, какъ болѣзнь, возвращаются время отъ време-

¹⁾ V. Holendorff Richard Cobden III Aufl. 1874.

ни, и вновь задержалъ начавшееся движеніе. Стали теперь обвинять министерство, говоря, что хозяйственныя бѣдствія вызваны его законодательными мѣропріятіями. Въ ближайшее затѣмъ время хозяйственное законодательство съ преобразовательнымъ характеромъ почти совершенно прекращается и въ таможенный тарифъ вплоть до 1830 года вводятся лишь незначительныя измѣненія. Новая эра англійской торговой политики начинается только съ восшествія на престолъ королевы Викторіи (1837). Сдѣлавшійся въ 1841 г. премьеромъ и получивши портфель министра финансовъ, Пиль сталъ продолжать дѣло повиженія пошлинъ, начатое его предшественникомъ: изъ 1206 обложенныхъ пошлиной предметовъ предполагалось освободить 750, что уменьшило бы косвенные налоги приблизительно на 3½ мил. фунтовъ стерлинговъ. Гладстонъ въ то время сказалъ знаменитыя слова: благодаря охранительной системѣ Англія разбогатѣла, благодаря свободной торговлѣ, она станетъ еще богаче. *Одного* только института Пиль не посмѣлъ коснуться: а именно *хлѣбныхъ пошлинъ*.

Уже въ XVIII и въ XIX столѣтіяхъ произошли въ положеніи англійскаго землевладѣнія важныя перемѣны, благодаря которымъ изъ 160,000 землевладѣльцевъ, составлявшихъ около седьмой части англій-

скаго населенія (какъ считаетъ его Маколей для XVII столѣтїя) въ 1831 г. оставалось лишь 7200, изъ которыхъ только 600 были богатыми собственниками. Владѣльцы мелкихъ имѣній или занялись промышленностью, или сдѣлались арендаторами, вслѣдствіе чего образовались весьма крупныя комплексы имѣній. Правительство между тѣмъ, съ давнихъ поръ прилагало много заботъ къ улучшенію земледѣлія. Вывозъ поощрялся преміями, ввозъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ запрещался; вообще твердо держались принциповъ меркантильной системы. Классъ крупныхъ землевладѣльцевъ былъ широко представленъ въ обѣихъ палатахъ, что и было причиной значительныхъ привилегій, которыми классъ этотъ пользовался въ ущербъ другимъ. Когда въ началѣ этого столѣтїя Наполеонъ I ввелъ континентальную систему, цѣна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ еще болѣе возвысилась. Новѣйшій англійскій экономистъ, профессоръ Фаусетъ ¹⁾ (Fawcett) весьма обстоятельно рисуетъ тогдашнее положеніе землевладѣнія. Когда заключеніе мира въ 1815 г. снова открыло англійскія гавани, то понятно, что въ кружкахъ землевладѣльцевъ стали опасаться паденія цѣнъ на хлѣбъ. Тогда было

¹⁾ Freetrade and protection. London 1878.

проведено новое возвышеніе пошлинъ, а ввозъ пшеницы запрещенъ до тѣхъ поръ, пока цѣна не достигнетъ 80 шиллинговъ за кварталъ. Въ 1828 году была введена „подвижная скала“, по которой хлѣбная пошлина возвышалась въ томъ случаѣ, если урожай былъ хорошій и наоборотъ. Если, напримѣръ, средняя цѣна квартала пшеницы равнялась:

73 sh.	, пошлина равнялась .	1 sh.	— d.	при
72	”	”	”	” 8 ”
62	”	”	”	” 24 ” 8 ”
56	”	”	”	” 30 ” 8 ”
46	”	”	”	” 40 ” 8 ”
36	”	”	”	” 50 ” 8 ”

Однимъ изъ самыхъ дурныхъ послѣдствій подвижной скалы было то, что она ставила заграничную хлѣбную торговлю въ крайне неопредѣленное положеніе и крайне устрашала импортеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, одесскій купецъ намѣревается при цѣнѣ 73 ш., ввести большее количество пшеницы; онъ скупаетъ кварталъ по 65 ш., уплачиваетъ 5 ш. за фрахтъ и 1 ш. ввозной пошлины, надѣясь заработать въ Англiи 2 шиллинга за кварталъ. Вдругъ цѣна на пшеницу падаетъ до 62 ш., купецъ такимъ образомъ тотчасъ теряетъ

на каждый кварталъ 3 шил., фрахтъ и пошлина составляютъ 29 шил., слѣдовательно скупщикъ теряетъ всего на каждомъ кварталѣ 32 шил. 8 пен., а это значитъ, если предпріятіе крупныхъ размѣровъ, что онъ разоренъ. Поэтому пшеница ввозилась въ Англію въ рѣдкіе только года. Англійскіе арендаторы должны бы собственно считаться счастливейшими въ мірѣ, будучи охраняемы самимъ закономъ отъ пониженія цѣны на хлѣбъ. Но выгодами отъ монополій пользовались лишь землевладѣльцы, а арендаторы и сельскіе рабочіе находились въ самомъ жалкомъ положеніи. Когда прошелъ хлѣбный законъ 1815 г., арендаторамъ сулили золотыя горы; пшеницу не должны были ввозить до тѣхъ поръ, пока кварталъ не будетъ стоить 80 ш., другими словами, давали возможность устанавливать цѣну самимъ производителямъ; еще болѣе обезпечивала ихъ, какъ показано выше, подвижная скала 1828 г. Но, не смотря на это, англійское сельское хозяйство находилось въ продолженіи 1815—1845 гг. въ ужасно бѣдственномъ состояніи. Парламенту пришлось учредить не менѣе 5 комиссій для изслѣдованія причины бѣдствій. Показанія свидѣтелей доказываютъ, что высокія цѣны не увеличили ни доходовъ арендаторовъ, ни заработной платы рабочихъ: онѣ пошли на покрытіе болѣе высокихъ арендныхъ

платежей. Съ того момента, когда это было доказано арендаторамъ, пала въ Англіи и покровительственная система вмѣстѣ съ хлѣбными законами.

Манчестерская торговая палата была первою, которая подала парламенту петицію объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ; составленіе петиціи было поручено Ричарду Кобдену. Послѣ того какъ петиція осталась безъ послѣдствій, образовалась „лига противъ хлѣбныхъ законовъ“ (Anti-Corn-Law-League), и началась сильнѣйшая агитація. Но борьба длилась цѣлыя семь лѣтъ, пока наконецъ принципъ свободной торговли былъ вполне признанъ и въ Англіи.

Съ этихъ поръ свобода торговли, хотя, въ большинствѣ случаевъ, въ умѣренной и ограниченной формѣ распространилась по всей Европѣ и выразилась, главнымъ образомъ, въ такъ называемой системѣ западноевропейскихъ международныхъ торговыхъ договоровъ. Въ этомъ отношеніи, англо-французскій торговый договоръ 1860 г., составляетъ цѣлую эпоху и служитъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ торговыхъ договоровъ между цивилизованными государствами Европы. До тѣхъ поръ, Франція, допуская полную свободу торговли внутри государства, упорно держалась во внѣшней запретительной системѣ, введенной еще Кольберомъ. Только сильной рукѣ Наполеона III удалось при помощи

„хозяйственного *сoup d'état*“, какъ Рентшъ ¹⁾ мѣтко называетъ этотъ внезапно заключенный торговый договоръ съ Англіей, пробить брешь въ китайской стѣнѣ французской охранительной системы. За этимъ договоромъ быстро послѣдовали договоры съ Бельгіей, Италіей, Швейцаріей и наконецъ (1864) *нѣмецко-французскій* торговый договоръ.

Организованная хозяйственно-политическая партія возникла впервые, какъ мы сказали, на родинѣ Смита; но скоро то-же направленіе проникло и въ *Германію*. Сороковые годы были въ исходѣ. 1848 годъ, правда, нашелъ почву очень мало подготовленной къ рѣшенію вопросовъ народнаго хозяйства; даже во Франкфуртѣ, въ парламентскомъ собраніи въ церкви Св. Павла, при обсужденіи чисто-хозяйственныхъ вопросовъ рѣзко обнаруживалось разногласіе политическихъ партій. Демократы вотировали нерѣдко заодно со сторонниками цеховаго устройства, консерваторы съ фри-тредерами и съ приверженцами свободы промысловъ—явленіе, какъ извѣстно, не представляющее ничего необыкновеннаго въ исторіи нѣмецкаго парламентаризма. Но внѣ церкви Св. Павла образовался небольшой кругъ лицъ, которыя хотя и оста-

¹⁾ Rentsch. Handwörterbuch der Volkswirtschaft, стр. 450.

вались тогда незамѣченными, но которыя впоследствии подготовили перемѣну въ направленіи и хозяйственной политики. Путемъ публичныхъ чтеній, всякаго рода печатныхъ работъ, газетныхъ статей, образованія союзовъ, такіе люди, какъ Летте, Фаухеръ, Принцъ Смитъ, Максъ Виртъ, Зѣтберъ, Алтфатеръ, Отто Михаэлисъ, Вольфъ, Ламмерсъ, позднѣе Вамбергеръ, Александръ Мейеръ и др., положили начало народно-хозяйственной пропагандѣ. Подъ руководствомъ Джона Принца-Смита и Юліуса Фаухера возникъ въ Берлинѣ союзъ, который встрѣтилъ сочувствіе въ сѣверо-германскихъ приморскихъ городахъ, а затѣмъ и въ другихъ частяхъ Германіи, и, такъ какъ его тенденціи вообще согласовались съ либеральнымъ направленіемъ того времени, то онъ и привлекъ на свою сторону большинство прессы и получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ большое вліяніе на общественное мнѣніе. Собственный органъ партіи, извѣстный «Vierteljahrschrift für Volkswirtschaft und Culturgeschichte» (Трехмѣсячникъ народнаго хозяйства и исторіи культуры), издаваемый съ 1863 года, энергично помогаль партіи идти, впередъ по намѣченному пути. Вообще и самыя событія шли какъ бы на встрѣчу агитаціи въ области хозяйственной политики. Опасность расторженія таможен-

наго союза, явившагося въ 1853 г., естественно должна была обратить всеобщее вниманіе на торговля и таможенныя отношенія; дороговизна 1854 г., призракъ ростовщичества въ хлѣбной торговлѣ, дальнѣйшее увеличеніе желѣзнодорожной сѣти, германо-австрійскій почтовый договоръ, споры объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, проектъ австрійскаго промысловаго закона (1855), основанный на принципѣ свободы промысловъ, первый большой международный торговый кризисъ 1857 года—всѣ эти и другія событія хозяйственной жизни не могли не оживить интереса общества къ политической экономіи. Громадное значеніе имѣли, далѣе, для ремесленныхъ классовъ основанные, начиная съ 1851 г., Шулльце-Делличемъ союзы. При такихъ обстоятельствахъ въ 1858 году Бемертъ, которому на Франкфуртскомъ благотворительномъ конгрессѣ, по предложенію Летте, вмѣстѣ съ Максомъ Виртомъ и Пикфордомъ было, въ качествѣ особаго бюро, было поручено устройство общества, обнародоваль въ Бременѣ возваніе къ учрежденію конгресса народнаго хозяйства. Благодаря этому возванію собралось въ Боннѣ болѣе 100 участниковъ для основанія названнаго общества. Съ тѣхъ поръ конгрессъ нѣмецкихъ народно-хозяевъ (Volkswirte) имѣлъ засѣданія въ различныхъ городахъ Германіи и

достигъ важныхъ результатовъ. Для преслѣдованія тѣхъ же цѣлей, какъ и общество, хотя и преимущественно на поприщѣ торговыхъ интересовъ, образовалось одновременно другой союзъ—нѣмецкое торговое собраніе (*Handelstag*), которое тоже имѣетъ собственный органъ. Главнымъ органомъ для всѣхъ этихъ союзовъ является также «*Бременскій Торговый Листокъ*» (*Bremer Handelsblatt*), въ которомъ помѣщено много очень цѣнныхъ работъ и рефератовъ ¹⁾.

Такимъ образомъ нѣмецкая школа свободной торговли оказала на практическомъ поприщѣ неопѣненные услуги. Она значительно содѣйствовала завоеванію политической свободы и національнаго единства Германіи. «Ея неутомимой дѣятельности», пишетъ Іоганнъ *Конрадъ* ²⁾ «надо приписать то, что въ Германіи масса мало-помалу пробудилась отъ хозяйственной летаргіи, въ которую она погружена была благодаря долговременному суровому полицейскому режиму. Постоянная привычка полагаться во всемъ на государство, дѣлать его отвѣтственнымъ за всякое несчастіе, ждать всегда отъ него помощи мѣшала

¹⁾ Rentsch l. c. 998.

²⁾ Jahrbücher f. Nationalök. u. Statistik Bd. 33 p. 447.

развитію вѣры въ свои собственные силы и энергичной инициативѣ въ тяжелыя времена, а отсутствіе чувства безусловной отвѣтственности за свою дѣятельность вело въ хозяйственной жизни къ очень дурнымъ послѣдствіямъ, дѣлало нѣмцевъ въ хозяйственномъ отношеніи неразвитыми какъ бы несовершеннѣйшими, и ставило ихъ замѣтно ниже другихъ народовъ. Все это существенно измѣнилось въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, еще до того, какъ начался *политическій* подъемъ страны, который еще болѣе укрѣпилъ и усилилъ самостоятельность отдѣльныхъ единицъ. Ученіе «*laissez faire*» мало-по-малу распространилось во всѣхъ слояхъ народа и пробудило сознаніе, что „въ хозяйственныхъ дѣлахъ всякій, кто хочетъ идти впередъ, долженъ самъ себѣ помогать“. Особенно, по словамъ *В. Рошера*¹⁾—„люди, подобныя *Принцу Смиту*, остроумному діалектику *О. Михаэлису*, который много содѣйствовалъ разъясненію теоріи новѣйшихъ явленій обмѣна, какъ желѣзныя дороги и спекуляція въ торговлѣ, способствовали дальнѣйшему развитію теоретическихъ положеній. Къ нимъ должны быть присоединены: многосторонній и краснорѣчивый *И. Фаухеръ*, солидный знатокъ развитія

¹⁾ Geschichte d. Nationalök. p. 1015.

большихъ городовъ, блестящій и остроумный по-
 лемистъ К. Браунъ, главный противникъ существо-
 ванія маленькихъ государствъ, своими трудами
 много содѣйствовавшей признанію свободы процента и
 передвиженія. (Zins-und Zugfreiheit) и возстававшей
 противъ „принудительнаго безбрачія неимущихъ“,
Ф. Бемертъ, одинъ изъ самыхъ практичныхъ и
 близко знакомыхъ съ дѣломъ знатоковъ промыш-
 ленной политики, Эммингаузъ, Максъ Виртъ
 и — *last not least* — Шульце Деличъ, реформа-
 торъ нѣмецкаго ремесленнаго класса, и мн. др.
 „Они возбудили, пишетъ Рошеръ, въ обширномъ
 кругу интересъ къ политико - экономическимъ
 вопросамъ, благодаря не только «своей чут-
 кости» и искусству популяризаціи, но еще бо-
 лѣе благодаря дѣятельной борьбѣ со всѣми хозяй-
 ственными привилегіями и потерявшими почву прояв-
 леніями партикуляризма. Ихъ агитація оказала могу-
 щественное содѣйствіе всѣмъ тѣмъ реформамъ, ко-
 торымъ проложилъ путь таможенный союзъ и ко-
 торыя имѣли цѣлью улучшенія строя новаго
 государства. Ихъ предубѣжденіе противъ всякаго
 вмѣшательства государства въ сферу частнаго хо-
 зяйства могло долгое время даже считаться бла-
 годѣтельной реакціей противъ опекающаго манда-
 ринства столь многихъ нѣмецкихъ правительствъ.

Шульце - Деличъ, распространяя потребитель-
ныя ассоціаціи и учреждая кредитныя, одинаково
основанныя только на самопомощи, сильной бла-
годаря солидарности сочленовъ, сталъ настоящимъ
врачемъ — исцѣлителемъ столь же многочислен-
ныхъ, какъ и подверженныхъ опасности, а слѣ-
довательно и опасныхъ классовъ народа — ни-
щавшихъ и неизбѣжно, какъ опасалось боль-
шинство, впадавшихъ въ пролетаріатъ мелкихъ ре-
месленниковъ. Онъ возвратилъ бѣднякамъ самоуваже-
ніе, самообладаніе, возможность самостоятельно взвѣ-
шивать будущее. Разумѣется подобныя идеи носи-
лись тогда въ воздухѣ, какъ это вообще бываетъ съ
реформаторскими идеями, которыя „совершенно буд-
то бы самостоятельно“ провозглашаются отдѣльными
лицами, но которыя свое практическое осуществле-
ніе получаютъ обыкновенно лишь долго спустя
послѣ смерти ихъ „провозвѣстника“. Безспорная ге-
ніальность Шульце все таки состоитъ въ его глубо-
комъ знаніи указанныхъ классовъ народа, такъ
что онъ могъ самымъ удачнымъ образомъ осущест-
вить эти идеи, и въ добавокъ еще въ то время, ко-
гда большинство „свѣдущихъ людей“ сомнѣвалось
въ возможности ихъ выполненія; затѣмъ въ томъ
мужествѣ, съ какимъ онъ весь и безъ размышле-

ній отдался своей великой цѣли, въ той невѣроятной чуткости и въ томъ терпѣннн, которыя онъ проявилъ при ея достиженнн. Здѣсь, слѣдовательно, рѣчь идетъ о дѣятельности и притомъ такой, успѣхъ которой долженъ оправдать благоприятное сужденнн о жизненности нѣмецкаго народа и его способности къ развитнн».

Въ теорнн нѣмецкая школа свободной торговли не ограничилась, какъ въ Англн, принятнемъ идей Ад. Смита и сохраненнемъ ихъ въ чистомъ видѣ: она пошла дальше въ механическомъ возрѣннн на народное хозяйство. Ея абстрактный методъ лишилъ ученнн о народномъ хозяйствѣ нравственнаго момента и обратилъ его въ родъ естественной науки, подобной математикѣ и физикѣ. Политическая наука, мѣтко замѣчаетъ Г. Рёслеръ сдѣлалась *science raisonnée des fatis*, простымъ описаннемъ хозяйственныхъ явленнн, которое драпировалось въ сдѣлавшнйся популярнымъ плащъ принципа *laissez faire*. Это направленнн, которое во Францнн проводилъ преимущественно Бастнн въ своихъ *Harmonies économiques* (1850), разсматривало все человѣческое общество какъ комплексъ отношеннн, основанныхъ на цѣнности, а всю науку какъ теорнн цѣнностей и обмѣна, регулируе-

маго ихъ масштабомъ. Цѣнность есть отношеніе двухъ обмѣнваемыхъ услугъ, и полное и свободное примѣненіе этого мѣрила дѣлаетъ излишнимъ всякое вмѣшательство государства. Поэтому не слѣдуетъ создавать никакой искусственной организаціи, чтобы не ставить на мѣсто естественной гармоніи измышленій человѣческаго ума. Вотъ эти то преимущественно возрѣнія и нашли благопріятную почву въ нѣмецкой школѣ свободной торговли. Поэтому сжатый очеркъ этой доктрины въ томъ ея законченномъ видѣ, какъ она излагается въ сочиненіяхъ выдающихся вождей нѣмецкаго фрिटредерства, представляется интереснымъ и поучительнымъ. Изъ этихъ сочиненій мы извлекаемъ далѣе основныя начала чистаго манчестерства.

У Принца Смита ¹⁾ мы встрѣчаемся съ радикально индивидуалистическимъ пониманіемъ хозяйственныхъ отношеній. Народное хозяйство — или, какъ сообразно со своими возрѣніями любятъ его называть фрिटредеры — народное домоводство (Volkshaushalt) есть лишь сосуществованіе отдѣльныхъ хозяйствъ, самостоятельныхъ и отвѣтственныхъ лишь за себя. Какъ сложнымъ ни кажется организмъ народнаго хозяйства, эта

¹⁾ См. собраніе его сочиненій изд. Михаэлисомъ.

школа видитъ въ немъ лишь одно связующее звено—рынокъ. Всѣ прочія хозяйственныя учрежденія касаются лишь отдѣльныхъ индивидовъ, которые отдѣльно каждый для себя пользуются рынкомъ. Вообще фритредерская школа основывала все ученіе политической экономіи въ существѣ дѣла на личномъ хозяйственномъ интересѣ индивида. Личный интересъ не имѣетъ затѣмъ никакихъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, которыя ставитъ ему государство своими правовыми нормами. Это единственное соображеніе, съ которымъ должно считаться частное хозяйство при обмѣнѣ; затѣмъ всякій можетъ стараться по мѣрѣ силъ и возможности выдвинуться впередъ. „Свободная совмѣстная дѣятельность“, *конкуренція*—вотъ принципъ, на которомъ исключительно покоится мѣновое обращеніе. „Изъ свободной игры хозяйственныхъ силъ“ вытекаютъ тѣ выгоды, на которыя эта школа такъ часто съ гордостью указывала¹⁾. Эти выгоды лежатъ прежде всего въ области производства цѣнностей, какъ въ техническомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Конкуренція принуждаетъ производителей къ возможному улучше-

¹⁾ *Adolf Wagner*. Polit. Oekonomie, Grundlegung, p. 183 ff. и. G. Schönberg, Tab. Zt. 1872, p. 404 ff.

нію техники, она есть лучшей регуляторъ цѣнъ, такъ какъ опредѣляетъ стоимость хозяйственныхъ благъ *minimum*омъ издержекъ (общественно необходимыхъ издержекъ производства) и такимъ путемъ даетъ въ народномъ хозяйствѣ сбереженія насчетъ доходности. Привлеченіе возможно лучшихъ интеллектуальныхъ и мускульныхъ силъ, приманка ихъ особыми выгодами—все это моменты, которые даютъ народному хозяйству возможность удовлетворять всю совокупность его потребностей наилучшимъ и наиболѣе дешевымъ способомъ.

Изъ этого основнаго положенія школа дѣлаетъ дальнѣйшіе выводы. Такъ какъ *свободная конкуренція* покоится на *естественной необходимости*, то и *организация народнаго хозяйства*, изъ нея вытекающая, должна быть признана справедливой. *Свободная конкуренція* развиваетъ производительныя силы народнаго хозяйства, ею обусловливается *справедливая* организация послѣдняго, а въ особенности справедливое *распределение* хозяйственныхъ продуктовъ. *Вмѣшательство* государства въ хозяйственный оборотъ, идущее далѣе тѣхъ функцій его, которыя служатъ къ поддержанію правоваго порядка, не только *противоестественно* и вредно, но и *несправедливо*, такъ какъ слѣдствіемъ такого вмѣшательства являются

цѣны, уклоняющіяся отъ тѣхъ, которыя создаются при свободѣ конкуренціи и которыя представляются единственно вѣрными и справедливыми. Съ давнихъ поръ, говоритъ *Принцъ Смитъ*, недавневидная власть ставила мѣновому обращенію препятствія, которыя влекли за собою уродливыя явленія, задерживали возрастаніе благосостоянія и ставили произволь на мѣсто справедливости; ибо *въ хозяйственной жизни для полной справедливости нѣтъ другой гарантіи, кромѣ абсолютной свободы*. Но если всякому въ хозяйственной жизни должна быть предоставлена полная свобода, то всякій долженъ полагаться исключительно на себя и долженъ отвѣчать самъ какъ за свое благосостояніе, такъ и за свои невзгоды.

Народно хозяйственныя функціи *государства* ограничиваются у фритредеровъ исключительно задачами «органа защиты права» ¹⁾.

Очевидно, что эта система покоится на извѣстныхъ предположеніяхъ, которыя считаются *a priori* истинными и доказанными безъ приведенія тому доказательствъ. Главной посылкой является положеніе, что хозяйственныя явленія про-

¹⁾ Renzsch, Staats u. Volksw. особенно отд. II, о компетенціи государства.

исходятъ съ такую же необходимостью, какъ явленіе міра физическаго, что и въ хозяйственной жизни существуютъ извѣстные законы, которые дѣйствуютъ съ такую же силой, какъ и законы природы.

Хотя подобная аналогія матеріальнаго и не матеріальнаго міра представляетъ много заманчиваго, но ея вѣрность до сихъ поръ не доказана. Правда, и общественная и хозяйственная жизнь народовъ кажется областью, изъ которой исключены произволь, безпорядокъ и случай. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, при столь строгой законсообразности всего сущаго вообще, долженъ только человѣкъ въ своихъ соціальныхъ и хозяйственныхъ дѣйствіяхъ оставаться исключеннымъ изъ того высшаго порядка, непреложнымъ законамъ котораго, какъ доказано, онъ же подчиненъ въ большей части своихъ духовныхъ проявленій! Ни въ какой сферѣ вселенной не царитъ слѣпой случай, и чѣмъ глубже проникаетъ нашъ глазъ въ тайны мірозданія, тѣмъ яснѣе становится для него гармонія и планомѣрность космоса. И такъ какъ во всѣхъ явленіяхъ, которыя мы въ состояніи наблюдать, царитъ законъ причинной связи, то мы можемъ *a priori* заключить, что и въ хозяйственныхъ отношеніяхъ господствуетъ необходимая связь между

причиной и слѣдствиемъ ¹⁾). Это заключеніе подтверждается и исторіей человѣчества и особенно исторіей человѣческаго хозяйства. Какою бы неполнотою она пока еще не отличалась, она доказываетъ по крайней мѣрѣ періодическую повторяемость извѣстныхъ экономическихъ фактовъ и явленій. Соціальный вопросъ, вопросы обложенія, пауперизмъ, торговые кризисы существовали въ различные періоды исторіи; внѣшнія формы мѣняются, но сущность явленія остается неизмѣнной, вѣчно возобновляясь. О существованіи тѣсной зависимости между явленіями хозяйственной дѣятельности человѣка, мы можемъ заключать и изъ того, что каждый изъ обоихъ главныхъ факторовъ, изъ взаимодействія которыхъ проистекаютъ экономическіе результаты, — природа и человѣкъ — несомнѣнно подчиненъ опредѣленной внутренней законосообразности. Естественными науками доказана съ очевидностью строгая закономерность всего сущаго, а по отношенію къ чело- вѣку въ его соціальной жизни новѣйшія изслѣдованія въ области нравственной статистики открыли извѣстную законосообразность самыхъ, повидимому, произвольныхъ дѣйствій ²⁾. Но эта законосообразность еще не представляетъ собою тѣхъ непрелож-

¹⁾ F. X. Neumann, Volkswl., p. 7 ff.

²⁾ A. Wagner. Die Gesetzmässigkeit etc.

ныхъ законовъ, которые управляютъ міромъ естественнымъ, ибо человекъ отъ природы одаренъ свободой дѣйствій, и если эта свобода ограничена всеобщей планомѣрностью міроваго порядка, то все-же она существенно отличается отъ принудительности, царящей въ мірѣ естественномъ. Но вѣку рационалистическаго міросозерцанія и абстрактному методу науки соотвѣтствовали подобный *a priori* взятый основной принципъ, и построенная на немъ цѣлая система. Подобно тому, какъ Кантъ и Руссо создали цѣлую государственно-правовую и политическую школу, которая построила абсолютное государство, не обращая вниманія на различія, созданныя природой, національными особенностями и исторіей, такъ и Адамъ Смитъ и его послѣдователи, признавъ существованіе естественныхъ хозяйственныхъ законовъ, построили абстрактную систему хозяйства, которая должна была быть годной для всѣхъ народовъ и для всѣхъ временъ; другими словами, космополитическую хозяйственную систему, имѣющую абсолютное значеніе. Они исходили изъ того воззрѣнія, что отношенія человека къ материальнымъ благамъ стоятъ внѣ условій пространства и времени и неизмѣнны; но они забывали при этомъ, что человекъ, какъ социальное суще-

ство, является всегда продуктомъ общества, цивилизаціи и исторіи, и что его потребности, его отношенія къ вещамъ и къ людямъ никогда не остаются одними и тѣми же, но измѣняются въ пространствѣ и въ исторіи и идутъ впередъ вмѣстѣ со всей культурой человѣческаго рода. Внутри построеннаго Смитомъ всемірно хозяйственнаго единства должны исчезнуть отдѣльныя государства съ особенностями ихъ задачъ и потребностей, да и государства сами должны быть атомизированы, т. е. разложены на сумму отдѣльныхъ индивидовъ, такъ какъ государство, по теоріи договора, есть не болѣе, какъ созданное волей большинства учрежденіе. Подобно тому какъ политическій раціонализмъ основывалъ государство, какъ правовой институтъ, на юридическомъ договорѣ, такъ и раціонализмъ въ области политической экономіи основывалъ общество исключительно на договорѣ обмѣна, при которомъ частная выгода, личный интересъ индивида имѣетъ рѣшающее значеніе. Изъ этого основнаго воззрѣнія на сущность человѣческаго хозяйства, общества и государства вытекали дальнѣйшіе выводы Смитовой школы, которые должны были страдать такими же ошибками, какъ и основная гипотеза. Такъ какъ индивидуальная выгода есть причина и основа хозяйственнаго еди-

ненія, то личный интересъ есть единственная организуемая сила, высшій принципъ народнаго хозяйства. Въ этомъ положеніи не только кроется крайняя односторонность, — такъ какъ рядомъ съ личной выгодой существуютъ въ хозяйственномъ организмѣ другія регулирующія силы, особенно *чувство общности*, — но въ немъ игнорируется также и отношеніе человѣческаго хозяйства къ *нравственно-этическимъ* цѣлямъ и задачамъ чело-вѣка, которымъ въ концѣ концовъ все хозяйство должно лишь служить. Ибо цѣль и задача хозяйства не въ накопленіи цѣнностей посредствомъ обмѣна, а въ прогрессѣ нравственнаго чело-вѣка посредствомъ потребленія цѣнностей. Не безъ основанія поэтому упрекали Адама Смита и его школу въ материализмъ. Дальнѣйшая априорная посылка фритредерской школы, тоже не доказанная, заключается въ томъ, что каждый понимаетъ наилучшимъ образомъ свой хозяйственный интересъ; что каждый только самому себѣ обязанъ своимъ хозяйственнымъ успѣхомъ, и одинъ поэтому несетъ за него отвѣтственность; что каждый, дѣйствуя въ своемъ интересѣ, всегда приноситъ пользу обществу, что поэтому гармонія интересовъ необходимо и всегда должна вытекать изъ свободной конкуренціи. Можно-ли,

держась такого принципа, достигнуть когда нибудь единства *народно-хозяйственных* стремлений?

Естественно, что съ перемѣной основныхъ воззрѣній на сущность государства и его отношенія къ хозяйству, и благодаря всестороннему изученію дѣйствія и вліянія свободной конкуренціи, особенно въ сферѣ *международнаго* хозяйства, должны были явиться противники Смитовой системы, которые могли отчасти привести справедливыя возраженія, отчасти же и съ своей стороны пойти гораздо дальше цѣли. Но какія бы справедливыя возраженія противъ этой системы ни были приведены, все-таки созданіе этой теоріи есть явленіе громадной важности и вѣчная заслуга предъ человечествомъ. Фритредерство имѣетъ извѣстное идеальное стремленіе, въ немъ есть вѣра въ личныя силы человѣка, и въ личную его инициативу и въ постоянный прогрессъ человѣчества. Къ этому надо прибавить, что доктринерская односторонность большинства фритредеровъ смягчилась въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, и во всякомъ случаѣ нужно согласиться съ Рошеромъ, не одобряющимъ широко распространенной клички „манчестерцы“ въ примѣненіи *къ немецкой* фритредерской школѣ: „эти люди все-таки проявили слишкомъ большую любовь къ достоинству и величію

родины, чтобы заслужить, подобно английским фабричным теоретикам, упрекъ въ служеніи мамонѣ“.

II.

Истинный или крайній социализмъ.

Ближайшими противниками теории свободной торговли являются социалисты ¹⁾. Я прежде всего указываю на часто повторяющееся недоразумѣніе, на смѣшеніе понятій социализма и социаль-демократіи, которая, правда, выросла на почвѣ социализма и дѣйствуетъ въ связи съ нимъ; но социалистовъ нельзя въ то же время считать и социаль-демократами. Они такъ же отличаются другъ отъ друга, какъ теорія отличается отъ практики, и въ то же время соединены между собою той же тѣсной связью. Но что такое социализмъ?

Социализмъ ²⁾ есть противоположная современной *система хозяйственно-правового порядка,*

¹⁾ Я употребляю терминъ „социализмъ“, какъ то уже видно изъ заглавія, въ его настоящемъ и крайнемъ значеніи. Смыслъ этого вполнѣ опредѣленнаго понятія терлетъ свою точность, разъ его употребляютъ въ политической экономіи всюду, гдѣ идетъ рѣчь о возрѣніи на ея задачу съ общественной или социаль-но-правовой точки зрѣнія. Въ такомъ случаѣ всѣ ученые политико-экономы оказались бы социалистами.

²⁾ Адольфъ Вагнеръ въ „Staatssocialist“ № 1.

при которой вещественныя орудія производства, т. е. земля и капиталъ, находятся не въ частной, а въ совокупной собственности общества; при этой системѣ нѣтъ противоположенія между частнымъ, рассчитаннымъ на барыши, предпріятіемъ и наемнымъ трудомъ рабочихъ, живущихъ заработанной платой, получаемой по условіямъ рабочаго договора; производство теряетъ прежнюю беспорядочность, зависѣвшую отъ спекуляціи; распредѣленіе дохода отъ производства совершается не на основаніи случайностей, носящихъ названіе „закона спроса и предложенія“, напротивъ, производство при этой системѣ регулируется по свышесоставленному плану, сообразуясь съ нуждами потребителей: всѣ работы приводятся въ исполненіе общественными силами, добытый же доходъ распредѣляется между производителями *справедливо*, по мнѣнію социалистовъ, чѣмъ теперь, когда дѣлежъ производится при помощи закона спроса и предложенія и посредствомъ договора о наемной платѣ. Вотъ *квинтъ-эссенція* экономического социализма, т. е. истиннаго социализма, сведеннаго въ болѣе сжатую форму ради популярности изложенія. Все остальное есть лишь дальнѣйшее развитіе этого положенія и носить характеръ придаточный.

Этотъ социализмъ есть та великая народно-эко-

номическая система, которая является самымъ рѣшительнымъ протестомъ противъ экономическаго индивидуализма, т. е. ученія Адама Смита и его школы. Соціализмъ стремится къ коренному преобразованію нѣкоторыхъ основныхъ положеній частнаго права, главнымъ образомъ, института частной собственности на землю и капиталъ, и къ устраненію современнаго обязательственнаго права, особенно по отношенію къ найму рабочихъ. Въ этомъ видѣ соціализмъ представляется борьбой противъ исторически выработавшагося и существующаго частнаго права, точно такой же борьбой, какою была борьба политическаго либерализма противъ абсолютной власти князей и противъ сословій, обладавшихъ политическими привилегіями, или противъ въ то время дѣйствовавшаго государственнаго права; такой же борьбой была и реформація, хотя и исключительно противъ существовавшаго въ ея время церковнаго права.

Разъ это научное направленіе выступаетъ въ связи съ практическими политическими стремленіями, съ цѣлью установить вмѣсто существующаго нынѣ государственнаго и общественнаго порядка, другой порядокъ, согласный съ выводами системы, т. е., главнымъ образомъ, клонящійся къ выгодамъ классовъ, трудящихся изъ-за заработной платы, то

мы имѣемъ уже дѣло съ соціалъ-демократіей, съ въ высшей степени враждебнымъ стремленіемъ нашего времени, съ явленіемъ, которое стало постояннымъ и которое требуетъ самой серіозной борьбы съ нимъ. Соціалъ-демократія смотритъ на науку не какъ на цѣль, но какъ на средство къ достиженію цѣли, и это тѣмъ болѣе опасно, что, хотя социализмъ и есть научное направленіе и стремится пользоваться научными методами, но онъ въ сильной степени можетъ быть подвергнутъ критикѣ, ибо даже въ основныхъ своихъ положеніяхъ основанъ на заблужденіяхъ. Не смотря однако на то, что социализмъ вообще есть теорія отрицанія, онъ все-таки далъ самый рѣшительный и плодотворный толчекъ развитію науки политической экономіи. Благодаря социализму, эта наука не осталась одной теоріей *частно-хозяйственной* системы, но, расширивъ свои предѣлы стала теоріей общественно-хозяйственной системы. Въ этомъ главная заслуга социализма. Вотъ какъ ее опредѣляетъ В. Рошеръ: отвращеніе, высказываемое социализмомъ къ восхваленію существующаго порядка, его ученіе о томъ, что труды отдѣльныхъ лицъ болѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, поддерживаются усиліями общества, его требованіе, чтобы наибольшая польза наибольшаго числа людей составляла

задачу государства, его убѣжденіе, что всякое стремленіе возвысить массу въ духовномъ отношеніи, является призрачнымъ безъ соотвѣтствующаго улучшенія ея моррiальнаго положенія—все это такіе моменты, которые обезпечиваютъ за соціальной школой выдающееся положеніе въ политической экономіи. Всѣ эти преимущества не исключаютъ, однако, того, что какъ въ частностяхъ, такъ и въ основныхъ положеніяхъ социализма есть большія заблужденія и ошибки; будучи тенденціозно изложены или на половину лишь понятны необразованной массой и внушены ей безсовѣстными демагогами, заблужденія и ошибки могутъ вести къ величайшимъ бѣдствіямъ для общества. Тѣсная связь социалъ-демократіи съ социализмомъ, возникшая только въ настоящее время, доставила послѣднему такую печальную извѣстность, что намъ кажется необходимымъ прежде всего рассмотреть историческій ходъ развитія социализма и изложить его сущность.

Греки и Римляне ¹⁾ знали, собственно, лишь два сословія: свободныхъ гражданъ и рабовъ. Первые не только входили въ составъ государства, но даже совершенно съ нимъ сливались. Человѣкъ обладалъ правами не какъ человѣкъ, а лишь на

¹⁾ V. Schell, Die Sociale Frage.

столько, на сколько онъ былъ гражданиномъ государства. Отсюда слѣдовало, что всѣ неграждане имѣли лишь весьма ограниченные чело-вѣческія права, такъ какъ они не принимали участія въ государственной жизни, не пользовались никакими почетными правами, не несли никакихъ государственныхъ обязанностей. На ихъ долю выпало лишь то запятіе, которое считалось недостойнымъ, а именно производство, потому что оно не имѣло никакого отношенія ни къ политикѣ, ни къ военному дѣлу, ни къ заботѣ о благосостояніи государства. Вслѣдствіе далеко не хозяйственнаго направленія того времени, производительный трудъ презирался, какъ непосредственно не служащій государственнымъ цѣлямъ; на него даже смотрѣли какъ на препятствіе къ политическому развитію гражданина. Настоящее государственное или народное хозяйство не могло вовсе развиться у древнихъ народовъ, а если и существовало, то въ весьма слабой степени. Народное хозяйство было разбито на множество отдѣльныхъ, почти совершенно самостоятельныхъ хозяйствъ, изъ которыхъ каждое само производило для себя все нужное. Всякое большое хозяйство заставляло работать на себя множество рабовъ, которые обрабатывали поля, изготовляли необходимыя ору-

дія, заботились объ изготовленіи одежды и жизненныхъ припасовъ, служили даже посредниками въ торговлѣ съ иностранцами. Раздѣленіе и соединеніе труда, имѣющія теперь значеніе одного изъ замѣчательнѣйшихъ явленій культурной жизни и культурной работы, были весьма мало развиты въ древности. Сюда присоединяются еще нѣкоторые моменты, которые являются характерными признаками древняго общества и древняго хозяйства: большая часть крупныхъ состояній возникла не благодаря наклонности къ бережливости и капитализаціи, а благодаря насильственному захвату имущества посредствомъ завоеваній, грабежей и т. п.; затѣмъ все государственное хозяйство поддерживалось, главнымъ образомъ, налогами, взимаемыми съ завоеванныхъ провинцій; въ то же время болѣе бѣдные граждане отвлекались отъ производительнаго труда вслѣдствіе бесплатной военной и гражданской службы, въ которой они должны были участвовать; наконецъ, и самъ южный климатъ давалъ бѣднякамъ возможность сокращать свои потребности сильнѣе, чѣмъ это возможно въ болѣе холодныхъ странахъ. Ясно, что древнее общество не знало всѣхъ тѣхъ условій, которыя въ настоящее время служатъ причиною социальныхъ бѣдствій.

Въ средніе вѣка фізіономія хозяйства и об-

щества существенно измѣняется. Отличительной чертой является раздѣленіе общества на отдѣльныя, строго различаемыя сословія какъ въ государственномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Между тѣмъ, какъ древность проводитъ строгое подраздѣленіе государственныхъ и хозяйственныхъ отношеній, ленное устройство, которымъ сильно проникнуты всѣ правовыя сферы средневѣковой жизни, показываетъ намъ, напротивъ, замѣчательное сліяніе военныхъ и хозяйственныхъ отношеній, которое съ одной стороны обезпечивало прочность леннаго устройства, а съ другой задерживало самостоятельное развитіе и разцвѣтъ элементовъ этого строя.

Въ новѣйшее время привилегированныя сословія отступили на задній планъ передъ равноправностью всѣхъ гражданъ государства. Законъ имѣетъ отнынѣ одинаковую силу для всѣхъ; *свобода индивидуума*, неприкосновенность жизни и имущества каждаго—суть основныя условія современнаго государства. Изъ всеобщаго равенства правъ вытекаетъ и общее равенство обязанностей, главнымъ образомъ равенство въ отбываніи воинской повинности и въ платежѣ налоговъ. Тѣсная связь политическихъ и хозяйственныхъ отношеній превращается; всякій самъ себѣ хозяинъ, и государство вмѣ-

шивается лишь на столько, на сколько нужно для достижения *народно-хозяйственного* идеала, для выполнения общих хозяйственных цѣлей. Начинается соревнованіе всѣхъ хозяйственныхъ силъ; обширная организація труда даетъ всякому возможность выбирать себѣ занятіе и обеспечивать себѣ существованіе, сообразуясь со своимъ призваніемъ, дарованіями или потребностями. И когда, такимъ образомъ, весь государственно - правовой порядокъ оказывается совершенно преобразованнымъ, экономическія, исторически выработанныя условія владѣнія и собственности остаются такими же какъ были; рассчитывать онѣ могутъ теперь лишь на себя; вполнѣ свободныя, онѣ предоставлены совершенно своему будущему развитію. Владѣніе землею и пользованіе правами въ государствѣ были въ прежнее время тѣсно связаны между собою; въ настоящее время подобная зависимость уже прекратилась; между тѣмъ какъ прежде повинности налагались лишь на владѣльческіе классы, теперь онѣ лежатъ на всѣхъ безъ исключенія обладающихъ какимъ нибудь правомъ, не принимая въ соображеніе, связаны-ли эти права съ владѣніемъ или нѣтъ. Поэтому-то владѣніе и трудъ являются двумя совершенно независимыми понятіями; трудъ, вонечно, можетъ соединяться

къ одномъ лицѣ съ владѣніемъ; въ противномъ случаѣ трудъ прежде всего долженъ добиваться владѣнія, иначе онъ попадетъ въ слѣдующее неблагопріятное положеніе: оказывается, именно, что матеріаль, къ которому долженъ быть приложенъ трудъ, весьма часто уже находится въ видѣ собственности въ рукахъ владѣльца на основаніи исторически созданныхъ условій, и трудъ со всѣхъ сторонъ видитъ себѣ преграды, чувствуетъ себя въ зависимости отъ собственности. Юридически, правда, владѣніе и трудъ находятся въ состояніи взаимной независимости; въ экономическомъ же отношеніи трудъ зависитъ отъ владѣнія, потому что обладаніе матеріаломъ для работы (капиталомъ) есть въ то же время обладаніе и средствами потребленія. Рабочая сила не можетъ быть объектомъ сбереженія и сама по себѣ не есть еще средство потребленія; отсюда происходило экономическое неравенство между обладающими собственностью и лишенными ея. Различіе, однако, идетъ и далѣе, потому что и владѣніе владѣнію рознь. Чѣмъ крупнѣе собственность, тѣмъ больше ея производительная сила. Крупные капиталы производятъ сравнительно дешевле, нежели мелкіе, легче управляютъ рынкомъ, имѣютъ возможность отдѣлять меньшую часть дохода отъ предпріятія

на личные потребности и больше тратить на расширение и поддержание производства. Въ этомъ то и заключается сущность социальнаго вопроса, а именно: между тѣмъ какъ принципы свободы и равенства ведутъ въ государственно-правовой сферѣ къ нашему культурному развитію, тѣ-же средства, примѣняемыя къ области народнаго хозяйства, причиняютъ несчастіе и вредъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіи извѣстнаго періода. Все современное общество пронизано этимъ внутреннимъ противорѣчіемъ, которое и служитъ его характернымъ признакомъ. Пока хозяйственная жизнь была тѣсно связана съ жизнью государственной, какъ въ средніе вѣка, или пока она не имѣла никакого значенія рядомъ съ политической, какъ въ древности, такое противорѣчіе не могло имѣть мѣста; хозяйственная жизнь, тѣсно связанная съ политической, не могла вовсе развиться до той высокой степени, до которой ее довело теперь свободное развитіе хозяйственныхъ силъ. Терни этого противорѣчія вонзаются не съ одинаковой силой во всѣ части общественнаго тѣла, однѣ терпятъ отъ нихъ болѣе, нежели другія. Но для тѣхъ классовъ общества, которые болѣе сильно страдают, которые борются за свое существованіе, за собственное „быть или не быть“, для нихъ социаль-

ный вопросъ становится вопросомъ власти, становится борьбой интересовъ на жизнь и на смерть.

Конечно, въ интересахъ человѣчества и культурнаго развитія, чтобы эта борьба прекратилась, чтобы какая нибудь высшая сила взяла на себя посредничество между сторонами. Эта высшая сила, есть наука, которая идетъ по пути спокойнаго изслѣдованія, не зная ни ненависти, ни любви, стремится разрѣшать трудныя проблемы на основаніи историческаго, государственно-правоваго, философскаго и хозяйственно-статистическаго матеріала. Соціальный вопросъ, какъ это видно изъ предъидущаго, есть вопросъ современной стадіи культурнаго развитія; какъ таковой, онъ можетъ быть не иначе постепенно разрѣшаемъ и притомъ только въ тѣснѣйшей связи съ общимъ ходомъ умственнаго развитія.

Необходимо прежде всего исторически прослѣдить происхожденіе и постепенное возрастаніе соціальнаго движенія, оцѣнить до сихъ поръ сдѣланныя попытки разрѣшить соціальный вопросъ, для того, чтобы избѣжать повторенія разъ уже продѣланной, значительной культурной работы. Исторія—учитель настоящаго и лишь то знаніе имѣеть глубокое содержаніе, которая сознательно относится къ своему происхожденію.

Соціальный вопросъ, если разумѣть подъ нимъ стремленіе найти для извѣстнаго времени и для извѣстнаго общества лучшія условія жизни, также старъ, какъ и сама исторія человѣчества. Во всѣ времена, во всѣхъ государствахъ существовали цѣлыя классы общества, которые чувствовали себя стѣсненными на пути своего развитія. Находились всегда и краснорѣчивые защитники этихъ несчастныхъ, и словомъ и перомъ работавшіе за страждущее человѣчество. Вся древность, особенно же римская эпоха, изобилуетъ соціальными столкновеніями; эти столкновенія возобновляются въ средніе вѣка и продолжаются въ настоящее время. Уже идеи Платона, его идеальное ученіе о государствѣ, идеи Томаса Мура и Себастіана Франка, во время крестьянскихъ войнъ, которыя выставляли идеаломъ человѣческихъ обществъ свои земледѣльческія государства безъ занятій искусствами и безъ торговли, безъ денегъ и частной собственности, идеи Кампанеллы, начертавшаго въ XIV ст. въ своемъ „городѣ на Солнцѣ“ фантастическую картину духовно-полицейскаго государства, безъ брака, безъ семейной жизни и частной собственности—всѣ онѣ могутъ считаться зачатками и предшественниками соціальной и коммунистической литературы. Тѣмъ не менѣе всѣ эти начат-

ки носить характер не болѣе какъ общихъ плановъ народнаго счастья, универсальныхъ утопій; они вовсе не направляютъ своей критики на опредѣленные недостатки общественной жизни; они поэтому весьма далеки отъ того, чтобы считаться работами по социаль- ному вопросу въ современномъ смыслѣ этого слова. Современный социальный вопросъ возникаетъ только со времени появленія современнаго понятія о го- сударствѣ, со времени политики Руссо и эконо- мическаго ученія физиократовъ, т. е. съ по- ловины прошлаго столѣтія, вмѣстѣ съ широкимъ развитіемъ промышленности и машиннаго произ- водства. / Во второй половинѣ XVII ст. выступаетъ принципъ современнаго порядка; совершенно но- вый строй государства и общества смѣняетъ до сихъ поръ царившій абсолютизмъ; привилегиро- ванныя сословія и классы исчезаютъ: совершен- но новое поколѣніе является на міровой аренѣ. Свобода личности всюду вырывается изъ подъ гне- тущаго всякую индивидуальность произвола церкви и свѣтской власти, изъ подъ мертвящаго форма- лизма науки, изъ оковъ общественной и про- мышленной жизни. Свѣтъ просвѣщенія разгоняетъ такъ долго владычествовавшихъ духовъ тьмы. На ряду съ принципомъ свободы, получаетъ значеніе и принципъ равенства; за океаномъ уже цѣною крови

x. Изъ Римской истории и так.

добываются тѣ человѣческія права, которыхъ такъ положительно требуютъ въ это самое время философы Франціи. Но масса новыхъ идей производитъ опьяняющее впечатлѣніе, свобода часто вырождается въ необузданность, высокій подъемъ мысли—въ полетъ Дедала, стремленіе къ истинѣ въ скептицизмъ и нигилизмъ. Особенно богатъ послѣдствіями былъ въ примѣненіи къ государству и обществу принципъ равенства всѣхъ людей: опираясь на современныя теоріи о государствѣ, выступаютъ внезапно впередъ тѣ классы общества, которые чувствовали себя до сихъ поръ носителями всѣхъ его тягестей; они вступаютъ въ общественную жизнь, какъ обладающіе одинаковыми правами граждане, и тотчасъ-же начинаютъ требовать для себя достойнаго человѣка существованія. Они хотятъ достигнуть его путемъ труда, но труда, какъ своего неотъемливаемаго права, они требуютъ отъ государства. Государство и общество, говорятъ они, или, по крайней мѣрѣ тѣ писатели, которые выступаютъ защитниками угнетенныхъ классовъ, составляютъ организмъ, который бываетъ весь боленъ, разъ только страдаетъ одинъ изъ его членовъ. Такое болѣзненное состояніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто экономическое равенство всѣхъ членовъ обще-

ства. Большая-же часть всѣхъ жизненныхъ благъ, находится въ рукахъ немногихъ привилегированныхъ лицъ, оставаясь недоступнымъ для всѣхъ остальныхъ, которые въ борьбѣ за свое существованіе, за насущныя потребности должны были остановиться въ своемъ развитіи и потерять чрезъ это свои человѣческія права. Цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы *каждый* могъ, по возможности полно, развивать свои дарованія и наклонности; поэтому всякое произвольное уклоненіе отъ исполненія этой общей задачи противузаконно. Общество должно быть поэтому устроено такъ, чтобы всякій имѣлъ возможность найти промыселъ или работу, которые обезпечили бы его существованіе, давали-бы ему возможность жить свободно и независимо. Всякая эгоистическая эксплуатація однихъ лицъ другими должна быть прекращена, для чего необходимо полное преобразование владѣнія землей и капиталомъ. Работающій классъ, пролетаріатъ, посредствомъ уничтоженія всѣхъ привилегій владѣльческихъ классовъ и посредствомъ доставленія работы, долженъ быть поставленъ въ болѣе цѣлесообразное и соотвѣтствующее его человѣческому достоинству положеніе.

Ясно, что нападки социалистическихъ писателей направлены прежде всего противъ данныхъ исто-

рическихъ условій; они представляютъ собою направленіе разрушительное и вносятъ въ социальную науку критически-отрицательный элементъ. На этой ступени своего развитія социализмъ тѣмъ отличается отъ ученія Ад. Смита, что, въ то время какъ индустриальная система видитъ въ конкуренціи отдѣльныхъ хозяйствъ и частныхъ капиталовъ цѣль всего народнаго хозяйства, социалисты смотрятъ на это явленіе, какъ на зло, источникъ всѣхъ страданій человѣчества и всѣхъ преступленій; всѣ социалистическіе писатели согласны относительно этого пункта. Иначе стоитъ дѣло въ отношеніи практической стороны ученія: тутъ социалисты и радикальные коммунисты совершенно расходятся между собою. Однако и здѣсь есть одинъ главный пунктъ, вокругъ котораго они всѣ группируются: этотъ пунктъ — общественное хозяйство. Оно, по ихъ мнѣнію, есть всеобщее, цѣлительное средство противъ всѣхъ недостатковъ человѣчества—оно идеаль всѣхъ социалистовъ. Господство экономическаго либерализма должно смѣниться управляющей властью государства въ видахъ общаго равенства, система частнаго владѣнія капиталомъ должна быть замѣнена системой коллективныхъ имущественныхъ единицъ или по крайней мѣрѣ должно быть создано одно

большое промышленное общество вмѣсто отдѣльныхъ хозяйствъ; въ этомъ обществѣ, доходъ долженъ распределяться сообразно индивидуальному участию каждаго трудомъ, капиталомъ и талантомъ. Отношеніе человѣка къ міру богатства, по требованію социализма, должно опредѣляться трудомъ: сообразно количеству труда каждаго должна опредѣляться и доля каждаго въ пользованіи богатствомъ. Коммунизмъ идетъ еще дальше: онъ хочетъ ввести общее имущественное равенство, не обращая вниманія на степень услугъ отдѣльныхъ лицъ, а потому отрицаетъ всякую частную собственность.

Такъ какъ Франція считается колыбелью современнаго социализма, то съ нея мы и должны начать нашъ историческій обзоръ и затѣмъ уже прослѣдить то же движеніе по крайней мѣрѣ въ двухъ культурныхъ странахъ Европы, въ Англии и Германіи.

I. Франція ¹⁾

Истиннымъ основателемъ социализма былъ графъ Генрихъ Сенъ-Симонъ. Онъ родился въ Парижѣ

¹⁾ Мы будемъ здѣсь придерживаться прекраснаго сочиненія Лоренца Штейна «Socialismus und Communismus in Frankreich».

въ 1760 г. и былъ внукомъ знаменитаго герцога Сень-Симона, игравшаго видную роль при дворѣ Людовика XIV и регента, о которыхъ и оставилъ мемуары, считающіеся лучшимъ историческимъ источникомъ для той эпохи. Сень-Симонъ, получивъ блестящее воспитаніе и образованіе, поступилъ въ военную службу 17-ти лѣтъ отъ роду и отправился въ Америку драться съ англичанами за свободу штатовъ. Не долго, однако, привлекало его ремесло солдата; его манилъ умственный трудъ. Уже въ 1779 году, онъ покидаетъ свою службу въ Америкѣ и принимается за нныя занятія. Въ 1786 г. онъ предлагаетъ испанскому правительству планъ устройства канала отъ Мадрида до моря; планъ былъ одобренъ; исполненіе его было, однако, остановлено наступленіемъ французской революціи. Въ этой великой катастрофѣ погибло все состояніе Сень-Симона вмѣстѣ съ его титуломъ и положеніемъ. Тогда онъ пустился въ финансовыя спекуляціи, занялся продажей національныхъ имуществъ; въ продолженіе семи лѣтъ предавался онъ этой дѣятельности. Его желаніемъ было вновь создать себѣ состояніе для того, чтобы устроить большое промышленное заведеніе, въ которомъ онъ могъ бы ради прогресса человѣчества осуществить свои соціальныя идеи. Ему, однако, не удалось составить

себѣ состоянія. Въ скоромъ времени затѣмъ Сенъ-Симонъ совершенно предался занятію философіей. Съ этого времени начинается вторая эпоха въ его богатой перемѣнами жизни. Онъ продолжалъ пополнять свое образованіе изученіемъ наукъ, путешествіями и знакомствами съ учеными; ему хватило, однако, времени на то, чтобы жениться и броситься въ вихрь наслажденій. Біографъ С. Симона, Рейбо (Raybaud), прекрасно рисуетъ намъ характеръ этого человѣка; спокойный среди всеобщей суетни, критикуя всѣхъ, не подвергаясь критикѣ, гастрономъ, свѣтскій человѣкъ, мотъ, болѣе, впрочемъ по системѣ, чѣмъ по наклонности, Сенъ-Симонъ переживалъ пятьдесятъ лѣтъ въ одинъ годъ; онъ не вступилъ въ жизнь, — онъ въ нее окунулся, чтобы раньше времени достигнуть мудрости старца; онъ пользовался всѣмъ, чѣмъ только могъ, и злоупотреблялъ всѣмъ, чтобы все понять. Онъ привилъ себѣ болѣзни своего вѣка, чтобы быть потомъ въ состояніи опредѣлить всю его фізіологію. Это была жизнь, вся состоявшая изъ опытовъ, жизнь судить о которой съ обыкновенной точки зрѣнія было-бы ошибкою“. Можно было бы пожелать Сенъ-Симону счастья въ этихъ экспериментахъ, очевидно не безопасныхъ для обыкновеннаго смерт-

наго, если бы онъ самъ первый не пострадалъ изъ за нихъ. Но онъ и не тужилъ о томъ, что подобный образъ жизни разорялъ его въ матеріальномъ отношеніи. Чтобы добыть средства къ жизни, онъ взялся за ремесло писателя; первое выпущенное имъ сочиненіе, „Письма женевского жителя къ своимъ современникамъ“ обнаруживаютъ уже стремленіе подвергнуть научной критикѣ состояніе общества, преобразовать его строй, руководствуясь абсолютными принципами. Но покуда всѣ его планы еще фантастичны, далеки отъ дѣйствительности; обрисовываются лишь главные контуры будущаго зданія. Затѣмъ наступаетъ третій фазисъ его жизни. Состояніе его уже окончательно промотано, его система находится еще въ зачаточномъ состояніи, у него нѣтъ никакого положенія ни въ обществѣ, ни въ наукѣ. Онъ самъ не выяснилъ себѣ своихъ стремленій: онъ не хочетъ войны, онъ хочетъ ввести новую религію. Наполеонъ I, косвенно впрочемъ, даетъ ему новый стимулъ къ литературной дѣятельности. Сенъ-Симонъ работаетъ на премію французской академіи, но оказывается, что эта задача была ему еще не по плечу; нужда, вдобавокъ, доводитъ его до того, что онъ въ скоромъ времени долженъ добывать средства къ жизни чуть не милостыней. Послѣ шестимѣ-

сячнаго томительнаго ожиданія онъ получаетъ наконецъ отъ графа Сегюра мѣсто писца въ банкѣ съ 1000 франковъ содержанія при девяти часахъ ежедневной работы; „это онъ, онъ“, восклицаетъ Л. Штейнъ, „наслѣдникъ герцогской короны, наслѣдникъ громаднаго состоянія, внукъ знаменитаго придворнаго Людовика XIV, пэръ Франціи, грандъ Испаніи—писецъ въ какомъ-то ломбардѣ“! Семь мѣсяцевъ несъ онъ тяжесть этой службы. Такъ какъ ночь онъ проводилъ въ занятіяхъ наукой, здоровье его совершенно разстроилось. Находясь въ такомъ ужасномъ положеніи, онъ случайно нашелъ бывшаго своего слугу, по имени Діара, который взялъ его къ себѣ и доставилъ ему свободный отъ работы досугъ. Какъ и прежде, его сочиненія не находили себѣ никакого сочувствія, на нихъ или смотрѣли какъ на химеры, или не рѣшались слѣдовать изложеннымъ въ нихъ принципамъ. По смерти благороднаго Діара, Сень-Симонъ впалъ въ прежнюю нищету. „Вотъ уже 14 дней, пишетъ онъ, какъ я сижу на хлѣбѣ и на водѣ, работаю безъ огня и продаю свое платье, чтобы покрыть издержки по перепискѣ моихъ сочиненій“. Одна только страсть къ наукѣ еще поддерживаетъ его. | Послѣ паденія Наполеона, вмѣстѣ съ новымъ политическимъ устройствомъ Европы, съ полнымъ

поворотомъ идей, начинается и для Сенъ-Симона новая и послѣдняя эпоха его жизни, которая продолжается до 1825 года. Въ то время имѣлось ввиду создать новый порядокъ на развалинахъ общества и государства, господствовало настроеніе, бывшее въ состояніе оцѣнить сочиненія Сенъ-Симона. Характерный чертой всей французской реставраціи отъ 1815 до 1830 года представляется борьба крупной промышленности съ королевской властью. Луи Бланъ гдѣ-то сказалъ: „Промышленность хочетъ подчинить себѣ королевскую власть, не уничтожая ее, однако“. Могущество капитала противопоставляется власти короля. Капиталъ развивался постепенно; въ эту-же эпоху, онъ сразу выступаетъ впередъ во всей полнотѣ своей мощи; но онъ еще не получаетъ въ государствѣ того положенія и тѣхъ правъ, къ которымъ стремится. Адамъ Смитъ и его послѣдователь во Франціи, Жанъ Баптистъ Сей, разработали науку политической экономіи самую по себѣ, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ ея отношеніи къ государственному праву. Сенъ-Симонъ взялся за разработку именно этого вопроса. Когда въ 1814 г. старая форма общества, повидимому, распалась и требовалось создать новую, онъ написалъ свою „Reorganisation“; затѣмъ онъ обращается къ во-

просу о правахъ владѣльцевъ національныхъ имуществъ; въ своемъ сочиненіи „Parabole politique“ онъ выступаетъ съ совершенно революціоннымъ положеніемъ, говоря, что Франція несомнѣнно больше страдаетъ отъ потери тысячи своихъ лучшихъ работниковъ, чѣмъ отъ смерти членовъ королевской фамиліи и смерти тысячи высшихъ чиновниковъ. Въ скоромъ времени появляется его „Système industriel“ и два главныхъ труда его жизни: „Catechisme des Industriels“ и „Nouveau Christianisme“, — труды, въ которыхъ собственно и изложены результаты всѣхъ его изслѣдованій, и основныя его взгляды.

Въ „Катехизисѣ промышленниковъ“ онъ разсматриваетъ вопросъ о сущности промышленности, о томъ положеніи, какое она завоевала себѣ въ теченіи французской исторіи, о правахъ, которыя должны принадлежать промышленному классу и о той формѣ общества, которую она создаетъ. Производительнымъ рабочимъ, по его мнѣнію, является тотъ, кто работаетъ для доставленія обществу средствъ удовлетворенія его потребностей; рабочій этотъ принадлежитъ къ тому классу, который, по мнѣнію Сень-Симона, долженъ занимать въ обществѣ первое мѣсто, такъ какъ этотъ классъ можетъ просуществовать и безъ помощи другихъ

классовъ, которые, наоборотъ, безъ него не могутъ существовать. Въ виду того, что все необходимое въ жизни создается промышленностью, всѣ заботы государства должны быть направлены на нее. Теперь же промышленный классъ поставленъ ниже всѣхъ прочихъ, между тѣмъ какъ онъ именно и обладаетъ и громаднѣйшей силой, и денежнымъ имуществомъ и даже, прибавляетъ Сенъ-Симонъ, умственными силами. Неужели этотъ классъ долженъ быть порабощенъ другимъ, слабѣйшимъ и даже болѣе малочисленнымъ? Съ этой односторонней точки зрѣнія Сенъ-Симонъ рассматриваетъ всю исторію Франціи. Франки были воинами Франціи, обладателями земли; Галлы были имъ подчинены, не обладая ничѣмъ, кромѣ способности къ труду. Оба народа стояли другъ противъ друга, какъ два враждебные лагеря. Франки владычествуютъ и наслаждаются; Галлы же поставляютъ артистовъ и рабочихъ. Оба эти класса были еще рѣзко разъединены при вступленіи на престолъ Людовика XI. Но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ монархъ вступилъ въ союзъ съ промышленниками, эти послѣдніе достигли постепенно личной свободы и права на движимую собственность, между тѣмъ, какъ за военными классами франковъ осталось владѣніе землей. Такимъ образомъ въ первый разъ появляется раздѣленіе

собственности на два вида; это раздѣленіе ложится въ основу позднѣйшаго устройства общества. До Людовика XIV земледѣльцы, фабриканты и купцы, эти три представителя народнаго производства, составляли еще отдѣльныя корпораціи. При этомъ король возникаетъ всемірная торговля, слѣдомъ за которой выступаетъ банковое дѣло; появляется совершенно новое сословіе банкировъ. Этотъ классъ является посредникомъ при всѣхъ платежахъ, и весь барышъ остается въ его рукахъ. Одновременно съ этимъ явленіемъ начинается въ исторіи промышленности періодъ кредита. Кредитъ находится въ рукахъ банкировъ и купцевъ, они ссужаютъ деньгами фабрикантовъ и рабочихъ. Чѣмъ болѣе фабриканты расширяютъ свои предпріятія, тѣмъ болѣе становятся они должниками банковыхъ дѣятелей. Такимъ образомъ, въ промышленномъ мірѣ образуется два класса: классъ работающих и классъ собственниковъ; послѣдніе господствуютъ. Стародавнее раздѣленіе міра на два класса выступаетъ снова, но въ измѣненной формѣ. Между двумя классами, изъ которыхъ одинъ есть классъ промышленный, а другой „феодалный“, возникаетъ третій классъ общества, классъ истинно либеральный, принимающій среднее направленіе, къ которому принадлежать въ особен-

ности юристы, адвокаты. На самомъ же дѣлѣ для государства полезень лишь классъ производителей, и лишь онъ одинъ можетъ рассчитывать на долговременное существованіе, будучи краеугольнымъ камнемъ всякого благосостоянія. Современное состояніе общества далеко еще не самое совершенное; истинная цивилизація еще не достигнута; еще нужно, напротивъ, изобрѣсти такую организацію обществъ, при которой классъ владѣльцевъ и легистовъ (адвокатовъ), вмѣстѣ съ военными силами, былъ бы подчиненъ трудящейся части общества и служилъ бы ей одной. Эти мысли встрѣчаются во всѣхъ трудахъ Сенъ-Симона, въ которыхъ идетъ рѣчь о промышленности. Сенъ-Симонъ не удовольствовался, однако, подобно позднѣйшимъ социалистамъ, однимъ указаніемъ на всю несправедливость, созданную исторіей, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ требовать немедленнаго и радикальнаго преобразованія современнаго строя; онъ, напротивъ, чувствуетъ разладъ, существующій между древнимъ и современнымъ правомъ, и ищетъ, поэтому, средствъ примирить противорѣчія между ними. Именно въ этомъ то и вьрется сущность его системы, которая еще не заканчивается появленіемъ промышленнаго Катехизиса, и завершается только вторымъ главнымъ сочиненіемъ Сен-Симона «Nouveau Chri-

stianisme». Равенство сословій, полагалъ Сен-Симонъ, есть лишь результатъ человѣческихъ воззрѣній, на самомъ же дѣлѣ существуетъ выработанное исторіей право неравенства. Онъ совершенно правильно признаетъ, что устраненіе этого права сводится къ тому, чтобы общество на самомъ дѣлѣ оставило свои притязанія и успокоилось на новомъ „modus vivendi“. Разъ нежелательно, чтобы другъ другу противостояли два начала, необходимо создать болѣе значительную силу, выше стоящаго судью, который бы примирилъ ихъ. Такой силой является воля Бога въ его откровеніяхъ т. е. религія, которую Сенъ-Симонъ и призываетъ на помощь. Сущность его новой религіи изложена въ самомъ извѣстномъ его сочиненіи, въ выше названномъ „Nouveau Christianisme“. Это сочиненіе начинается съ утвержденія, что единственный и сильный божественный принципъ всей христіанской религіи есть слѣдующее правило: люди должны любить другъ друга какъ братья. Духовенство не поняло какъ слѣдуетъ этого простаго требованія Христа, оно исказило его содержаніе; руководствуясь сухой догматикой, оно стремилось лишь къ тому, чтобы держать мірянъ въ невѣжествѣ и подчиненіи. Но не много улучшеній можно ожидать въ дѣйствительной жизни отъ простаго воз-

вращенія къ требованіямъ братской любви. Между тѣмъ у Сен-Симона нѣтъ дальнѣйшихъ выводовъ. Въ теоріи мы, конечно, можемъ признать, что его новая религія носитъ „соціальный“ отпечатокъ; но практическая ея конструція и примѣненіе остаются темными и неопредѣленными. Къ нему можно бы съ полнымъ правомъ примѣнить то, что онъ самъ ставилъ въ упрекъ Лютеру: „*Pl a bien critiqué, mais pauvrement doctrine*“*. Его религія имѣетъ сильно мистическій отпечатокъ; но именно мистическая часть его ученія имѣла всего болѣе притягательной силы для массы во Франціи, гдѣ любили темную фразу, гдѣ неясность часто принимали за глубину мысли. „Новое Христіанство“ было неистощимымъ источникомъ для учениковъ Сен-Симона, а въ новѣйшее время для христіанскихъ соціальныхъ агитаторовъ.

Учитель умеръ вскорѣ по окончаніи своего главнаго труда, 16-го Мая 1825 года. Удивительныя видѣнія, являлись ему предъ смертью: «Черезъ 48 часовъ послѣ появленія втораго изданія «Nouveau Christianisme», говоритъ онъ, образуется рабочая партія». Лучшее, что осталось послѣ Сен-Симона, это многочисленныя и талантливныя изслѣдованія, въ которыхъ онъ рассматриваетъ развитіе промышленности. Вообще Сен-Симонъ не требуетъ ни насильствен-

* Это можно сказать о всѣхъ кружкахъ и реформаторахъ

ныхъ измѣненій существующихъ общественныхъ условий, ни революціи. Онъ даже предлагалъ промышленному классу, для достиженія своихъ правъ, подать королю *петицію монстръ*, и въ ней просить его объ измѣненіи своего тягостнаго положенія. Онъ живетъ надеждой, что король милостивъ, и что онъ „однимъ росчеркомъ пера предоставитъ составленіе бюджета исключительно промышленному классу“. Сен-Симонъ не думаетъ также объ отрицаніи правъ собственности, объ отмѣнѣ наследственнаго права. Онъ скорѣй предсказалъ будущую борьбу пролетаріата и буржуазіи, чѣмъ далъ первымъ оружіе для этой борьбы. Сен-Симонъ былъ соціальнымъ философомъ, а вовсе не агитаторомъ; это былъ гуманистъ, изслѣдователь, горячо стремившійся къ истинѣ, человѣкъ, который умѣлъ страдать за свои идеалы.

Ученикъ Сен-Симона, Базаръ, сходный со своимъ учителемъ по благородству мысли и готовности принести себя въ жертву, полагалъ, что его система можетъ получить практическое примѣненіе, когда введено будетъ ограниченіе права наследованія и когда государство, какъ представитель промышленнаго общества, возьметъ на себя раздѣленіе оставленныхъ въ наследство имуществъ. Базаръ первый выставилъ ученіе о государствѣ, какъ

о всеобщей культурной силѣ, ученіе, которое съ тѣхъ поръ стало достояніемъ соціальной науки.

Жизнь Базара была также весьма богата приключеніями. Онъ былъ во Франціи главой такъ называемыхъ карбонаріевъ, тайнаго общества, получившаго широкое распространеніе во времена реставраціи. Какимъ то чудомъ избѣжалъ онъ смерти, послѣ того какъ заговоръ былъ открытъ. Съ тѣхъ поръ онъ остался жить въ Парижѣ, не разставаясь со своимъ учителемъ и предаваясь занятію наукой. Его соціальнымъ идеаломъ было всеобщее равенство, торжеству котораго всего болѣе препятствовало, по его мнѣнію, неравномѣрность въ распредѣленіи собственности. Рабочій всегда находится, говорилъ онъ, въ зависимости отъ хозяина. Владѣніе совершенно отдѣляетъ одинъ классъ отъ другаго. Онъ считалъ поэтому главнымъ вопросомъ всего соціализма и коммунизма слѣдующій: „Имѣетъ ли абсолютная собственность индивидуальное оправданіе?“ На такой вопросъ, который возбуждаетъ сомнѣніе относительно всего предъидущаго порядка вещей строя, никакъ нельзя сразу отвѣтить простымъ да или нѣтъ. Для разрѣшенія вопроса необходима система. Поэтому-то Базаръ, чтобы найти философское разрѣшеніе этого вопроса, и обратился къ идеямъ своего учителя. Истинный Сентъ-Симонизмъ и на-

чинается собственно съ Базара. Уже въ 1829 году, четыре года послѣ смерти Сенъ Симона, Базаръ выступаетъ публично, какъ учитель, читаетъ свои лекціи въ rue Taranne. Здѣсь развиваетъ онъ тѣ мысли, которыя впоследствии изложилъ въ „*Exposition de la Doctrine de Saint-Simon*“, лучшемъ сочиненіи всей школы.

Вотъ въ кратцѣ изложеніе хода разсужденія въ этомъ сочиненіи. Во всѣхъ сферахъ жизни, общества, государства, церкви, вездѣ царитъ вражда. Особенно же промышленность, съ ея принципомъ свободной конкуренціи, вызываетъ борьбу всѣхъ противъ всѣхъ. Подобная борьба не можетъ однако быть задачей культурнаго человѣчества. Она, впрочемъ, присуща природѣ человѣка; эгоизмъ руководитъ отдѣльными лицами, особенно-же въ области промышленности; но ему нужно противопоставить другой принципъ, если только міру не суждено стать чѣмъ-то чудовищнымъ, какимъ-то вѣчнымъ противорѣчіемъ; это новое начало есть принципъ единства, есть *ассоціація*. Это единство имѣетъ уже свой прообразъ въ семьѣ, въ государствѣ. Но какъ же достигнуть этого единства, этого всеобщаго соединенія въ одно гармоническое цѣлое, имѣя въ виду данные прообразы? Посредствомъ имущественнаго равенства. Трудъ долженъ быть освобожденъ изъ

подъ власти собственности, а все существующее имущество должно быть изъято изъ частной собственности, чтобы быть впоследствии раздѣленнымъ. Такимъ образомъ собственно уже у Базара мы находимъ чистый коммунизмъ. Исторія учитъ насъ, продолжаетъ онъ, насколько ошибочно считать современное право собственности чѣмъ то абсолютнымъ. Всякая великая реформа была связана съ реформой собственности. Слѣдуетъ уничтожить всѣ привилегіи въ государственной жизни, даваемыя рожденіемъ, слѣдуетъ заставить всякое отдѣльное лицо собственными усиліями прокладывать себѣ дорогу: проложить-же себѣ дорогу можно и безъ привилегій собственности, и безъ права наслѣдованія.

Но трудность подобнаго всеобщаго уравниенія лежитъ въ вопросѣ о принципѣ, которымъ нужно руководствоваться при этомъ уравниеніи. Базаръ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: всякому по его хозяйственной способности, и всякой способности по мѣрѣ ея труда. Базаръ думалъ достигнуть практическаго осуществленія своихъ идей посредствомъ особой банковской системы, охватывающей всю страну. По смерти всякаго собственника, имущество его поступаетъ въ одинъ изъ банковъ. Эти банки не сами, однако, управляютъ имѣніями, но

прискиваютъ наилучшаго для нихъ управляющаго. Всякій банкъ является такимъ образомъ единственнымъ распорядителемъ имуществъ и въ то же время судьей о достоинствѣ отдѣльныхъ лицъ и о положеніи ихъ въ обществѣ. Каждое государство имѣетъ центральный банкъ. Базаръ, надо признаться, избралъ довольно своеобразное средство для того, чтобы изгладить послѣдствія эгоистическихъ стремленій.

Одновременно съ лекціями Базара появился новый литературный органъ „Организаторъ“, просуществовавшій вплоть до пріобрѣтенія „Globe“. Между тѣмъ приближалась іюльская революція „Не было сомнѣнія“ говорилъ Лоренцъ Штейнъ „что побѣда достанется третьему сословію; нельзя уже было надѣяться на старое государственное зданіе, покоившееся еще на феодальныхъ устояхъ; Карлъ X совершилъ крупную ошибку, довѣрившись ему; за подобное довѣріе онъ заплатился короной“. Не кончены еще были уличныя схватки, какъ Базаръ вмѣстѣ съ Анфаненомъ, своимъ другомъ и единомышленникомъ, распорядились прибить на улицахъ Парижа прокламаціи, которыми народъ призывался къ учрежденію большой промышленной и теократической общины, съ общностью жизни и имущества. Базаръ лично

явился въ ратушу къ Лафайету, занимавшему постъ главнокомандующаго. Лафайетъ съ удивленіемъ выслушалъ химеры Базара и посовѣтовалъ ему подать палатѣ записку. Эта записка — удивительное литературное произведеніе, и ее можно считать первымъ несомнѣннымъ документомъ, официальной программой социализма. Требования, изложенныя въ запискѣ слѣдующія: уничтоженіе собственности, наслѣдственнаго права, всеобщее уравниеніе правъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Цвѣтущій періодъ сен-симонизма, ставшаго популярнымъ во Франціи, начинается со времени появленія этой записки. Сен-симонизмъ получаетъ большое распространеніе: основывались сен-симонисскія школы, устроились особыя аудиторіи для чтенія докладовъ, слушать которые собиралась масса народа. Но корни дерева уже подтачивалъ опасный червь: оба учителя школы стали расходиться во мнѣніяхъ. Такъ, Анфантенъ стоялъ за дѣйствительное сплоченіе рабочихъ, несмотря на то, что статья 291 Code pénal запрещала всякое собраніе болѣе двадцати лицъ. Въ болѣе тѣсныхъ кружкахъ онъ проповѣдывалъ также „полную эманципацію“ женщины. Вражда между обоими противниками принимала все больше

и больше размѣры. Анфантенъ выступилъ съ жестокими обвиненіями на своего бывшего друга. Базаръ рѣшилъ, что трудъ всей его жизни пропалъ даромъ; онъ вскорѣ умеръ, сраженный горемъ. Вражда среди сан-симонистовъ между тѣмъ разгоралась все болѣе и болѣе; школа не замедлила распасться, и во Франціи въ скоромъ времени уже забыли о всей этой исторіи; новое явленіе, фурьеризмъ, заступилъ мѣсто сен-симонизма.

Шарль Фурье родился 7 апрѣля 1772 года въ Безансонѣ. Отецъ его, купецъ, человекъ со средствами, предназначалъ его къ занятію торговлей. Намъ передаютъ двѣ характерныя черты изъ его дѣтства. Такъ, онъ каждый день дѣлилъ свой хлѣбъ съ однимъ колѣвкой; затѣмъ онъ сказалъ однажды одному лицу, покупавшему въ лавкѣ его отца, во что имъ самимъ обходится товаръ. Одно происшествіе въ торговомъ домѣ въ Марсели, гдѣ онъ юношей служилъ, произвело на него сильное впечатлѣніе. Въ виду распространившейся въ Марсели сильной дороговизны, его хозяинъ велѣлъ ему тайно выбросить въ море нѣкоторое количество испортившагося риса, говоря, что онъ больше получить барыша, разъ уменьшится количество жизненныхъ припасовъ и цѣны останутся высокими. Подобная спекуляція на го-

лодь бѣдняковъ воскресила въ немъ не исчезну-
шее еще впечатлѣніе, оставленное выше приве-
денной сценой въ лавкѣ отца. По смерти роди-
телей Фурье унаслѣдовалъ отъ нихъ около 100000
франковъ; онъ отправился въ Ліонъ. Здѣсь Фурье
съ трудомъ спасъ свою жизнь, когда этотъ городъ
былъ занятъ войсками національнаго конвента при
подавленіи возстанія на югѣ Франція, и всѣ, прини-
мавшіе участіе въ бою, должны были быть приго-
ворены къ смерти. Онъ потерялъ все свое состоя-
ніе и былъ принужденъ съ тѣхъ поръ добывать
себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ. Фурье до
конца своей жизни оставался въ должности коми.
Но, копируя письма, подводя счеты, будучи въ по-
стоянномъ соприкосновеніи съ низшими классами
народа, онъ продолжалъ разсуждать о судьбѣ
трудящихся классовъ. Такимъ образомъ онъ до-
шелъ до системы, основное положеніе которой
составляетъ идея объ усовершенствованіи человѣка.
Это усовершенствованіе достигается лишь посред-
ствомъ сближенія съ природой и согласія съ боже-
ственными законами. Усовершенствованіе выра-
жается въ уравновѣшеніи наслажденія и страстей;
ихъ то именно нужно гармонически сочетать и по-
ложить въ основаніе труда. Въ 1808 г. Фурье из-
далъ свое первое сочиненіе „Théorie des quatres

mouvements“, которое содержитъ въ себѣ изложеніе его системы. Странная, хаотическая книга. Фурье хочетъ не болѣе, не менѣе, какъ сразу установить новые пути для исторіи. По его мнѣнію, прогрессъ требуетъ прекращенія отдѣльныхъ хозяйствъ, на мѣсто которыхъ должно выступить общественное хозяйство. Фурье такимъ образомъ приводитъ насъ къ промышленному социализму, который стремится обосновать общественный строй на новомъ устройствѣ общинъ, гдѣ добываніе дохода должно производиться на общій счетъ, и гдѣ всякій членъ общества долженъ получать долю, соотвѣтствующую своему имущественному вкладу и трудовымъ усиліямъ. Неизбѣжно съ такимъ устройствомъ связанное однообразіе занятій должно быть оживлено частыми перемѣнами, а изолированность—возбуждающимъ сочетаніемъ соревнующихъ силъ.

Книга Фурье также имѣла печальную судьбу: никто не читалъ ее; всякого пугаль громадный ея объемъ. Авторъ въ продолженіи тринадцати лѣтъ не слышалъ изъ среды публики ни одного о ней отзыва. Тогда Фурье рѣшился изложить практическіе выводы своей системы. Онъ избралъ предметомъ своего труда промышленность и написалъ сочиненіе, считающееся лучшимъ въ этой

школъ, „Traité de l'association domestique agricole“, появившееся въ свѣтъ въ 1822 году. Въ этомъ трудѣ торговля, земледѣліе и промышленность разсматриваются отдѣльно, и, все таки, всѣ перепутаны. Трудъ у него поставленъ въ гармонію съ удовольствіемъ, потребности со средствами ихъ удовлетворенія, зло-же и преступленіе удалены изъ міра. Но и на этотъ разъ Фурье еще не имѣлъ успѣха; онъ по прежнему оставался одинокимъ: его не признавали, надъ нимъ смѣялись. Время разсвѣта и блеска фуріеризма начинается лишь съ тѣхъ поръ, какъ Викторъ Консидеранъ сталъ на его сторону.

Наибольшей извѣстностью пользуется та часть системы Фурье, въ которой идетъ рѣчь о такъ называемыхъ фаланстерахъ, этихъ обширныхъ обществахъ или соединеніяхъ многихъ семействъ въ одно хозяйственное цѣлое. Во всякой отрасли промышленности въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ образуются союзы, промышленныя группы. Подъ именемъ фаланги понимается совокупность 1800 — 2000 человекъ, которые въ хозяйственномъ отношеніи разсматриваются, какъ нѣчто цѣлое. Фаланга занимаетъ пространство земли около одной квадратной мили, имѣетъ общественный домъ для житья, фаланстеръ, въ которомъ помѣщаются всѣ члены

общины. Каждый предается здѣсь своему любимому занятію и много такимъ образомъ бережется на наймѣ жилья и на покупкѣ жизненныхъ припасовъ, благодаря рациональному хозяйству. Фаланстеръ является резиденціей новаго соціального міра. Посреди фасада зданія возвышается Башня Порядка; шумныя ремесла помѣщаются въ двухъ флигеляхъ. Внутри ихъ все устроено со вкусомъ, но, конечно, по мѣрѣ денежныхъ средствъ каждаго изъ членовъ, такъ какъ имущественное различіе сохраняется. Точно также и въ каждомъ фаланстерѣ каждое хозяйство ведется лишь для себя; общими силами удовлетворяются лишь общественныя потребности. Есть и своего рода ресторанъ, руководствующійся принципомъ доставлять возможно лучшее питаніе. Залы для дѣтей находятся также въ общемъ пользованіи, что даетъ возможность избавиться отъ маленькихъ крикуновъ и шалуновъ. Съ самаго утра начинается хозяйничаніе и работа; сельское хозяйство ведется общими силами и доводится до высшей степени интенсивности. Приводятся въ движеніе топоръ, молотокъ и плугъ. Вечеръ посвящается удовольствіямъ; можно выбирать между театромъ, разговоромъ въ обществѣ и отдыхомъ. Заботъ ни у кого нѣтъ, никакая работа не остается

безъ вознагражденія, вѣчный миръ царитъ на землѣ. Также развивается и торговля, а вмѣстѣ съ нею и материальное благосостояніе. Фаланстеры взаимно сбываютъ другъ другу продукты своего производства; каждый конецъ года влечетъ за собой благопріятный балансъ. Фаланга имѣетъ также социальное-политическое устройство. Всѣ руководители выбираются; они назначаются для каждой отрасли. Глава правитъ всей фалангой безъ стражи, безъ оружія. Да въ чему-же и нужно оружіе? Вѣдь свобода страстей является высшимъ закономъ, какимъ же образомъ можно нарушить законъ! Нѣсколько фалангъ находятся въ свою очередь подъ властью особаго начальника, дуарха, триарха, тетрарха и т. д. Вся земля составляетъ, наконецъ, большую монархію, гдѣ власть надъ всѣми фалангами находится въ рукахъ омніарха; этотъ владыка правитъ, живя... въ Константинополѣ.

Оставляя въ сторонѣ все фантастичное, мы все-таки находимъ въ фурьеризмѣ здоровое основаніе. Трудъ долженъ быть соображенъ съ внутренней природой человѣка, между потребностями и занятіемъ человѣка должна существовать величайшая гармонія, возможная при соотвѣтствующей организаціи труда. Весь вопросъ заключается лишь въ томъ, можетъ ли избранный Фурье путь привести

къ цѣли, возможно ли принудить народы избрать известную форму жизни, не обращая при этомъ вниманія ни на различіе расъ, ни на различіе ихъ представленій, обычаевъ и жизненныхъ привычекъ, ни на различіе ихъ способностей и дарований? Не напрасной-ли, напротивъ, является подобная борьба противъ всякой національности, противъ всякою культурнаго различія? Если-бы ихъ и удалось сломить, что-бы выиграло отъ этого человечество? Получился бы однообразный во всѣхъ частяхъ механизмъ, въ которомъ заглохла-бы всякая индивидуальность и вмѣсто многосторонности столь сильно теперь расчлененной жизни, получилось-бы состояніе, въ которомъ скука была бы основнымъ закономъ. И если бы даже и нашелся на землѣ уголокъ, гдѣ бы можно было устроить подобную фалангу, то по какой же нормѣ слѣдуетъ опредѣлить отношеніе индивидуальной заслуги къ степени удовольствія, служащей наградой за эту заслугу, по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ и ко всему обществу? Гдѣ та сила, которая могла бы на долго поддерживать этотъ законъ? Несомнѣнно, что отвѣчать на подобные вопросы значитъ констатировать несостоятельность подобныхъ плановъ, точно также, какъ несомнѣнно и то, что

разрѣшеніе социальныхъ вопросовъ въ смыслѣ Фурье привело бы въ погибели человѣческаго рода.

Старый социализмъ достигъ кульминаціоннаго пункта своего развитія въ трудахъ Прудона ¹⁾, этого въ высшей степени даровитаго писателя и одного изъ самыхъ блестящихъ умовъ Франціи и всего XIX столѣтія. У него преобладаетъ скептическое направленіе, его дѣло лишь уничтожать, отрицать. Тѣмъ не менѣе ему присуща искренняя правдивость и твердое убѣжденіе въ полезности своего ученія. До 22 лѣтъ Прудонъ былъ наборщикомъ въ типографіи въ Безансонѣ, положеніе, которое не могло удовлетворить такого человѣка, какъ онъ. Ему удалось избавиться отъ этой работы: онъ сразу съ увлеченіемъ набросился на науку, сперва безъ определенной цѣли. Безансонская академія назначила ему стипендію съ тѣмъ, чтобы онъ ежегодно представлялъ по сочиненію. Онъ сразу заявилъ, что будетъ по мѣрѣ силъ стремиться улучшить физическое, нравственное и интеллектуальное положеніе бѣднѣйшихъ и, въ тоже время самыхъ многочисленныхъ, классовъ. Одна изъ темъ, заданныхъ академіей для полученія преміи, навела

¹⁾ Новѣйшій нѣмецкій трудъ о Прудонѣ принадлежитъ Путлицу; авторъ однако не могъ уже имъ воспользоваться.

его на основную задачу социализма, на вопрос о принципах собственности и наследственного права. В скором времени он представил академии свое первое сочинение „*Qu'est ce que la propriété?*“ Благодаря этому сочинению, Прудон попал как раз в центр современного ему движения. Тем не менее академия объявила 26 Августа 1840 г., что она самым формальным образом осуждает этот труд и потребовала, чтобы автор при втором издании выпустил посвящение академии, и чтобы это постановление было доведено до всеобщаго свѣдѣнія.

Поступить подобным образом это далеко не значило еще опровергнуть Прудона; это значило дать его сочинению хорошую рекомендацію: оно получило широкое распространение. Наконец, и правительство обратило внимание на опасную книгу и намѣривалось уже приступить къ обвинению Прудона, если бы этому плану не воспротивился человекъ, имя котораго произносилось съ уваженіемъ не только во Франціи, но и во всей Европѣ; это былъ Бланки. Онъ представилъ въ Institut de France отчетъ объ этой книгѣ и сказалъ при этомъ, (въ послѣдствіи онъ тоже самое писалъ Прудону): „Какое вѣчное было бы для меня горе, если бы вслѣдъ за мною въ умственномъ мірѣ явился бы па-

лечь, чтобы наложить руку на вашу книгу и причинить вам неприятности. Увѣряю васъ, что двѣ ужасныя ночи я продумалъ объ этомъ, и мнѣ удалось удержать руку свѣтской власти тѣмъ, что я выставилъ на видъ, что ваша книга есть лишь академическое разсужденіе, а не манифестъ агитатора“.

Бланки пишетъ затѣмъ слѣдующее: „Признаюсь вамъ, что изъ всѣхъ существующихъ злоупотребленій, злоупотребленіе собственностью и для меня самое ненавистное; но я не дѣлаю немедленнаго заключенія отъ существованія злоупотребленія къ необходимости уничтоженія самаго института, что было бы слишкомъ сильнымъ средствомъ, подобнымъ смерти, которая вѣдь тоже исцѣляетъ всѣ болѣзни. Еще разъ повторяю, существуютъ средства противъ этого зла, не предполагающія необходимости прибѣгать къ разрушенію. Поэтому я предполагаю, что вы съ вопросомъ о собственности зашли также далеко, какъ и Руссо 80 лѣтъ тому назадъ съ вопросомъ о наукѣ, и такимъ образомъ блестяще, но бесполезно примѣнили свой умъ и знаніе“.

Въ основу своего сочиненія Прудонъ положилъ принципъ равенства. Онъ ставитъ себѣ вопросъ: что такое равенство передъ закономъ? Ни французская конституція 1791 г., ни конституція 1793 года, ни наконецъ хартія не опредѣляютъ принци-

па равенства, они его лишь молча предполагаютъ. На самомъ же дѣлѣ существуетъ неравенство, и причину его Прудонъ видитъ въ собственности. Справедлива ли собственность въ томъ видѣ, какъ она существуетъ? Ее приобрѣтаютъ захватомъ, трудомъ, талантами. Первый способъ приобрѣтенія, простое присвоеніе благъ, находящихся въ свободномъ состояніи, исключаетъ самое понятіе собственности; оба послѣдніе вовсе уничтожаютъ его, такъ какъ особыя таланты и силы суть уже монополіи, и приобрѣтеніе при помощи ихъ получаетъ оттѣнокъ эксплуатаціи всѣхъ менѣе одаренныхъ Провидѣніемъ. Такимъ образомъ, Прудонъ доходитъ до слѣдующаго утвержденія: „Собственность есть чужое имущество, собственность есть кража“, утвержденіе, на грубость котораго ему уже указывалъ Бланки, и которое ему самому принесло болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Лучшее опроверженіе Прудоновской теоріи собственности мы находимъ въ превосходномъ, къ несчастію неоконченномъ сочиненіи Бруно Гильдебранда: «Политическая экономія настоящаго и будущаго», гдѣ подробно изложена и оцѣнена и Прудоновская теорія цѣнности, этотъ основной вопросъ всей политической экономіи. Вообще же надо сказать, что на теорію Прудона слѣ-

дуетъ смотрѣть, какъ на неудавшуюся попытку разрѣшить вопросъ о справедливѣйшемъ распредѣленіи собственности. Но за Прудономъ есть та заслуга, что онъ своей системой вызвалъ такіа изслѣдованія, которыя много помогли лучшему пониманію и лучшей оцѣнкѣ социальнаго вопроса и теоріи цѣнности. Прежде всего Прудонъ развилъ ту плодотворную мысль, что всякій экономическій институтъ имѣетъ лишь относительное значеніе. Какъ нѣтъ ни закона, ни конституціи, ни государственнаго устройства, которые въ одинаковой степени годились-бы для всѣхъ народовъ и для всѣхъ ступеней развитія, точно также нельзя назвать ни одну хозяйственную форму абсолютно вѣрной, нельзя на нее смотрѣть, какъ на единственный отвѣтъ на всякій вопросъ политической экономіи. Прудону можно поставить въ заслугу то, что онъ доказалъ всѣ несогласія подобнаго возрѣнія на исторію.

Вопросъ о томъ, имѣеть-ли трудъ право на соотвѣтствующее положеніе въ обществѣ, былъ уже поставленъ Сен-Симономъ и рѣшенъ имъ въ утвердительномъ смыслѣ, но онъ не указалъ средства, какъ осуществить это право труда. Сен-Симонъ лишь въ общихъ чертахъ указывалъ на значеніе государства въ разрѣшеніи даннаго вопро-

са. Разрѣшить этотъ вопросъ задумалъ Луи Бланъ въ своемъ сочиненіи „*Organisation du travail*“, появившемся въ 1841 г. Это сочиненіе вводитъ насъ на почву собственно-политическаго социализма.

Луи Бланъ есть настоящій основатель социаль демократіи. Вотъ въ чемъ сущность идеи. Такъ какъ собственность имѣетъ преимущество сравнительно съ трудомъ, и это преимущество создается конкуренціей и ею поддерживается, то государство, какъ самый крупный собственникъ, должно, руководствуясь тѣмъ же принципомъ конкуренціи, пріобрѣсти полную власть надъ производствомъ и распредѣленіемъ имущества и употребить эту власть на пользу труда. Но съ устраненіемъ конкуренціи, этой побудительной хозяйственной силы, можетъ наступить опасность постепеннаго сокращенія производства и дѣятельности рабочихъ; въ такомъ случаѣ, государство должно прійти на помощь народу, пользуясь своимъ воспитательнымъ вліяніемъ, пріучая массы искать побужденій къ труду не въ эгоистическихъ выгодахъ, но въ мысли объ общественномъ благѣ.

Всѣ эти идеи предполагаютъ, конечно, что правители государства имѣютъ извѣстный интересъ въ приведеніи ихъ въ исполненіе; править,

слѣдовательно, должны тѣ, которые имѣютъ подобный интересъ. Но таковой могутъ имѣть одни рабочіе классы; собственники какъ классъ, господствующій, никогда по собственной воли не уступятъ своего господства; не было еще пока примѣра подобнаго поступка со стороны какого-бы то ни было господствующаго класса. Слѣдуетъ поэтому стараться установить господство рабочихъ. Такимъ образомъ появится идея социальной демократіи, конечная цѣль которой есть сильное и централизованное государство, которое будетъ въ состояніи и пожелаетъ осуществить право на трудъ. (Срав. Шееля. „Теорія социальнаго вопроса“ стр. 33.

Луи Бланъ происходилъ изъ хорошей фамиліи, но съ юныхъ уже лѣтъ былъ принужденъ зарабатывать себѣ средства къ жизни. Въ 1836 году онъ уже пользовался въ Парижѣ настолько извѣстностью, что ему поручено было редактированіе газеты «*Von Sens*». За два стихотворенія и за небольшое сочиненіе онъ получилъ премію отъ Арраской академіи, и всего двадцати лѣтъ отъ роду, Луи Бланъ былъ уже знаменитостью. Главнымъ его качествомъ, какъ писателя, были твердыя историческія познанія, знакомство съ философіей и совершенно лишенный пошлости слогъ; подобно большинству молодыхъ писателей, въ то

время желавших пробить себѣ дорогу, онъ былъ сторонникомъ либеральныхъ реформъ въ государствѣ. Добрая слава, которую онъ стяжалъ себѣ пятилѣтнимъ неутомимымъ журнальнымъ трудомъ, перешла въ 1839 г., благодаря чистой случайности, въ знаменитость. А именно, послѣ того какъ онъ помѣстилъ лестный критическій отзывъ о «*Idées Napoléoniennes*» въ редактируемой имъ газетѣ «*Revue du Progrès*» 15 августа (день именинъ Наполеона), онъ подвергся на улицѣ гнусному ночному нападенію, былъ сильно избитъ и замертво брошенъ на мостовой. Виновникомъ этого гнуснаго поступка, вслѣдствіе котораго Луи Бланъ былъ принужденъ въ теченіи многихъ недѣль не покидать постели, считали въ то время полицію. Говорили, что правительство хотѣло отдѣлаться отъ непріятнаго для него журналиста; Луи Бланъ получилъ съ тѣхъ поръ славу мученика. Съ этого времени онъ сталъ печатать въ своемъ журналѣ первые опыты всѣхъ тѣхъ соціальныхъ теорій, которыя онъ впослѣдствіи развилъ въ своей книгѣ «*L'organisation du travail*». Въ его воззрѣніяхъ мы можемъ указать слѣдующіе главные моменты: сильная, съ каждымъ днемъ возрастающая нищета низшихъ классовъ, причиной которой является конкуренція; та же конкуренція разоряетъ и буржуазію; правительство должно

упорядочить промышленность и управлять ею, а для этого должно быть облечено сильной властью; правительство должно подавить конкуренцію, взявши на себя устройство *національныхъ мастерскихъ*, въ которыхъ платили бы рабочимъ столько, сколько необходимо для поддержанія ихъ существованія.

Идеи Луи Блана нашли благосклонный пріемъ, какъ со стороны буржуазіи, такъ и со стороны народа, со стороны владѣльческаго класса и не-владѣльческаго. Буржуазія потому предпочитала эту систему сен-симонизму и фуріеризму, что Луи Бланъ не объявлялъ себя противникомъ собственности и стремился къ сохраненію государственной власти; народъ-же ждалъ отъ него улучшенія своей участи. Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, стала ясна нецѣлесообразность *національныхъ мастерскихъ*, устроенныхъ республиканцами по почину Луи Блана въ 1848 г. Громадныя суммы были истрачены на содержаніе 80.000 „сувереновъ“, было разсчитано, что вся затѣя обойдется въ 2 миллиарда, и однимъ изъ первыхъ распоряженій народнаго собранія въ маѣ 1848 года было закрытіе *національныхъ мастерскихъ*. Соціалистическія идеи, приложенныя къ практикѣ, дали на этотъ разъ плачевный результатъ; получивъ

помощь отъ государства, рабочее населеніе стало еще болѣе требовательнымъ; оно попыталось посредствомъ возстанія вновь достигнуть господства „четвертаго сословія“. Въ іюнѣ того же года взбунтовались цѣлыя толпы рабочихъ; нѣкоторыя изъ ихъ знаменъ носили слѣдующую надпись: „Какъ побѣдители, — мы грабимъ; какъ побѣжденные — мы поджигаемъ“, такъ что устрешеннымъ парижанамъ предстоялъ выборъ лишь между грабежемъ и пожаромъ. Были совершены всевозможныя жестокости съ звѣрской злобой и грубостью, была объявлена „красная республика“. Храбрый генераль Бреа былъ убитъ; Афръ, архіепископъ парижскій, былъ застрѣленъ въ то время, когда онъ, вѣрный пастырскому долгу, обратился со словами мира къ возмущившимся. Лишь генералу Каваньяку удалось военной силой и среди потоковъ крови усмирить возстаніе на парижскихъ улицахъ. Вотъ каковъ былъ послѣдній результатъ, достигнутый системой Луи Блана.

Французскій коммунизмъ.

Исторія французскаго коммунизма начинается съ Бабёфа. Его имя связано со смертью Робеспьера и съ паденіемъ царства террора. Онъ на-

ходился въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ Дантономъ и Робеспьеромъ; но мы напрасно будемъ искать его имя между главными вождями того времени. Его дѣятельность начинается лишь послѣ паденія Робеспьера. Выводя самыя крайнія положенія изъ принципа равенства т. е. положенія о полномъ имущественномъ равенствѣ и объ уничтоженіи всякой личной собственности, Бабёфъ этимъ самымъ сразу попалъ въ потокъ тѣхъ идей, которыя въ то время волновали народъ. Отличаясь увлекательнымъ краснорѣчіемъ, онъ собралъ вокругъ себя небольшой кружокъ единомышленниковъ, для которыхъ всякое сказанное имъ слово было свято. Число его послѣдователей увеличилось вскорѣ до 2000 человекъ, составлявшихъ союзъ подъ именемъ „Société du Panthéon“, такъ какъ собранія ихъ происходили вблизи этого зданія. Бабёфъ назвалъ себя Гракхомъ въ память римскаго коммуниста и сталъ издавать журналъ „Tribun du peuple“. Равенство было то слово, во имя котораго эта школа нападала на право и на законы, на конституцію и на общество, на государство и на собственность; съ яростью стали взывать къ народу, чтобы заставить его вспомнить о томъ, что онъ потерялъ, о томъ, что онъ могъ-бы приобрѣсть;

ярко расписывали передъ толпой всѣ удовольствія, которая можетъ доставить имъ собственность, все значеніе раздѣленія имуществъ между всѣми; все это дѣлалось для того, чтобы возбудить народъ къ возстанію; призывали народъ окончить завѣщанное Робеспьеромъ дѣло, льстили всякимъ страстямъ, которыя могли-бы вести къ возмущенію и возбуждать жажду крови. Союзъ со дня на день становился все могущественнѣе; народъ, снова доведенный до крайняго раздраженія, быстро приближался къ приведенію въ исполненіе ужаснаго дѣла. Попытки директоріи захватить опаснаго для нея Бабёфа были неудачны. Онъ дошелъ, наконецъ, до того, что открыто вывѣсилъ въ Парижѣ манифестъ, содержащій въ 15 статьяхъ всю программу коммунизма. Еще возбудительнѣе можетъ быть дѣйствовали рѣчи агитатора. Встрѣчаются подобнаго рода мѣста: „Равенство, первое требованіе природы, первая потребность человѣка, первая основа всякаго правомѣрнаго общества!.. Мы достигнемъ его, истиннаго равенства, достигнемъ, во чтобы то ни стало. Горе тѣмъ, кто преграждаетъ намъ путь къ нему! Горе тѣмъ, кто противится столь ясно высказанному обѣту! Французская революція есть лишь прологъ другой, гораздо болѣе грандіозной и серьезной, которая бу-

детъ и послѣдней. Намъ мало того равенства, которое изложено въ „декларациі челоѳическихъ правъ“; мы хотимъ видѣть равенство въ своей средѣ, подъ кровлей нашихъ домовъ. Мы ему вполне отдаемся; мы отрицаемъ и хотимъ уничтожить все существующее (*faire table rase*), чтобы быть въ состояніи вполне слѣдовать этому принципу. Не должно болѣе существовать индивидуальнаго владѣнія землей; земля никому въ частности не должна принадлежать, а ея плоды должны составлять общее достояніе. Достаточно долго, слишкомъ даже долго, присвоивалъ себѣ какой-нибудь милліонъ людей то, что принадлежитъ болѣе чѣмъ 20 милліонамъ ихъ ближнихъ, одинаковыхъ съ ними людей. Исчезни, о возмутительное различіе бѣдныхъ и богатыхъ, владыкъ и рабовъ! Настало время основать республику равныхъ между собой людей, этотъ великій гостепріимный домъ (*hospice*), открытый для всѣхъ. Приходите, страждущія семьи и садитесь за столъ, который природа накрыла для всѣхъ дѣтей своихъ! Народъ Франціи, открой глаза передъ этой полнотой счастья и провозгласи заодно съ нами республику равенства!“

Въ странѣ, гдѣ громкая фраза всегда что нибудь да значила, и въ такое время, когда умы уже и безъ того были въ высшей степени возбуждены, по-

добныя слова не могли остаться безъ сильнаго вліянія. Повсюду стали собираться угрожающія массы народа. Директорія рѣшилась энергически дѣйствовать противъ агитаторовъ и заговорщиковъ. Но всѣ попытки захватить главныхъ руководителей заговора были неудачны. Наконецъ, заговоръ подвергся судьбѣ всѣхъ заговоровъ—нашелся предатель: нѣкто Гризель, подкупленный директоріей, предалъ ей заговорщиковъ. 10 мая 1796 года въ то время какъ главные вожди заговора собрались вмѣстѣ, чтобы опредѣлить день начала революціи, Бабёфъ и Буонароти, его будущій биографъ, оканчивали въ своемъ домѣ послѣдніе манифесты, полиція удалось сразу заарестовать 65 зачинщиковъ. Правительство, изъ страха, отнеслось къ нимъ милостиво: къ смерти приговорены были только Бабёфъ и Дарте; остальные были присуждены къ разнымъ другимъ наказаніямъ. Когда Бабёфъ и Дарте выслушали свой приговоръ въ судѣ присяжныхъ, они выхватили кинжалы и поразили ими другъ друга, однако, не смертельно. На слѣдующее утро они были казнены.

Это былъ первый фазисъ коммунизма, скоро преданный забвенію, благодаря блестящей эпохѣ Наполеона I. Второе покушеніе коммунистовъ на общественный строй имѣло мѣсто долго спустя

потомъ, во время іюльской революціи. Когда Луи Филиппъ вступилъ на престолъ, нація дѣлилась всего на два класса, на довольныхъ и на недовольныхъ. Наступили къ тому же тяжкія въ экономическомъ отношеніи времена, заработки мелкаго люда, ремесленниковъ и фабричныхъ были незначительны; настало время, какъ будто нарочно созданное для возмущенія. Снова ожили старыя приверженцы Бабёфа, получившіе теперь названіе Бабувистовъ. Но на этотъ разъ коммунизмъ получилъ болѣе сложныя формы, выступивши съ различными оттѣнками. Самыми опасными коммунистами, были *икарійскіе* коммунисты, основателемъ которыхъ былъ Кабе. Уже во время реставраціи 1815 года онъ приобрѣлъ извѣстность, какъ адвокатъ, близко принимавшій къ сердцу интересы народа. Во время іюльской революціи онъ выказалъ себя горячимъ сторонникомъ республики и былъ принужденъ удалиться въ Англію; здѣсь онъ написалъ свою книгу „*Voyage en Icarie*“, отъ которой союзъ и получилъ свое имя. Это сочиненіе содержитъ описаніе коммунистической утопической обѣтованной страны. Чарующими красками расписаны нѣга, изобиліе, роскошь, порядокъ, братство, добродѣтели и счастье, существующіе тамъ, благодаря общности имущества. Въ

1839 году Кабе вернулся во Францію, гдѣ и издалъ свою книгу. Главныя требованія его сводятся, какъ и у другихъ коммунистовъ, въ слѣдующимъ: организованный трудъ, общность имущества, равенство и братство. Его исповѣдь (изложена у Штейна) можетъ служить лучшимъ источникомъ для ознакомленія съ этой системой.

Ходъ французской исторіи въ новѣйшее время, именно во время второй имперіи, былъ неблагоприятенъ для развитія социализма и коммунизма. Луи Наполеонъ умѣлъ находить занятія для рабочихъ массъ, умѣлъ возбуждать довѣріе, этотъ самый могучій нервъ промышленной жизни. Недовѣрчивый узурпаторъ преслѣдовалъ сперва всякіе рабочіе союзы, потому что они не давали покоя владѣльческимъ классамъ. Онъ зашелъ даже такъ далеко, что посягнулъ на нормальный рабочий день, но принужденъ былъ отступить отъ своего намѣренія, въ виду угрожающаго положенія, принятаго рабочими. Ближайшимъ предметомъ его заботъ была буржуазія. Извѣстны мѣры, предпринятія имъ въ этомъ направленіи. Торговый договоръ съ Англіей порвалъ связь со старой торгово-политической системой Франціи, и сильно поднималъ французскую промышленность; счастливыя войны въ Крыму и въ Италіи въ тоже время

утоляли жажду славы, столь присущую великой нации. Первая неудача постигла Наполеона въ Мексикѣ. Въ пользу рабочихъ онъ сдѣлалъ только одно: всеобщую подачу голосовъ. Такимъ образомъ соціальному неравенству было противопоставлено равенство политическое. Къ этому присоединялось еще и то обстоятельство, что императоръ прилагалъ усилія къ доставленію труда: торговые договоры, великая всемірная выставка, войско, флотъ и многочисленныя постройки давали ему полную къ тому возможность. Въ пятидесятихъ годахъ рабочимъ жилось лучше, чѣмъ когда либо. Но Наполеонъ пошелъ еще дальше. Онъ не остановился на улучшеніи матеріальнаго благосостоянія рабочихъ, онъ хотѣлъ дать имъ и политическую организацію, чтобы создать себѣ полезнаго союзника въ борьбѣ съ враждебными монархіи элементами. Дѣло шло о созданіи настоящихъ рабочихъ ассоціацій, которыя были бы преданы императору. Онъ основалъ въ 1863 году „Société du crédit au travail“, съ цѣлью доставить рабочимъ болѣе дешевый кредитъ.

Возникло много производительныхъ ассоціацій, кассы которыхъ зависѣли отъ правительства. Вообще Наполеонъ благопріятствовалъ организаціямъ для вступленія рабочихъ въ общественную жизнь

и весьма благосклонно смотрѣлъ на всякое стремленіе прибѣгнуть подъ его отеческое покровительство. Онъ является истиннымъ основателемъ «государственнаго социализма». Онъ самъ выростилъ ту силу, которая, окрѣпнувъ, въ союзѣ съ владѣльческими классами, вызвала его паденіе 4 Сентября 1870 года. Одинъ современный историкъ въ слѣдующихъ словахъ мѣтко очерчиваетъ этотъ монархическій „социализмъ“. „Такова уже судьба монархическаго социализма, что онъ въ состояннн дать толчекъ, возбудить новыя движенія въ обществѣ, но не можетъ затѣмъ долго сдерживать ихъ. Такъ, болѣзненная страсть Наполеона къ постройкамъ должна была въ концѣ концовъ достигнуть своей цѣли. Грубое, свойственное нашему времени воззрѣніе, состоящее въ томъ, будто государство должно поддерживать искусство лишь для того, чтобы кормить художниковъ, поставило вторую имперію лицомъ къ лицу съ трудно разрѣшаемымъ социальнымъ вопросомъ. Цѣлыя массы предпринимателей и ихъ помощниковъ получали долговременныя занятія отъ государства; они были отвлечены отъ своихъ прежнихъ занятій и отъ родины, такъ какъ само государство, своими распоряженіями и поощреніями, побуждало города къ перестройкамъ. Такимъ образомъ общественныя работы, устроенныя

имперіей, мало по малу обратилсь въ національ-
 ныя мастерскія въ смыслъ февральской революціи;
 строили, чтобы строить, и никто не зналъ, чѣмъ
 кончится этотъ повидимому безконечный винтъ.
 Деревенскому рабочему было вовсе не по себѣ въ
 городѣ: онъ былъ ослѣпленъ и оглушенъ блестя-
 щей роскошью, рядомъ съ которой его на самомъ
 дѣлѣ значительные заработки казались ему скуд-
 ной милостыней: какъ и прежде, для всякаго гра-
 мотнаго рабочаго дѣломъ чести считалось принад-
 лежать къ какому нибудь тайному обществу; ин-
 тернаціональный союзъ, начало котораго восходитъ
 еще, по всѣмъ вѣроятіямъ, ко времени февральской
 революціи, тайно вербовалъ члена за членомъ.
 Вновь дарованное рабочимъ право прекращать ра-
 боту, постоянно вело къ безсмысленнымъ и гру-
 бымъ стачкамъ. Однажды, передъ общинными
 выборами въ Марсель, офиціозныя газеты гро-
 зили прекращеніемъ городскихъ построекъ, на ко-
 торыхъ работало около 50,000 человѣкъ, если
 выборы будутъ враждебны правительству — не
 хватило однако мужества для приведенія въ ис-
 полненіе этой угрозы. Рабочіе тѣмъ не менѣ,
 подали голоса за оппозицію, не потому, чтобы имъ
 по сердцу были риторы парламентарной партіи,
 но потому, что, по ихъ мнѣнію, государство все

еще мало сдѣлало для нихъ. Словомъ, и волшебному искусству монархическаго социализма не удалось примирить труда съ капиталомъ. Однако, слѣдуетъ признать, что катастрофа, на встрѣчу которой Франція шла быстрыми шагами при Наполеонѣ III, не произошла исключительно по его винѣ. Слишкомъ уже устарѣли общественные контрасты во Франціи со времени революціи, почва была слишкомъ уже подготовлена, чтобы враждебные элементы не столкнулись вновь и не свергли существующаго порядка. До чего же могли дойти выходы коммунизма въ дѣлѣ уничтоженія всякой современной культуры и цивилизаціи, въ этомъ образованный міръ убѣдился воочію, бывши свидѣтелемъ ужасовъ парижской коммуны.

II. Англія.

Англія, къ которой мы теперь перейдемъ, имѣла въ своей конституціи твердый оплотъ противъ тѣхъ проявленій коммунизма, свидѣтелями которыхъ была старая Франція съ ея феодальными учрежденіями, хотя пропасть, раздѣляющая капиталъ и рабочаго, была еще шире, чѣмъ во Франціи. Со времени введенія машинъ и съ тѣхъ поръ, какъ капиталъ въ сильной степени восполь-

зовался ими, заработная согласна понизилась до такого минимума, что рабочій былъ лишень возможности сберечь и обнищаль. Къ этому присоединились и другія бѣдствія, какъ, на примѣръ, континентальная система Наполеона I; изъ Ирландіи массами выселялось ея несчастное населеніе, предлагая свой трудъ за самую ничтожную плату. Жалко было то положеніе, въ которое впалъ рабочій классъ, въ низшихъ слояхъ своихъ питавшее слѣпую ненависть къ капиталистамъ и работодателямъ.

Робертъ Оуэнъ былъ первымъ, обратившимъ въ Англии вниманіе на присканіе средствъ къ улучшенію положенія рабочаго. Онъ происходилъ изъ бѣднаго семейства, объ его воспитаніи не заботились и съ юныхъ лѣтъ онъ былъ вынужденъ собственнымъ трудомъ добывать себѣ пропитаніе. Тринадцати лѣтъ отъ роду поступилъ онъ къ одному лондонскому чулочному торговцу, который вскорѣ принялъ его въ компаніоны; благодаря ему, Оуэнъ могъ составить себѣ состояніе. Онъ обратился къ хлопчатобумажной промышленности, устроилъ въ Манчестерѣ фабрику машинъ и хлопчатобумажную прядильню, а затѣмъ вступилъ въ товарищество съ однимъ изъ самыхъ крупныхъ фабрикантовъ. Здѣсь ему выпала на долю задача создать хорошихъ ра-

ботниковъ. Рядомъ самыхъ цѣлесообразныхъ мѣръ удалось ему разрѣшить трудную задачу такой организаціи промышленности, при которой были бы тѣсно связаны выгоды рабочаго и выгоды хозяина. Онъ построилъ для рабочихъ особыя жилища, здоровыя, съ садиками, которыя и отдавалъ имъ въ наймы, не гоняясь за барышемъ. Онъ устроилъ также разныя склады для товаровъ, общественную столовую, заботился о воспитаніи дѣтей; весь міръ удивлялся созданному имъ порядку. Работа пошла такъ хорошо, что ежегодный чистый доходъ отъ предпріятія составлялъ милліоны. Не ограничиваясь этимъ Оуэнъ старался распространить свое ученіе и жертвовалъ громадныя суммы, чтобы наводнить міръ своими сочиненіями. Его идеи о реформѣ были приблизительно слѣдующія: человѣкъ есть продуктъ окружающихъ его условій; дѣло правительства такъ измѣнить эти условія, чтобы прекратилось дѣйствіе дурныхъ вліяній. Прежде всего необходимо одинаковое для всѣхъ воспитаніе, такъ какъ въ сущности всѣ люди равны и имѣютъ равныя права. И религія, прибавляетъ Оуэнъ, должна подвергнуться преобразованію, отрѣшиться отъ всякихъ философскихъ спекуляцій и распространять любовь къ ближнему. Всѣ эти основныя положенія должны, играя, быть привиты уже ребенку. Впослѣд-

ствѣи, взрослые должны пользоваться свободой мысли и рѣчи, каждый долженъ избирать занятія по своей индивидуальной наклонности. Различныя степени трудоспособности обуславливаютъ затѣмъ ихъ положеніе въ обществѣ. Всякая частная собственность отрицается, и такъ какъ каждый получаетъ за свою работу достаточное вознагражденіе, и такъ какъ каждого привязываетъ къ ближнему чистѣйшее чувство доброжелательства, и въ случаѣ болѣзни каждый лѣчится на общественный счетъ. Съ пятнадцати лѣтъ, когда воспитаніе считается уже оконченнымъ, человѣкъ выступаетъ, какъ работникъ и можетъ, руководясь исключительно склонностью, вступить въ половой союзъ, который можетъ быть расторгнутъ, разъ онъ оказывается неудачнымъ. Въ великой общественной семьѣ исчезаетъ значеніе брака, тѣмъ болѣе, что дѣти воспитываются публично и на общественный счетъ. Соціальное правительство должно начать реформу нынѣшняго общественнаго строя прежде всего съ того, что въ видъ городовъ образуетъ большія искусственныя семьи въ 500 — 2,000 человѣкъ, во главѣ которыхъ долженъ быть поставленъ генеральный совѣтъ изъ 30 членовъ, находящійся въ связи съ прочими соціальными общинами. Результатомъ примѣненія подобной систе-

мы должно было быть распространение нравственности и богатства.

Таковы, вкратке изложенныя, главныя черты преобразовательныхъ идей Оуэна, которыя отъ неустанно повторяетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Но духовенство, которое не могло простить ему его нападокъ на религію, противопоставило ему сильную оппозицію. Проекты Оуэна рухнули. Сами рабочіе мало ждали себѣ помощи отъ идеаловъ Оуэна, въ виду того, что въ 1824 году имъ было дано право составленія свободныхъ ассоціацій для рабочихъ цѣлей; они надѣялись лишь на собственную помощь, заключая союзы противъ капитала и работодателей. Рабочіе надѣялись теперь сплоченными массами договариваться съ работодателями о платѣ, которая должна будетъ соображаться съ доходами капиталиста. Въ томъ случаѣ, если хозяинъ не согласится на подобный договоръ, всѣ рабочіе оставляютъ работу: другими словами рабочіе хотѣли замѣнить до сихъ поръ существовавшія теоріи *организованными стачками*. Но и въ Англии рабочіе на этомъ не остановились; и здѣсь увлеклись они вскорѣ политическими вопросами. Нашли, что средствомъ къ улучшенію положенія рабочихъ будетъ дарованіе имъ доли участія въ государственной власти; они высту-

пили съ требованіемъ допустить ихъ къ участию въ государственномъ управленіи посредствомъ выборовъ и возможности быть выбранными. Въ 1835 году комитетъ всеобщаго лондонскаго рабочаго общества, подъ руководствомъ Вильяма Лоуелля, составилъ такъ называемую народную хартію со слѣдующими требованіями, изложенными въ шести пунктахъ: 1) всеобщая подача голосовъ; 2) парламентъ, ежегодно избираемый; 3) вознагражденіе депутатамъ, чтобы и бѣдные могли быть избираемы на эту должность; 4) выборы посредствомъ баллотировки; 5) равные избирательные округа, чтобы обезпечить равную степень представительства; 6) отмѣна исключительнаго права на избраніе лишь для того, кто имѣетъ на 300 фунтовъ недвижимой собственности, чтобы всякій избиратель могъ быть избранъ. Эти соціально демократическія стремленія носятъ названіе „Чартизма“ Само собой понятно, что нижняя палата въ 1839 году отклонила эти предложенія, грозившія отнять у нея столь значительныя права; палата арестовала агитаторовъ и этимъ поступкомъ вызвала кровавыя возстанія рабочихъ, повторявшіяся до 1848 года. Чартизмъ лишь тогда отступилъ на задній планъ, когда съ нимъ столкнулось другое движеніе, фактическое введеніе

въ Англіи свободы торговли и отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ, благодаря чему англійская промышленность достигла высокой степени развитія. За то ассоціаціи среди рабочихъ приняли въ Англіи еще большія размѣры ¹⁾. Въ этихъ ассоціаціяхъ существуетъ общее пользованіе сырымъ матеріаломъ; общими считаются также жизненныя и хозяйственныя потребности; существуютъ союзы для попеченія о больныхъ и престарѣлыхъ, существуютъ, наконецъ, союзы для сбыта и производства на общій счетъ. Теперь въ Англіи дѣйствуетъ безчисленное множество производительныхъ ассоціацій.

III. Германія.

Въ Германіи социализмъ появился позже чѣмъ гдѣ либо. Первымъ выразителемъ социальныхъ идей здѣсь былъ Фихте. На него, какъ извѣстно, имѣли вліяніе политическіе взгляды Руссо. Уже въ своей книгѣ „Grundlagen des Naturrechts“. (Основы естественнаго права, 1796) Фихте выставляетъ слѣдующее положеніе: право на жизнь есть абсолютная, неотчуждаемая собственность всѣхъ людей. Поэтому,

¹⁾ Л. Бретано, 1871. Die Arbeitergilden der Gegenwart, Leipzig. 1871. II Bd.

государство, по его мнѣнію, должно-бы заботиться о существованіи каждаго человѣка, и каждый гражданинъ, который не имѣеть возможности поддерживать свое существованіе, долженъ-бы имѣть абсолютное право требовать вспомошествованіе. Въ его книгѣ „Der geschlossene Handelsstaat“ (Замкнутое коммерческое государство, 1800), изображено государство, которое организуетъ трудъ и надзираетъ за нимъ, регулируетъ производство и потребление и распределяетъ пользование благами сообразно съ размѣрами труда каждаго. Государство, по мнѣнію Фихте, должно-бы болѣе заботиться о доходѣ людей, чѣмъ „о доходѣ воробьевъ“. Наша теперешняя свободная конкуренція есть война всѣхъ противъ всѣхъ; люди хотятъ быть лишь для того свободными, что бы губить другъ друга. Въ понятіи собственности Фихте признаетъ не одну только индивидуальную самодовлѣющую (selbsteigenste) но и социальную сторону, что, сравнительно съ господствовавшимъ возрѣніемъ XVIII столѣтія, есть уже значительный шагъ впередъ; конечно, его мнѣніе страдаетъ многими крайностями и покоится на шаткихъ положеніяхъ (Rosher). По существу говорить онъ, всѣ люди имѣютъ одинаковое право на все. Вещь становится моею собственностью лишь въ дѣствіе отреченія отъ нея всѣхъ другихъ людей. Всѣ

люди имѣютъ одинаковое право посредствомъ труда жить на столько пріятно, на сколько это возможно для того количества людей, которые совмѣстно трудятся въ извѣстной сферѣ дѣятельности. Всѣ люди должны быть въ состояніи жить одинаково пріятно. Если же кто и живетъ несчастно, то причина должна лежать въ немъ самомъ. Всѣ должны быть сыты и жить въ хорошихъ помѣщеніяхъ, прежде чѣмъ кто либо начнетъ украшать свое жилище; всѣ должны быть удобно и тепло одѣты, прежде чѣмъ кто либо станетъ наряжаться. Кто говоритъ: я вѣдъ въ состояніи заплатить за все это, тотъ, по мнѣнію Фихте, неправъ. Очевидно, что Фихте проповѣдуетъ умѣренный коммунизмъ, который долженъ бы получить гораздо болѣе рѣзкій характеръ по мѣрѣ увеличенія населенія, а особенно въ случаѣ избытка населенія. Но Германія, въ то время, когда писалъ Фихте—за шесть лѣтъ еще до начала дѣятельности Санъ - Симона, не представляла удобной почвы для социалистическихъ идей. Для того, чтобы имѣть успѣхъ, социализмъ требуетъ извѣстнаго цвѣтущаго состоянія промышленности, которая въ Германіи развилась лишь послѣ основанія таможеннаго союза и заключенія международныхъ торговыхъ договоровъ; особенно быстро шло это развитіе въ шестидеся-

*х. это условие не было такою необход-
им. но въ древній время или въ средніе*

*Foodye man, Dobb
= смъ сержантъ*

тыхъ годахъ. Талантливое-же сочиненіе Л. Штейна о Соціализмъ и Коммунизмъ во Франціи, вышедшее въ 1842 г., казалось нѣмецкой публикѣ отголоскомъ чего-то ей совершенно чуждаго.

Въ 1845 году появилось цѣнное, страстно написанное, сочиненіе Энгельса, заключавшее въ себѣ цѣльное изображеніе положенія англійскаго рабочаго населенія; въ этомъ сочиненіи онъ предсказываетъ наступленіе революціи въ теченіи ближайшихъ 25 лѣтъ; въ 1848 г. вышла въ свѣтъ „Система міровой экономіи“ (System der Weltökonomie) профессора Винкельблеха (Марло). Его воззрѣнія еще умѣренны, однако, онъ требуетъ уже общественной формы для сельскаго хозяйства и передачи торговли въ руки государства. Марло нашель еще мало послѣдователей въ Германіи, точно также, какъ и Родбертусъ, отецъ истинно-научнаго соціализма въ Германіи, духовный руководитель и учитель Лассалья.

Родбертусъ, экономическій писатель первой величины, „нѣмецкій Рикардо“, былъ много разъ слишкомъ низко оцѣниваемъ спеціалистами, напр. В. Рошеромъ; первой истинной оцѣнкой этого замѣчательнаго ученаго мы обязаны Ад. Вагнеру¹⁾. Главныя сочиненія Родбертуса слѣдующія: „Для

¹⁾ См. также, Р. Мейеръ. Борьба за эманципацію I, 43 слѣд. (K. Meyer. Emancipationkampf).

ознакомленія съ нашимъ экономическимъ положеніемъ“ (*Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände*), три „Соціальныя письма къ Кирхману“, (*Socialen Briefe an Kirchmann*), появившіяся уже въ 1842 и 1850 гг., между тѣмъ какъ главные труды Маркса помѣчены 1859 и 1870 годами. ¹⁾ Родбертусъ самъ называетъ свою теорію „последовательнымъ проведеніемъ положенія, введеннаго въ науку Смитомъ и еще болѣе развитаго Рикардовской школой, положенія, что съ хозяйственной точки зрѣнія всѣ блага должны быть разсматриваемы исключительно какъ продукты труда, а не какъ издержки на рабочую силу (*Arbeitskosten*). Если тѣмъ не менѣе *науперизмъ* и *торговые кризисы* въ сильной степени замедляютъ непрерывный прогрессъ общества, то и самое распределеніе продуктовъ общаго труда, въ свою очередь, вѣроятно, вредно и несправедливо. Родбертусъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „если распределеніе продуктовъ народнаго труда будетъ съ предоставлено самому себѣ, то извѣстныя, связанныя развитіемъ общества, условія*будутъ дѣйствовать такимъ образомъ, что при увеличивающейся производительности общественнаго труда возна-

¹⁾ Сравни, впрочемъ, Held I гл. 65 стр. внизу.

граждение рабочихъ классовъ будетъ составлять все меньшую часть народнаго продукта"; это положеніе подробнѣе доказывается въ 34 тезисахъ. Такимъ образомъ, Родбертусъ нападаетъ на принципъ свободной конкуренціи и на весь правовой порядокъ хозяйства, опирающійся теперь на обладаніе землей и капиталомъ; этотъ порядокъ Родбертусъ считаетъ причиною страданія рабочаго класса. Но Родбертусъ не требовалъ — и этимъ онъ существенно отличается отъ Лас-салья и Маркса — уничтоженія частной собственности или насильственнаго измѣненія современнаго правового порядка, имѣющаго лишь историческое значеніе, онъ требовалъ только замѣны системы заработной платы другою, которая шла-бы рука объ руку съ усложняющимися культурными задачами. Достигнуть этой цѣли онъ думаетъ при помощи слѣдующихъ трехъ главныхъ средствъ: 1) уничтоженіе нынѣшняго договора о заработной платѣ и установленіе самимъ Родбертусомъ придуманнаго *нормальнаго рабочаго дня* и нормальной формы заработной платы, основаніемъ для которой должны были служить платежныя таблицы, изобрѣтенныя архитекторомъ Петерсомъ въ Шверинѣ; 2) передача въ руки государства завѣдыванія *искусственнымъ*

оборотнымъ капиталомъ, который долженъ быть созданъ въ видѣ ничѣмъ не покрытыхъ банковыхъ билетовъ, съ цѣлью дать народному хозяйству посредствомъ поддержки нѣкоторыхъ извѣстныхъ предпріятій направленіе требуемое для производства въ извѣстномъ количествѣ тѣхъ продуктовъ, которые необходимы въ виду существующей системы вознагражденія труда; 3) введеніе общественной системы магазиновъ съ товарами, покупаемыми на заработную плату, чтобы и съ этой стороны имѣть возможность обезпечить необходимую высоту заработной платы посредствомъ регулированія цѣнъ. Родбертусъ, поэтому, готовъ оставить пока за обладаніемъ землей и капиталомъ ихъ функціи, точно также онъ не требуетъ пониженія современной ренты; но въ то же время старается и при существующихъ порядкахъ доставить и обезпечить за рабочими классами увеличеніе ихъ доли въ народномъ доходѣ, насколько это возможно при современномъ увеличеніи народной производительности. Такимъ образомъ долженъ быть осуществленъ постепенный переходъ къ другому способу распределенія доходовъ и къ высшему государственному и правовому порядку.

Родбертусъ, какъ видно, исходитъ изъ той точки зрѣнія, что трудъ есть единственный источникъ цѣнъ

ности, ея единственное мѣрило—мысль, которая безусловно должна быть отвергнута¹⁾. Его исходная точка также невѣрна, какъ исходная точка Рикардо и Маркса. „Если мы себя спросимъ“, говоритъ Гельдъ²⁾ въ своемъ критическомъ разборѣ, „какимъ образомъ такой свѣтлый умъ, какъ Родбертуса, могъ дойти до того, чтобы вѣрить на самомъ дѣлѣ Рикардовской теоріи цѣнности, какъ могъ онъ дойти до мрачнаго убѣжденія, что рабочему по необходимости все хуже и хуже будетъ жить, то, ввиду постоянного господства практическихъ соображеній, возникаетъ подозрѣніе, что истиннымъ намѣреніемъ Родбертуса было разжечь недовольство рабочихъ и освободить ихъ отъ обычнаго господства либеральной буржуазіи, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе интересовъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Во всякомъ случаѣ современные аграріи могутъ съ успѣхомъ пользоваться въ своихъ выгодахъ трудами величайшаго изъ такъ называемыхъ социальныхъ консерваторовъ“. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что появленіе Родбертуса составляетъ для политической экономіи важный шагъ впередъ. Главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ учитъ, что

¹⁾ См. ниже болѣе подробныя объясненія.

²⁾ I с. 62 Anm.

производство есть плодъ общей дѣятельности его участниковъ и лишь по окончаніи производства происходитъ дѣленіе продуктовъ на основаніи дѣйствующаго права въ видѣ отдѣльныхъ доходовъ. Точно также дѣйствительно глубоко задумано его предложеніе иначе систематизировать политическую экономію.

Сліяніе научнаго социализма съ политикой, отъ котораго еще далеку Родбертусъ, было вскорѣ осуществлено Фердинандомъ Лассалемъ, отцемъ нѣмецкой социалдемократіи ¹⁾. Для того, чтобы распространить социалистическія идеи среди массъ и для того чтобы онѣ дали плодотворный результатъ, нужно прежде всего умѣть ихъ ловко популяризировать, излагать въ отдѣльныхъ формулахъ и мѣткихъ словахъ (Schlagwörter), искусство, которымъ Лассель владѣлъ въ совершенствѣ. Этотъ человекъ, подготовленный къ тому всей предъидущей подвижной своею жизнію, отличался

¹⁾ Лучшія свѣдѣнія объ историческомъ развитіи нѣмецкой социалдемократіи можно найти у Франца Меринга, Franz Mehring „Die deutsche Sozialdemokratie, ihre Geschichte und ihre Lehre“ 3. Auflage, Bremen, 1879. (Нѣмецкая социалдемократія, ея исторія и ея ученіе). Смотри, кромѣ того, и у Р. Мейера. „Der Emancipationskampf des vierten Standes“. „Эманципаціонная борьба четвертаго сословія“ Собственно о Лассалѣ смотри Мерингъ I. с. и Георга Брандеса, „Фердинандъ Лассаль“.

необычайнымъ умѣніемъ популяризировать науку; онъ, подобно виртуозу, собиралъ массу блестящаго матеріала и облекалъ его въ совершенныя формы. При этомъ ему особенно помогало его увлекательное краснорѣчіе и сильная доза — безцеремонности, говоря парламентскимъ языкомъ, — чувства собственнаго превосходства, которое заставило его сказать такому человѣку, какъ Шульце-Деличъ слѣдующія, ставшія извѣстными, слова: „Я пишу каждую строку, вооруженный всѣмъ знаніемъ моего столѣтія“. То, что такъ къ его выгодѣ отличаетъ Лассала отъ его послѣдователей было *національное стремленіе*, которымъ было проникнуто все его направленіе. Онъ шелъ противъ тогдашней демократіи, противъ нее онъ хотѣлъ выставить свои рабочіе батальоны; онъ стоялъ за національное объединеніе Германіи подъ гегемоніей Пруссіи съ исключеніемъ Австріи; но вообще говоря, онъ стремился достигнуть цѣлей социализма скорѣе путемъ спокойнаго развитія. Государство, по его мнѣнію, должно было само помочь ему въ этомъ. Рабочіе должны занять мѣсто предпринимателей посредствомъ образованія съ помощью отъ правительства производительныхъ ассоціацій, въ которыя вступало бы извѣстное число рабочихъ одной и той же отрасли произ-

водства, чтобы под руководством избранных из их же среды представителей вести общее хозяйство на собственный рискъ. Всѣ виды промышленности должны были постепенно обратиться въ подобныя ассоціаціи, тѣсно связанныя между собой въ видахъ устраненія конкуренціи. Въ виду-же того, что рабочіе не могутъ собрать большихъ капиталовъ, выдать ихъ должно государство, какъ оно уже часто это дѣлаетъ при общепользныхъ учрежденіяхъ, напр., при сооруженіи путей сообщенія и т. п. Весь вопросъ заключается въ томъ, сдѣлаетъ ли это государство добровольно? — понятно нѣтъ, пока власть находится въ рукахъ собственниковъ. Рабочіе поэтому должны сами стараться завладѣть властью; ближайшимъ путемъ къ этому служить право всеобщаго голосованія.

Такова была программа Лассалья, относительно главнаго основанія которой — производительной ассоціаціи съ государственною помощью — еще не всѣмъ выяснено, насколько серьезно Лассаль вѣрилъ въ его значеніе, по крайней мѣрѣ, на основаніи писемъ Лассалья къ Родбертусу¹⁾ возбуждены были сильныя сомнѣнія въ томъ, было-ли предложенное универсальное средство крайней цѣлью,

¹⁾ Изданы А. Вагнеромъ и Шумахеромъ-Царклиномъ.

или скорѣй лишь своего рода „отступнымъ“ такъ какъ Лассаль писалъ Родбертусу когда этотъ послѣдній не согласился съ этой идеей Лассалья, что онъ (Лассаль) удовольствовался-бы и всякимъ другимъ средствомъ но что „нужно же предложить что-нибудь толпѣ“ (Mob). По введеніи всеобщаго права выбора и голоса въ Германіи, демократическія тенденціи социалистовъ должны были выступить на ближайшій планъ. Ко времени смерти Лассалья общій нѣмецкій рабочій союзъ считалъ всего 4160 членовъ въ 52-хъ мѣстахъ.

Десятилѣтіе, предшествовавшее агитаторской дѣятельности Лассалья, было для него временемъ тишины предъ бурей, временемъ, главнымъ образомъ посвященнымъ изученію „приобрѣтенныхъ правъ“. Въ это время Наполеонъ III вызвалъ итальянскую войну; Лассаль возвысилъ свой голосъ противъ Австріи, ослабленіе которой онъ, столь проницательный въ политикѣ, считалъ первымъ могучимъ зародышемъ нѣмецкаго единства. Но голосъ его не нашелъ отклика въ демократической партіи, честолюбивые замыслы играть выдающуюся роль въ новой прогрессивной партіи и палатѣ депутатовъ тоже не удались ему. Это было, замѣчаетъ новѣйшій біографъ Лассалья, Мерингъ, смертельной обидой для его высоко-

мѣтящей тщеславной природы. Тутъ у него появилась мысль, не удастся-ли организовать и дисциплинировать для политической борьбы тѣ массы, которыя въ теченіи уже двѣнадцати лѣтъ были устранены отъ политики. Въ теченіе извѣстнаго времени онъ отлаживалъ исполненіе этого плана. Въ это время произошелъ конфликтъ между правительствомъ и палатой депутатовъ; для Лассалья это былъ призывъ, который опять вернулъ его на политическую арену. Съ этихъ поръ начинается послѣдній періодъ его короткой жизни, время отъ 1862 до 1864 года, которому Лассаль обязанъ своей европейской извѣстностью.

Натуру Лассалья можно вѣрно охарактеризовать какъ сочетаніе знанія и воли, сердца и ума, теории и практики. То, что онъ схватывалъ въ жизни благодаря чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ, тѣ впечатлѣнія, которыя принимали его сердце и фантазія, онъ перерабатывалъ при помощи тонкаго своего мышленія, глубокаго ума и массы знаній, и всему этому онъ находилъ законченное выраженіе, благодаря своей всепобѣждающей діалектикѣ. Философъ и филологъ, онъ, ставъ повѣреннымъ графини Гатцфельдъ, съ такимъ же пламеннымъ рвеніемъ набрасывается на изученіе права, съ какимъ позже, сдѣлавшись пред-

водителемъ „рабочихъ батальоновъ“, удовлетворяетъ потребности изучать социальныя теоріи. Здѣсь его руководителемъ становится Родбертусъ, социальныя письма котораго къ Кирхманну Лассаль уже раньше и три раза подъ рядъ прочиталъ съ величайшимъ напряженіемъ мысли и въ непрерывныхъ размышленіяхъ.

По смерти Лассаля на первый планъ какъ талантливый вождь выступилъ Карль Марксъ, бывшій нѣкогда его другомъ и учителемъ. Этотъ замѣчательный человекъ, уступающій Лассалю въ политической ловкости и другихъ духовныхъ способностяхъ, превосходилъ его экономическими знаніями и хитростью¹⁾. Онъ родился въ Трирѣ 5-го Мая 1818 года; отецъ его былъ изъ высшихъ горныхъ чиновниковъ. Марксъ, подобно Лассалю, съ юныхъ лѣтъ былъ философомъ. Послѣ того, какъ правительство въ началѣ 1843 года прекратило „Rheinische Zeitung“, оппозиціонный органъ рейнской либеральной партіи, Марксъ, редактировавшій эту газету, переселился въ Парижъ, чтобы посвятить себя изученію политической экономіи и великой французской революціи. Въ то же время онъ вмѣстѣ съ Арнольдомъ Руге принялся за изда-

1) Mehring I. с. 59 и слѣд.

не нѣмецко-французскаго ежегодника („Deutsch-französischen Jahrbücher“), однако, прекратившееся вслѣдъ за появленіемъ перваго тома. Эта книга имѣетъ извѣстное значеніе для ознакомленія съ социалистическими теоріями. Вслѣдствіе постоянныхъ нападковъ Маркса на прусское правительство онъ былъ, по распоряженію Гизо, высланъ въ 1845 году изъ Франціи. Тогда онъ переселился въ Брюссель, гдѣ началъ свою агитаторскую дѣятельность, какъ апостоль социальной революціи; вмѣстѣ съ Энгельсомъ примкнулъ онъ къ „союзу коммунистовъ“, существовавшему уже много лѣтъ; этотъ союзъ получилъ теперь новую форму въ видѣ организаціи первой нѣмецкой социаль-демократической партіи и имѣлъ международный характеръ, такъ что большинство членовъ нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ, и союзовъ другихъ странъ, принадлежали къ этой лигѣ. Это преобразование союза произошло въ 1847 году на многихъ конгрессахъ и получило свое окончательное выраженіе въ „Манифестъ коммунистической партіи“, составленномъ общими усиліями Энгельса и Маркса; этотъ манифестъ былъ благопріятно принятъ на одномъ лондонскомъ рабочемъ конгрессѣ и распространенъ по Европѣ незадолго до Февральской ре-

волюціи 1848 года¹⁾). Въ немъ безпрестанно повторяется тотъ-же напѣвъ: желѣзный законъ заработной платы; требованія приблизительно тѣ же, какія были выражены въ Готской программѣ въ маѣ 1875 г. Маркса выслали и изъ Брюсселя; но благодаря беспорядкамъ, произведеннымъ послѣдовавшей затѣмъ Февральской революціею, онъ вернулся обратно въ Германію и основалъ со своими друзьями Энгельсомъ, Фрейлигратомъ и Вольфомъ въ Кёльнѣ „Новую Рейнскую Газету“, (Neue Rheinische Zeitung)“, „самое значительное публицистическое изданіе революціонныхъ годовъ“, какъ справедливо называетъ ее Мерингъ. Послѣдній часъ этой газеты пробилъ ровно по прошествіи одного года. Маркса снова выслали и онъ окончательно поселился въ Англіи. Съ этого времени онъ преимущественно посвятилъ себя руководству коммунистическимъ союзомъ и научнымъ работамъ. Въ декабрѣ 1850 года въ центральномъ правленіи союза произошелъ расколъ, а немного лѣтъ спустя, союзъ совершенно распался, чтобы черезъ десять лѣтъ снова ожить въ видѣ международной рабочей ассоціаціи. Въ іюнѣ 1859 г. въ Берлинѣ появилась книга Маркса „Критика

¹⁾ Mehring 1, с. 62.

политической экономіи“, (Zur Kritik der politischen Oekonomie), которая доставляла Лассалю научное оружіе для его агитаціи. Главное-же сочиненіе Маркса это „Капиталъ“, появившійся въ 1870 году. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы снова подробно къ нему вернемся.

Марксъ выдвинулся на первый планъ новаго движенія вовсе не вслѣдствіе смерти Ласселя. Толчекъ былъ данъ не изъ Германіи, но со стороны англійскихъ рабочихъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ—мы руководствуемся Мерингомъ—вслѣдствіе ли Американской войны, или матеріальной нужды и хлопчатобумажнаго кризиса началось броженіе среди рабочихъ. Къ этому присоединилось внѣшнее, чисто случайное обстоятельство. Наполеонъ III послалъ въ 1862 г. нѣсколько французскихъ рабочихъ на Лондонскую всемірную выставку, на казенный счетъ; тамъ они близко сошлись съ англійскими рабочими и сообща толковали о своихъ интересахъ и планахъ. Лишь только французы вернулись на родину, какъ началось польское возстаніе, въ которомъ французскіе и англійскіе рабочіе принимали живое участіе. Вспомнили старыя отношенія, послужившія дѣлу взаимнаго сплоченія, снова выступила впередъ прежняя солидарность интересовъ рабочихъ. Говорятъ,

что самъ Наполеонъ былъ не совершенно чуждъ этому движению, имѣя цѣлью произвести давленіе на англійское правительство. Участвовали тутъ также Марксъ, Энгельсъ, Маццини и др. Громадный митингъ, собранный въ St. Martins Hall'ъ 28-го сентября 1864 г. рабочими всѣхъ націй, былъ часомъ рожденія „Интернаціонали“. Послѣ того, какъ удалился Маццини, никогда не бывшій социалистомъ, вождемъ этого союза сталъ Марксъ, программа котораго была принята и утверждена на женевскомъ конгрессѣ 1866 года; этотъ союзъ имѣлъ очень большое вліяніе на нѣмецкую социаль-демократію.

Лассаль въ своемъ духовномъ завѣщаніи назначилъ своимъ преемникомъ Бернгарда Беккера, который однако вовсе не годился для роли диктатора и организатора. Мерингъ такъ его оцѣниваетъ: „Гдѣ только онъ чуялъ присутствіе образованія и ума, тамъ онъ уже ненавидѣлъ своимъ грубымъ инстинктомъ“. Интересно слышать, какъ Беккеръ выражался о другихъ вождяхъ, Либкнехтѣ и Швейцерѣ, дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ; Либкнехта онъ называлъ „интриганомъ, тщеславнымъ, дьявольскимъ каверзникомъ, неспособнымъ ни на какую творческую дѣятельность, но первымъ охотникомъ до разрушенія“. Швейцера-же онъ честилъ

на публичномъ собраніи слѣдующими словами: „Что касается, рабочіе, этого Гуды, то я разрушу этотъ скелеть. Я его разобью какъ стекло, такъ какъ я одинъ среди васъ служу представителемъ революціи и имѣю въ себѣ революціонную силу. Молоть поднять, долженъ ли я раздавить въ порошокъ этого барона, этого доктора съ его «воп» и съ очками на высоко поднятомъ носу? Говорите, рабочіе, долженъ-ли я?“ Самаго себя полупомѣшанный Беккеръ называлъ „президентомъ чело- вѣчества“. Нечего удивляться поэтому, что при немъ былъ забытъ всякій порядокъ въ рабочемъ союзѣ; отпаденія стали обычнымъ явленіемъ. Наконецъ, въ 1867 году талантливый Швейцеръ сталъ во главѣ движенія. Это былъ именно такой чело- вѣкъ, который нуженъ былъ союзу, но ему отплатили неблагодарностью, чернили подозрѣніями, пока онъ наконецъ не покинулъ предсѣдательства. Подъ предсѣдательствомъ Швейцера (до 1871 г.) и вслѣдствіе возстановленнаго единства въ союзѣ, его партія сильно окрѣпла: въ рейхстагѣ явились первые социаль-демократы. Предводимая вождями ин- тернаціональной демократической партіи, Либкнех- томъ и Бебелемъ, изъ группы такъ называемыхъ „честныхъ Эйзенахцевъ“, эта партія сблизилась съ коммунистической интернаціональю, получивъ та-

кимъ образомъ антинаціональное направленіе. Теперь требовали уже прежде всего свободнаго народнаго государства, гдѣ законодателемъ являлся бы самъ народъ, теперь больше значенія стали придавать промисловымъ союзамъ, какъ орудіямъ противодѣйствія капиталу. Движеніе съ этихъ поръ приняло столь большіе размѣры, что захватило обширные слои рабочаго класса и мелкаго чиновничества; безсовѣстные демагоги, живущіе на счетъ грошевыхъ сбереженій рабочаго, имѣли безнравственное, одурающее вліяніе на увлеченныя ими жертвы, пока, наконецъ, оба злодѣйскія покушенія на всѣми уважаемаго, сѣдаго германскаго императора не открыли, наконецъ, той бездны, на краю которой стояли преданные порядку элементы націи, и прежде всего сами рабочіе. Будетъ-ли одно законодательство въ состояніи успокоить волненіе сердець и заблужденія ума, въ этомъ можно конечно сильно сомнѣваться; главнымъ образомъ, какъ и всегда, нужно стараться бороться съ идеями на собственной ихъ почвѣ.

Но въ чемъ же состоятъ основныя мысли социализма, въ чемъ заключается сущность его системы? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужить, какъ намъ кажется, подробная и послѣдо-

вательная оценка всѣхъ главныхъ положеній этого ученія. Основаніе же всей системы есть:

1. Желѣзный законъ заработной платы.

Въ извѣстномъ „Открытомъ отвѣтномъ письмѣ“ Фердинанда Лассалья, адресованномъ 1 Марта 1863 года „Центральному комитету для созванія въ Лейпцигѣ всеобщаго германскаго конгресса рабочихъ“ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Во всякое время и у всякаго народа существуетъ извѣстная сумма жизненныхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ безусловно необходимо для поддержанія жизни и размноженія населенія. Средняя заработная плата и стремится всегда ограничиться размѣрами этого минимума—вотъ въ чемъ заключается желѣзный и суровый законъ, опредѣляющій въ настоящее время размѣры заработной платы.“

И нѣсколькими строчками ниже Лассаль описываетъ слѣдующимъ образомъ дѣйствіе этого закона:

„Изъ всѣхъ продуктовъ труда (*производства*) выдѣляется на долю рабочихъ приблизительно столько, сколько безусловно необходимо для поддержанія ихъ существованія (*заработная плата*)“.

„Весь же излишекъ производства того что производитъ трудъ—достается предпринимателю“.

„Естественное послѣдствіе этого желѣзнаго и безпощаднаго закона заключается въ томъ, что рабочіе не могутъ пользоваться выгодами, которыя, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, представляетъ усиленіе производительности, такъ что рабочіе необходимо отстранены отъ плодовъ увеличившейся производительной силы ихъ собственнаго труда. Рабочему—всегда только необходимое для поддержки его существованія, предпринимателю—все, что сверхъ этого производится трудомъ“.

„Если мы будемъ сравнивать, продолжаетъ нѣсколько ниже Лассаль, другъ съ другомъ различныя поколѣнія, то можетъ оказаться, что безусловно необходимый для продленія жизни минимум, а вмѣстѣ съ нимъ и положеніе рабочаго класса—нѣсколько и поднялись. Но хотя бы и было доказано, что уровень безусловно необходимыхъ жизненныхъ условій съ теченіемъ времени повысился, что жизненные удобства, прежде неизвѣстныя, сдѣлались насущною потребностью всѣхъ, мы все-таки найдемъ, что человѣческое положеніе рабочихъ оставалось впродолженіе всѣхъ этихъ временъ всегда одинаково печальнымъ. Теперь, какъ и прежде, вращаются они въ заколдованномъ кругу „безусловно

необходимыхъ для даннаго времени жизненныхъ потребностей, " иногда зарабатываютъ нѣсколько болѣе этого нормальнаго минимума, иногда нѣсколько менѣе. Это положеніе не измѣняется никогда".

Если мы изслѣдуемъ это ученіе въ его простѣйшемъ видѣ, то увидимъ слѣдующее: Лассаль находитъ, что рабочій зарабатываетъ обыкновенно не болѣе того, что онъ обыкновенно потребляетъ, — истина, которая, вопервыхъ, вовсе не нова, а, во вторыхъ вовсе не такъ сурова. Это же ученіе проводится, собственно говоря, и всѣми выдающимися экономистами со временъ Тюрго. Чаше всего упоминается оно въ связи съ именемъ великаго англійскаго экономиста Рикардо, влѣдствіе тѣсной зависимости этого ученія отъ его теоріи цѣнности и цѣны. Рикардо полагалъ, что средняя, въ теченіе извѣстнаго времени, цѣна товара опредѣляется издержками его производства; необходимый для производства трудъ служитъ измѣреніемъ цѣнности, около которой постоянно колеблется цѣна товара. Но такъ какъ человѣческой трудъ есть тоже родъ товара, то и на него распространяется дѣйствіе этого закона: средняя въ теченіе болѣе продолжительнаго времени цѣна труда, то есть заработная плата, опредѣляется точно также стоимостью содержанія рабочато. Средняя цѣна обыкновен-

Тогда не въ минимумъ заработной ¹³ ма
 тры, а въ возможности государства

наго товара не можетъ въ теченіе долгаго времени значительно превышать издержки производства, — иначе конкуренція тотчасъ же понизитъ ее и, наоборотъ, въ случаѣ паденія цѣны ниже стоимости издержекъ производства, уменьшившееся предложеніе заставитъ ее вновь подняться до прежняго уровня. Точно такимъ же образомъ регулируется и заработная плата.

Если заработная плата будетъ въ теченіе продолжительнаго времени издержки производства или обычно необходимыя средства существованія превышать тогда улучшившееся положеніе рабочихъ облегчитъ имъ возможность обзаводиться семьей, отсюда явится увеличеніе рабочаго населенія, а вмѣстѣ съ нимъ и предложенія труда, а это увеличеніе понизитъ вновь заработанную плату до ея прежняго уровня и даже ниже его. Столь же мало вѣроятно, чтобы заработная плата могла долго оставаться ниже стоимости обычнаго продовольствія — въ такомъ случаѣ болѣзни и страданія сократили бы число рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе труда, и заработная плата поднялась бы опять до прежняго уровня. Основываясь на этомъ ученіи, экономисты и поставили первымъ условіемъ благополучія рабочихъ — собственное ихъ самообладаніе и бережливость. Въ ихъ власти поэтому направить свою

судьбу къ лучшему, не говоря уже о томъ, что при помощи союзовъ они могутъ получить еще другія, весьма могущественныя средства для своей защиты.

Вовторыхъ, трудно также понять, въ чемъ заключается ужасъ положенія рабочаго, имѣющаго лишь столько, сколько онъ, сообразно своимъ привычкамъ, потребляетъ? Много развѣ найдется, сравнительно говоря, людей, доходы которыхъ превышаютъ обыкновенныя ихъ потребности? Извѣстно, что съ увеличеніемъ доходовъ, увеличиваются немедленно и потребности наши, возрастаютъ необходимые расходы, а общественные классы, разныя по величинѣ дохода, въ тоже время отличаются другъ отъ друга и своей обстановкой. Уменьшился доходъ лица, принадлежавшаго къ высшему классу— оно опускается тотчасъ въ низшій, и жизнь его становится тяжелѣе. Въ высшихъ классахъ общества даже сравнительно меньшее пониженіе средствъ производитъ уже относительно большее стѣсненіе и потрясеніе хозяйства, чѣмъ у рабочихъ, живущихъ въ сравнительномъ недостаткѣ. И такъ, если доходъ и потребности болѣе или менѣе другъ другу соотвѣтствуютъ, то вѣдъ въ этомъ нѣтъ еще ничего „желѣзнаго и суроваго.“

Наконецъ, въ третьихъ, — развѣ можно утверж-

дать, что рабочіе не принимаютъ участія въ успѣхахъ производительности труда, то есть въ успѣхахъ цивилизаціи, признавая въ то же время, что у нихъ есть содержаніе, достаточное для удовлетворенія ихъ обычныхъ потребностей? Даже Лассаль находитъ нужнымъ сдѣлать въ этомъ смыслѣ уступку—онъ сознается, что въ общемъ положеніи рабочаго класса, если сравнить одно поколѣніе съ другимъ, замѣтно, пожалуй, нѣкоторое улучшение. Но если рабочіе въ состояніи улучшать свое матеріальное положеніе, то вѣдь участіе ихъ въ успѣхахъ цивилизаціи и выражается въ этомъ самомъ улучшеніи, тѣсно также, какъ и участіе другихъ классовъ общества ¹⁾.

И не только всѣ рабочіе, какъ сословіе, принимаютъ постоянное участіе въ успѣхахъ культуры, но и отдѣльнымъ рабочимъ предоставляется возможность подняться въ высшій классъ общества. Вѣдь низшая ступень должна существовать во всякомъ обществѣ и она далеко еще не тождественна съ рабочимъ классомъ. Да и среди этого класса мы замѣчаемъ весьма разнообразныя отбѣнки: не малое вѣдь разстояніе отдѣляетъ городского машиниста или типографщика отъ сельскаго поден-

¹⁾ Брейтано, das Arbeitsverhältniss. S. 751. ff.

щика или какого нибудь ткача. Относительно находящихся на низшей ступени общества этотъ законъ представляется, конечно, обыкновенною борьбою за существованіе, то есть послѣдствіемъ обыкновеннаго закона природы, а вовсе не человѣческимъ установленіемъ. Если внимательнѣе вникнуть въ дѣло, то окажется, что рабочій классъ выдѣляется въ высшіе слои общества относительно большее число индивидуумовъ, чѣмъ другіе классы, напримѣръ, чиновники, писатели, художники, врачи, адвокаты. Последнія опасности, представляемыя разбираемымъ нами закономъ, разсѣваются благодаря праву рабочихъ образовывать ассоціаціи и коалиціи, — какъ то убѣдительно доказалъ *Брентано* въ своихъ многочисленныхъ сочиніяхъ.

Намъ остается еще возразить нѣсколько словъ на одно изъ главныхъ положеній социалистовъ, а именно, что быстрое развитіе современнаго машиннаго и крупнаго производства совершенно поглощаетъ мелкія ремесла, разоряетъ мелкихъ промышленниковъ, такъ-что рабочіе подпадаютъ все болѣе и болѣе подъ произволъ постоянно возрастающей монопольной силы крупнаго капитала. Для опроверженія этихъ доводовъ доставила богатый матеріалъ *Германская промышленная перетисъ* 1 декабря 1875 года. пролившая яркій

и неожиданный свѣтъ на этотъ вопросъ. Изъ статистическихъ данныхъ слѣдуетъ, что главная сила промышленнаго труда приходится и теперь, какъ прежде (напримѣръ въ Пруссіи) на долю мелкой промышленности, которая обнимаетъ еще 97% всѣхъ производствъ. Хотя одни только крупныя производства занимаютъ 38% всѣхъ производителей—такъ какъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности стремленіе къ крупному, массовому производству неудержимо,—однако этотъ фактъ не слишкомъ разстраиваетъ положеніе дѣлъ, остающееся въ общемъ довольно благоприятнымъ. И нынѣ еще приготовленіе пищи и платья занимаетъ главную массу промышленниковъ и про какое нибудь поглощеніе мелкихъ ремеслъ не можетъ быть и рѣчи. Нельзя, конечно, отрицать, что машинное производство—естественный врагъ ремесленнаго, такъ-какъ оно съ помощью механической и технической концентраціи, все строже проводитъ раздѣленіе труда, сокращаетъ все болѣе число рабочихъ — однако и противъ этого зла есть у насъ противоводіе въ видѣ маленькихъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе — газомъ, теплымъ воздухомъ, напоромъ воды, керосиновымъ газомъ. Онѣ пролагаютъ себѣ въ послѣднее время все болѣе широкую дорогу и вполнѣ

X Машинное производство, первоначально сократившее потребность въ рабочихъ, въ концѣ концовъ неизмѣримо увели-

илюму производству; увеличеніе производительности
машинъ дало въ настоящее время меншииъ рене
самъ кантуоса пошл 199 машино и т.

X | справедливо могутъ быть названы истинными ра-
бочими машинами народа. Рёлъ ¹⁾ вѣрно за-
мѣтилъ, что эти машины „снова дѣлаютъ силу не-
зависимой отъ капитала“, онѣ снова дѣлаютъ само-
стоятельнымъ ремесленника. Тотъ же талантливый
авторъ прибавляетъ: „Слѣдуетъ настойчиво обра-
щать вниманіе правительства, благотворитель-
ныхъ учрежденій промышленныхъ ассоціацій и
промысловыхъ обществъ на этотъ новый экономи-
ческій факторъ и на необходимость ихъ возможно
болѣе широкаго распространенія, такъ какъ мы
имѣемъ массу доказательствъ, какъ сильно эти
машины поддерживаютъ мелкую промышленность“.

2. Соціалистическая теорія цѣнности.

Желѣзный законъ заработной платы выстав-
ляется соціалистами чѣмъ-то въ родѣ „слѣпаго
рока“, владычествующаго надъ рабочимъ и обре-
кающаго его на вѣчную нищету; вожакамъ соціа-
лизма этотъ законъ особенно пригоденъ для того,
чтобы возбуждать массы и приводить рабочихъ въ
движеніе противъ общества и государства; для
научнаго же обоснованія соціализма служитъ уче-

¹⁾ Reuleaux, Theoretische Kinematik, S. 511. ff.

ніе о цѣнности. Отъ правильности этой гипотезы
зависитъ существованіе всей системы, такъ-какъ
ученіе о цѣнности составляетъ вообще одну изъ
главныхъ основъ всей политической экономіи.

Всепроникающая основная мысль социалистовъ
 заключается въ томъ, что цѣнность производится
исключительно однимъ только человѣческимъ
трудомъ, и что поэтому одинъ только трудъ мо-
 жетъ и долженъ давать правильное мѣрило для
 распредѣленія цѣнностей. Адамъ Смитъ и въ этомъ
 отношеніи былъ первымъ экономистомъ, выведив-
 шимъ—какъ выше показано—цѣнность всѣхъ ве-
 щей изъ человѣческаго труда, какъ изъ источника.
 Ученіе это было имъ противопоставлено прежнимъ
 системамъ народнаго хозяйства, меркантизму и
 физиократіи.

Въ V-й главѣ своего сочиненія ¹⁾ о бла-
 госостояніи народовъ, сочиненія, составляющаго
 эпоху въ нашей наукѣ, Адамъ Смитъ говоритъ
 слѣдующее: «цѣнность каждой вещи для хозяина
 ея, если онъ не задумаетъ пользоваться ею и
 употребить ее самъ, а намѣренъ промѣнять ее
 на другую вещь, равна количеству работы, какое
 онъ можетъ купить или заказать за нее. Слѣдо-

¹⁾ Русскій переводъ т. I, стр. 135 сл.

вательно, трудъ есть дѣйствительная мѣра мѣновой цѣнности всякаго предмета мѣны“.

„Дѣйствительная цѣна всякой вещи, т. е. то, что на самомъ дѣлѣ стоитъ вещь тому, кто желаетъ приобрести ее, — это трудъ и усилія, какія необходимо употребить для приобретенья ея. А дѣйствительная цѣнность вещи для того, кто приобрѣлъ ее и желаетъ сбыть, или промѣнять ее на другую вещь, — это трудъ и усилія, которыя могутъ быть сбережены обладаніемъ ею, или которыя могутъ быть получены отъ другихъ людей при ея содѣйствіи. То, что мы покупаемъ за деньги или вымѣниваемъ за другіе предметы, приобретаемъ мы трудомъ, точно также какъ то, что получаемъ непосредственными нашими усиліями. Деньги и предметы мѣны избавляютъ насъ правда, отъ этихъ усилій. Въ нихъ заключается уже цѣнность извѣстнаго количества труда, которое мы мѣняемъ на то, въ чемъ предполагаемъ въ такомъ случаѣ цѣнность такого же количества труда. Трудъ былъ первоначальною цѣною, ходячею монетою при первоначальной покупкѣ. Не золотомъ и не серебромъ, а трудомъ приобреталось первоначально всякаго рода богатство; а цѣнность послѣдняго для обладающаго имъ чело-вѣка, желающаго обмѣнять его на какія-либо

произведенія, совершенно равна количеству труда, какое-можетъ быть куплено или заказано за него“.

Для труда, который въ тѣ времена далеко еще не пользовался почетомъ, приведенное нами мнѣніе Смита, что всякое богатство можетъ быть сведено къ нѣкоторому количеству труда, составило разумѣется нѣчто вродѣ дворянской грамоты; съ нею въ рукахъ трудъ быстро покорилъ себѣ весь міръ. По этому пути *Рикардо*, весьма послѣдовательно, пошелъ еще дальше: положеніе о цѣнности труда, которое Смитъ принялъ лишь, какъ общее, философское основаніе оцѣнки вещей, Рикардо возвелъ въ совершенно исключительный экономическій принципъ. Хотя Смитъ и выставилъ трудъ основнымъ мѣриломъ всякой мѣновой цѣнности, однако онъ обратилъ въ то же время вниманіе на трудность практическаго примѣненія этого положенія, то-есть дѣйствительной оцѣнки вещей этимъ мѣриломъ. Смитъ находить, что въ дѣйствительномъ обращеніи лучше пользоваться въ качествѣ мѣрила цѣнности третьей вещью, всеобщимъ такъ-сказать товаромъ, (деньгами) въ частяхъ котораго можно выражать цѣну всѣхъ остальныхъ. *Рикардо* идетъ далѣе: онъ утверждаетъ, что цѣнность всякаго продукта и въ дѣйствительности вполне

пропорціональна количеству необходимаго для его воспроизведенія труда. Онъ свелъ всѣ цѣнности къ труду, а этотъ, въ свою очередь, — къ рабочему времени. За это Лассаль и провозгласилъ его, какъ замѣчаетъ Мерингъ, блистательнымъ завершителемъ буржуазной политической экономіи, поднявшимъ ее на такую высоту, на которой предстояло уже одно изъ двухъ—или воротиться вспять, или броситься въ пучину социализма. „Но, къ счастью, восклицаетъ названный авторъ ¹⁾, есть еще третій исходъ, а именно—раскрыть внутреннее противорѣчіе Рикардо, что и исполнено весьма талантливо Гельдомъ.

„Положеніе Рикардо (мы приводимъ разсужденія Гельда) ²⁾ не только не подтверждается сравнительною статистикою цѣнъ товаровъ и употребленныхъ на ихъ воспроизведеніе рабочихъ часовъ, но, напротивъ того, легко можно доказать, что оно непримѣнимо къ тѣмъ товарамъ, которые готовятся изъ матерьяловъ, кои находятся въ природѣ въ ограниченномъ количествѣ,—а таковы почти всѣ товары, — и что оно противорѣчитъ положенію, по которому издержки производ-

¹⁾ Mehring, Die deutsche Socialdemocratie. II. Aufl.

²⁾ Указ. соч., стр. 58.

ства выступают регуляторомъ цѣнъ до тѣхъ поръ, пока капиталисты участвуютъ въ доходѣ отъ производства. Издержки производства вовсе не могутъ даже быть регуляторомъ цѣнъ, такъ какъ онѣ сами состоятъ изъ цѣнъ и прибылей, и на дѣлѣ выходитъ такъ, что ожидаемыя цѣны опредѣляютъ впередъ размѣръ расходовъ производства. Это положеніе не можетъ имѣть никакихъ притязаній быть истиннымъ и конечнымъ основаніемъ цѣнъ; какъ они въ дѣйствительности устанавливаются для нашего пониманія цѣны остаются сложнымъ продуктомъ различныхъ причинъ, относительную силу дѣйствія которыхъ мы будемъ всегда знать лишь приблизительно. Мы видимъ и здѣсь, какъ позже у Маркса, опредѣленіе, въ которое включена посылка, совершенно недоказанная“.

Трудъ, какъ источникъ цѣнности, въ томъ смыслѣ, какъ его понималъ Адамъ Смитъ, и трудъ, какъ мѣра цѣнности, — далеко не одно и то же. Идея перваго изъ этихъ опредѣленій возвышенна и плодотворна, второе же ничто иное какъ результатъ материалистическаго взгляда, видящаго вознагражденіе за трудъ въ одномъ только пользованіи вещными благами. Притомъ же идея эта представляется невозможною, такъ какъ вообще не существуетъ объективно твердаго масштаба для

сравнительнаго измѣренія различныхъ видовъ труда. И вотъ тотъ же человѣкъ, который торжественно провозгласилъ трудъ мѣрою цѣнностей, создаетъ ученіе о „голодномъ вознагражденіи,“ о желѣзномъ законѣ заработной платы. Является невольно вопросъ: если одинъ только трудъ создаетъ цѣнности, то какъ же согласовать съ этимъ желѣзный законъ? Сперва мы провозглашаемъ человѣческую дѣятельность, трудъ, и притомъ всякій трудъ человѣка—единственнымъ и исключительнымъ создателемъ цѣнностей, слѣдовательно, приносящимъ человѣчеству незамѣнимую пользу; а потомъ выходитъ, что тотъ же облагораживающій человѣчество трудъ обрекаетъ человѣка на вѣковѣчную нищету! Болѣе явное противорѣчіе въ системѣ и придумать трудно. Между тѣмъ, социалисты, вмѣсто того, чтобы исправить эту скверную ошибку, все болѣе ею увлекаются, въ особенности же Карлъ Марксъ, который принялъ основную идею Рикардо и развилъ ее до крайнихъ выводовъ. Рикардо считалъ необходимымъ провозгласить свободную конкуренцію основнымъ принципомъ хозяйства именно потому, что думалъ этимъ путемъ достигъ величайшей справедливости по отношенію ко всѣмъ работающимъ классамъ. Самое установленіе права собственности, составляющей результатъ труда, должно способствовать достиженію ска-

занной благородной цѣли; капиталъ потому и опредѣляется какъ сбереженный трудъ, чтобы дать ему участие въ справедливыхъ выгодахъ. даваемыхъ трудомъ. Но вотъ, незамѣтнымъ образомъ, вводится, какъ необходимое положеніе естественнаго права, абсолютное раздѣленіе между собственниками и рабочими — и этимъ самымъ всѣ первоначальныя основанія системы рушатся и получается совершенно противоположный выводъ: „Оставьте упованіе, — *Lasciate ogni speranza*, объявляютъ рабочимъ, — ваше положеніе никогда не можетъ уллучиться. ¹⁾

Въ знаменитомъ сочиненіи Маркса „*Капиталъ*“ ученіе о цѣнности излагается въ первой главѣ „о существѣ и значеніи товаровъ.“ По его мнѣнію, цѣнность какого либо товара есть *опредѣленная мѣра концентрированного рабочаго времени*. Возьмемъ, на примѣръ четверть пшеницы, ее можно обмѣнять на различныя другія вещи, какъ то на *x* пудовъ желѣза, на *y* аршинъ пряжи или на *z* фунтовъ золота. Поэтому, во всѣхъ названныхъ величинахъ должно заключаться что то общее, но это общее не можетъ, однако, быть естественнымъ свойствомъ самихъ товаровъ: замѣчаемое въ нихъ общее

¹⁾ Гельдъ, *Socialismus*, стр. 56 сл.

свойство есть то, что всё эти товары — продукт труда. Одно это свойство останется неизблемымъ, какъ невидимое „нѣчто,“ если мы сдѣлаемъ отвлечение отъ всѣхъ внѣшнихъ свойствъ, которыя даютъ товарамъ опредѣленную форму стали, шелка, золота и т. п. Оттого на товаръ нужно смотрѣть не какъ на полезную вещь, а только какъ на застывшій продуктъ труда, какъ бы разнообразень онъ ни былъ первоначально. „Нельзя уже болѣе различать единичныхъ, конкретныхъ формъ этого труда, напротивъ, онѣ сводятся всё къ одинаковому человѣческому труду, абстрактному человѣческому труду.“

„Обратимъ теперь вниманіе, продолжаетъ Марксъ, на осадокъ продуктовъ труда. Отъ нихъ ничего не осталось, кромѣ той же самой призрачной объективности, кромѣ одной только эссенціи безразличнаго человѣческаго труда, то есть расходованія человѣческой рабочей силы безъ отношенія къ формѣ этого расходованія. Всѣ эти предметы доказываютъ только одно—что въ своемъ производствѣ человѣческая рабочая сила расходуетъ и человѣческій трудъ накопляется. Какъ кристаллы общей имъ всѣмъ общественной сущности они и суть цѣнности“. И нѣсколько ранѣе: „Потребительная цѣнность вещи имѣетъ слѣдовательно только одну цѣнность, такъ какъ въ ней матеріализованъ обстрактный человѣ-

ческій трудъ чѣмъ же измѣрять величину ея цѣнности? Количесвомъ заключающагося въ ней „создающаго цѣнность вещества“ — то есть труда, количество-же самаго труда измѣряется его продолжительностью во времени, а рабочее время въ свою очередь обладаетъ мѣркою въ опредѣленныхъ доляхъ времени — какъ-то часы, дни и т. п. Но, такъ-какъ цѣнность товара опредѣляется израсходованнымъ на его произведеніе количествомъ времени, то выходитъ какъ будто бы такъ, что чѣмъ лѣнивѣе или неспособнѣе работникъ, тѣмъ цѣннѣе произведенный имъ товаръ, потому что тѣмъ болѣе употребляетъ онъ времени на изготовленіе товара. Однако, трудъ, образующій сущность цѣнности, есть по Марксу только тотъ трудъ, который по среднему расчету необходимъ для произведенія какой либо вещи, то есть общественно необходимое рабочее время. „Общественно необходимое рабочее время, говоритъ Марксъ, есть рабочее время, необходимое для произведенія какой либо потребительной цѣнности, при нормальныхъ, въ данное время, условіяхъ промышленности и со среднею степенью ловкости и напряженности труда“.— Вотъ въ какомъ видѣ представится намъ Марксова теорія цѣнности, развитая имъ на первыхъ двадцати страницахъ своего „Капитала“, если мы выдѣлимъ главныя ея мысли

изъ лабиринта философскихъ и математическихъ опредѣленій и хитросплетеній ¹⁾). Въ ней заключается классическая формулировка социалистическаго понятія цѣнности, она же послужила социалистамъ основаніемъ для провозглашенія прибыли предпринимателя—«грабежемъ» у труда. Изъ этой теоріи исходятъ и практическія требованія предоставленія всякому рабочему „полнаго“ дохода отъ его труда; раздѣленіе всѣхъ цѣнностей между ихъ единственными создателями, то есть рабочими, словомъ, основаніе социалистическаго государства будущности покоится на этой теоріи. Основательность всѣхъ названныхъ требованій зависитъ, повторяемъ, исключительно отъ правильности этой теоріи, какъ намъ заявляли сотни разъ. Напримѣръ, К. А. Шраммъ, одинъ изъ наиболѣе ученыхъ и разсудительныхъ социалистовъ-теоретиковъ, пишетъ: „Если теорія Маркса о цѣнности вѣрна, то нельзя возразить ни одного слова противъ правильности дальнѣйшихъ его выводовъ; если же теорія не вѣрна, то съ ней вмѣстѣ рухнетъ и вся „система“.

Но въ томъ то и дѣло, что теорія совершенно не вѣрна,—это можно доказать неопровержимымъ образомъ. Въ социалистической теоріи цѣнности

¹⁾ *Mehring* указ. соч. стр. 287.

замѣчается странный основной недостатокъ—она совершенно игнорируетъ потребительную цѣнность товаровъ. Новѣйшая буржуазная политическая экономія различаетъ потребительную цѣнность и стоимость издержекъ. Первая представляетъ при оцѣнкѣ то количество жизненной силы и наслажденія, которое можетъ произвести самъ предметъ; вторая—то количество жизненной силы и наслажденія, которымъ нужно пожертвовать, чтобы создать данный предметъ. Оба эти момента уравниваются другъ друга при оцѣнкѣ товаровъ; отношеніе этихъ двухъ оцѣнокъ и составляетъ настоящую хозяйственную цѣнность предмета. И такъ, главное условіе для признанія предмета хозяйственнымъ есть его полезность, хотя далеко не наоборотъ—не всѣ полезныя вещи имѣютъ цѣнность, напр. воздухъ, море и т. п. Но понятіе о цѣнности предполагаетъ непременно понятіе о годности и полезности вещи. Цѣнность есть то значеніе вещи, которое она получаетъ въ экономической оцѣнкѣ и въ сознаніи данной личности, при чемъ это значеніе опредѣляется съ одной стороны пользой, приносимой вещью, а съ другой стороны необходимой жертвой въ видѣ потраченной жизненной силы. Соотношеніе обѣихъ цѣнностей—стоимости издержекъ и потребительной цѣнности—

можетъ быть весьма разнообразнымъ. Если потребительная цѣнность превыситъ стоимость издержекъ, то является существенный интересъ производить (а также и потреблять); если, напротивъ, потребительная цѣнность опустится ниже стоимости издержекъ, то тогда благоразуміе требуетъ приостановить производство и сократить потребление, чтобы избѣжать убытковъ, если, наконецъ, обѣ цѣнности уравниваются, то вполне безразлично—производить-ли или потреблять. И такъ, если-бы производитель или потребитель были бы всегда одной и той же личностью, то все дѣло разрѣшалось бы самымъ простымъ образомъ—производство и потребление были бы весьма благоразумно другъ съ другомъ согласованы. Но, какъ известно, все наше производство и потребление происходитъ сообразно съ обращеніемъ, при посредствѣ раздѣленія труда, — такъ сказать общественнымъ образомъ. Въ современномъ народномъ хозяйствѣ всякій производитъ только для другаго и потребляетъ также только полученныя въ обмѣнъ произведенія другихъ. При такомъ способѣ производства всякій производитель долженъ уже впередъ принимать въ расчетъ, что будетъ имѣть потребительную цѣнность для другаго, долженъ впередъ обсудить, сколько товара и какой товаръ будутъ

требовать на рынкѣ. Да и для потребителя важнѣе знать вовсе не то, во сколько ему самому обошлось бы производство даннаго предмета, но за какую наименьшую плату можетъ онъ получить этотъ предметъ въ мѣновомъ обращеніи. Слѣдовательно, рѣшающую роль въ данномъ вопросѣ играетъ вовсе не наименьшая стоимость производства вещи (самымъ потребителемъ), но наименьшая цѣна ея пріобрѣтенія на рынкѣ. Изъ этого соотношенія общественныхъ—стоимости издержекъ и потребительной цѣнности образуется истинная общественная (народнохозяйственная) цѣнность—мѣновая цѣнность. Она образуется подѣ давленіемъ цѣлаго ряда индивидуальныхъ и другъ другу противоположныхъ расчетовъ о стоимости издержекъ и о потребительной цѣнности, расчетовъ, выражающихся въ спросъ и предложеніи, въ лицѣ продавцевъ и покупателей; причемъ первые обсуждаютъ до производства вѣроятныя чужія потребности, а вторые обсуждаютъ послѣ производства чужія издержки ¹⁾.

6) Рѣшающимъ фактомъ въ этой теоріи цѣнности является поэтому хозяйственный расчетъ, т. е.

¹⁾ Schaffle, System I. Смотри также сочиненіе того же автора Capitalismus und Socialismus, pag. 29—58.

актъ мышленія, составляющій основаніе всякой оцѣнки. Если этотъ высшій двигатель заключается уже въ каждой частной оцѣнкѣ, то тѣмъ выше должны мы цѣнить мѣновую цѣнность, которая образуется конкуренціей всѣхъ членовъ общества, и потому можетъ быть названа общественной. Мѣновая цѣнность представляетъ изъ себя дѣйствительно нѣчто большее: оно есть величественное и ничѣмъ не замѣнимое учрежденіе народнаго хозяйства и, поистинѣ, внушительное явленіе хозяйственнаго строя человѣческой жизни, если принять во вниманіе, какъ просты его составные элементы. Главное назначеніе мѣновой цѣнности заключается въ томъ, чтобы допускать только тѣ частныя оцѣнки, которыя наиболѣе удобны для большинства общества и исключать всѣ нехозяйственныя цѣнности, потому-ли, что онѣ не полезны, или слишкомъ дороги. Наиболѣе производительное индивидуальное рабочее время, низшія индивидуальныя издержки производства, обуславливаютъ такимъ образомъ общую потребность всего общества или лучше сказать потребность индивидуально сильнѣйшихъ потребителей, которые предлагаютъ на рынкѣ наивысшія цѣны.

Изъ вышесказаннаго ясно, какъ ошибочно ставить цѣнность въ исключительную зависимость отъ

одного только труда. Трудъ—невольное пожертво-
ваніе своей жизненной силы—составляетъ только
одно изъ основаній при хозяйственной оцѣнкѣ ве-
щей; другимъ, не менѣе необходимымъ, основаніемъ
является такая оцѣнка, при которой принимается
въ расчетъ потребительная цѣнность вещи, удо-
влетвореніе жизненныхъ потребностей конкретно
требующихъ личностей, слѣдовательно, оцѣнка по
отношенію къ требуемой полезности. Какого-бы
труда ни стоило производство предмета, если ни-
кто не можетъ его употребить въ дѣло, то пред-
метъ этотъ не имѣетъ никакой цѣнности и не
можетъ вовсе считаться хозяйственнымъ благомъ
(Gut), удовлетворяющимъ какую-нибудь потреб-
ность. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно помнить, что цѣн-
ность сообразуется не только съ тѣмъ количе-
ствомъ труда, которое заключается въ данномъ
предметѣ, но еще болѣе съ размѣромъ хозяй-
ственного расчета, который направилъ самый
трудъ въ впередъ намѣченной цѣли и съ точ-
ностью вычислилъ, сколько и какого товара нужно
будетъ заготовить для удовлетворенія имѣющагося
въ виду спроса. Однимъ словомъ, социалисты ни
во-что не ставятъ трудъ предпринимателя, кото-
рый, на основаніи своего вычисленія и на свой
собственный страхъ доставляетъ обществу товары

такого именно качества и въ такомъ именно количествѣ, въ какихъ общество нуждается (*— это есть потребительныя цѣнности*) и доставляетъ ихъ въ тѣ сроки и въ тѣ мѣста, въ которыхъ товары требуются. Такимъ образомъ социалистическая теорія о цѣнности оказывается крайне одностороннею и неправильною.

Поэтому не только буржуазные экономисты рѣшительно отвергаютъ ученіе Маркса о цѣнности, но даже нѣкоторые социалисты иногда нападаютъ на него. *Ф. А. Ланге*, въ своемъ „Рабочемъ вопросѣ“, указываетъ нѣсколько разъ на неполноту Марксова ученія, не говоря уже о *Шеффтле*¹⁾, теорія цѣнности котораго нисколько не выходитъ изъ предѣловъ буржуазной политической экономіи; собственно говоря, онъ и долженъ считаться ея дѣйствительнымъ завершителемъ. Также и *Замтерз*²⁾ отвергаетъ вполне теорію Маркса, между тѣмъ какъ *Дюрингъ*³⁾ попробовалъ построить вмѣсто нея свою собственную, но весьма темную, отдѣлавъ сперва Маркса своимъ обычнымъ способомъ, — дружественная услуга, которая ему въ свою очередь была оказана со стороны *Энгельса*.

¹⁾ Quintessenz des Socialismus.

²⁾ Sociallehre. 203 ff.

³⁾ Kritische Geschichte der Nationaleconomie 499 ff.

Нѣкоторые социалисты, съ самимъ Лассалемъ во главѣ, „не вѣрно поняли“ ученіе Маркса, какъ заявляетъ самъ творецъ его. За то ортодоксальные послѣдователи Маркса стараются, конечно, отстоять хитростными толкованіями каждое его слово. Чтобы ввести недостающее понятіе *потребности*, они увѣряютъ, что выраженіе „общественно *необходимое* рабочее время“ можно не только относить къ количеству времени, но понимать также, какъ — „*время, необходимое для воспроизведенія потребности*“. Но самъ Марксъ прибавилъ къ вышеприведенному выраженію „общественно *необходимое* рабочее время“ слѣдующее поясненіе: „—или рабочее время, *необходимое для воспроизведенія потребительной цѣнности, величина которой и опредѣляется этимъ временемъ*“. По этому въ разбираемомъ нами выраженіи подъ названіемъ рабочаго времени мы можемъ понимать обозначеніе только того времени, которое необходимо для воспроизведенія какого-нибудь продукта при существующихъ общественныхъ отношеніяхъ и при нормальныхъ условіяхъ промышленности. Во всѣхъ этихъ спорахъ удивительнѣе всего то обстоятельство, что самъ Марксъ хранилъ полнѣйшее молчаніе, живя въ Лондонѣ и со стоическимъ спокойствіемъ взираетъ съ высоты

своего величія на всю эту муравьию возню, происходящую у его ногъ! Но не имѣлъ-ли онъ къ тому серьезныхъ оснований? Этотъ вопросъ получить своеобразное освѣщеніе, когда мы подведемъ итоги его ученія. Сперва же мы должны разобрать третье изъ главныхъ положеній социализма, а именно положеніе о непримиримой враждѣ Капитала и Труда¹⁾).

3. Противуположность между капиталомъ и трудомъ.

Соціалисты нападаютъ прежде всего на движимую собственность, какъ средство производства (матеріалы, инструменты, машины, снаряды и т. п.), причемъ въ своихъ нападкахъ исходятъ изъ теоріи труда. Всякая собственность—разсуждаютъ они—основывается на трудѣ. Но такъ какъ большая часть людей лишена сколько нибудь значительнаго имущества, а въ то же время она то и принуждена преимущественно работать, то понятно, что капиталъ могъ образоваться только изъ отнятаго у рабочихъ дохода отъ ихъ труда, то есть изъ той части всего производства, которую капиталисты и предприни-

1) Mehring, указ. соч. стр. 288 и отличное сочиненіе Барта (Barth) Der Socialistische Zukunftsstaat въ журналѣ «Arbeiterfreund» за 1879 годъ—въ своемъ изложеніи мы неоднократно сѣдовали за этимъ сочиненіемъ.

Составленіе нововѣдъ капитализма происхо-
дитъ изъ отнятаго и въ трудѣ отъ рабочихъ пр-
ства, тѣмъ спрѣдъ и въ капиталъ, котораго адегъ

матели удерживаютъ для себя, въ какомъ имъ за-
 благорасудится размѣрѣ. Слѣдовательно, капиталъ
 есть нечто иное, какъ освященная закономъ форма
 „грабежа“. Это ученіе проводится первыми науч-
 ными представителями социализма, какъ то *Род-
 бертусомъ* ¹⁾ и *Марксомъ*. Они утверждаютъ, что
 капиталъ отдѣляется отъ народнаго дохода и попа-
 даетъ въ руки предпринимателей, между тѣмъ какъ
 рабочіе получаютъ денежное довольствіе, котораго
 едва хватить, чтобы удовлетворить ихъ насущнѣй-
 шимъ жизненнымъ потребностямъ. Поэтому рабочіе
 отстранены отъ полнаго участія въ успѣхахъ про-
 изводительности и вмѣстѣ съ тѣмъ культуры. Чтобы
 помочь этому злу, само *государство* должно вы-
 ступить въ роли *единственнаго предпринимателя*
 и *сосредоточить въ своихъ рукахъ всю движи-
 мую собственность*. Конкуренція будетъ тогда
 устранена, и рабочій будетъ удерживать полный
 доходъ отъ своего труда.

Соціалисты придають особенную важность унич-
 тоженію *недвижимой поземельной собственности*
 (Grund und Bodencapitals), которая должна быть
 замѣнена, по ихъ мнѣнію, коллективною собствен-
 ностью. Въ этомъ отношеніи положеніе дѣль благо-

¹⁾ А именно, въ его посмертномъ сочиненіи, «Капиталъ».

приятствуетъ ихъ нападкамаъ, въ виду особаго положенія, занимаемаго поземельной собственностью между остальными видами собственности. Обыкновенные доводы въ пользу этого института не имѣютъ здѣсь никакого значенія, такъ что полемика социалистовъ является въ этомъ пунктѣ несравненно болѣе острою и убѣдительною. Кригика ихъ не витаетъ ужъ болѣе въ области общихъ разсужденій и не основывается на болѣе или менѣ спорныхъ аксіомахъ, а опирается преимущественно на *исторію*. Въ главныхъ своихъ чертахъ гласитъ она слѣдующее: ¹⁾

Оправданіе частной поземельной собственности въ еще меньшей степени можетъ быть выведено изъ существа природы чловѣка, чѣмъ оправданіе движимой собственности, такъ какъ очевидно, что большинство людей ея не имѣетъ. Первоначальный захватъ во владніе то же не можетъ служить рѣшающимъ доводомъ, такъ какъ земля есть естественный факторъ, имѣющійся лишь въ ограниченномъ количествѣ и, въ то же время, безусловно необходимый для чловѣческаго существованія; признавая подобное значеніе первоначальнаго захвата,

¹⁾ Смотри основательное изслѣдованіе *Адольфа Вагнера* „Die Abschaffung des privaten Grundeigenthums“ и его же „*Grundlegung*“, (Lehrbuch d. polit. Oekonomie I, 2 изд.).

мы пренебрегли бы важнѣйшими интересами потомства. И на *трудъ* нельзя основывать этого вида собственности, такъ какъ трудъ не можетъ создать такого подарка природы — онъ можетъ его только обрабатывать и сдѣлать производительнымъ.

Если даже считать доказаннымъ, что частная поземельная собственность основывается на захватѣ или на трудѣ, то не нужно забывать, что большая часть земли вовсе не составляетъ собственности перваго владѣльца или его естественныхъ и правовыхъ наслѣдниковъ, но находится во владѣніи совершенно другихъ лицъ. Эти послѣднія (или же ихъ предки) получили имѣнія въ большинствѣ случаевъ не правовымъ путемъ, но отнявъ ихъ — какъ показываетъ исторія — насильно у первыхъ или прежнихъ владѣльцевъ. Подъ вліяніемъ же современнаго хозяйственнаго права этотъ „процессъ ограбленія и лишенія наслѣдства“ первоначальныхъ владѣльцевъ продолжается и теперь. Ужъ одно это *распредѣленіе* земельной собственности даетъ намъ основаніе отвергать эту теорію (Instruction).

Въ видѣ послѣдняго довода социалисты ссылаются на *исторію*, которая-де показываетъ намъ, что частная поземельная собственность составляетъ вообще продуктъ культурнаго развитія сравнительно

болѣе поздняго времени, между тѣмъ, какъ въ болѣе раннія времена господствовала повсюду *общинная собственность* (Gesamteigenthum). Несомнѣнно значить, что *поземельная собственность принадлежитъ къ числу учрежденій не исконныхъ, а сложившихся историческимъ путемъ.* Исторія *доказываетъ* намъ возможность и даже цѣлесообразность замѣны частной собственности коллективною и учить насъ, какъ выше замѣчено, что весь этотъ институтъ есть нарушающая право и справедливость узурпація, такъ какъ крупныя поземельныя владѣнія могли образоваться не иначе, какъ поглощеніемъ мелкой крестьянской собственности. Поэтому, уничтоженіе частной поземельной собственности не только составляетъ актъ справедливости, — оно вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо для сохраненія и укрѣпленія общественнаго спокойствія, такъ какъ для поддержанія крупнаго поземельнаго владѣнія нужно было социальное превосходство, удерживаемое имъ и теперь. Существующее неравенство общественныхъ классовъ усиливается еще болѣе благодаря незаслуженнымъ, даромъ достаемымъ рентамъ и вслѣдствіе конъектуральныхъ выгодъ владѣльцевъ, которыя обуславливаются отнюдь не трудомъ, не единственно самимъ фактомъ владѣнія. Благодаря такому положенію дѣль, социальный вопросъ гро-

зить сдѣлаться вѣчнымъ. А потому „*долой частную собственность!*“ таково *ceterum censeo* социалистовъ.

Нужно отдать справедливость, что эта критика правильна относительно многихъ пунктовъ, но только отнюдь не относительно главныхъ или решающихъ вопросовъ. Но допуская даже, что она вѣрна во всѣхъ отношеніяхъ, то и въ такомъ случаѣ про уничтоженіе частной поземельной собственности можно было бы говорить не раньше, какъ доказавъ, во-первыхъ, что эту мѣру возможно выполнить на практикѣ, во вторыхъ, что та новая форма земельной собственности, которая замѣнитъ частную, будетъ лучше охранять народно-хозяйственные интересы, чѣмъ старая, нынѣ существующая. ¹⁾

Прежде всего вѣрно, что земля—естественный факторъ, имѣющійся въ ограниченномъ количествѣ, и что поэтому нельзя поземельную собственность основывать на одномъ только трудѣ. Замѣтимъ однако, что трудъ и здѣсь играетъ главную роль, такъ какъ безъ труда этотъ „естественный факторъ“ не приноситъ никакой пользы. Просто, какъ естественный факторъ, земля не имѣетъ никакой цѣнности, не можетъ дать никакого до-

¹⁾ А. Wagner l. c.

хода—она приобретаетъ цѣнность только при помощи труда или же накопленнаго труда, капитала.

Второе возраженіе социалистовъ, что поземельная собственность распределена дурно, посредствомъ грабежа и насилія, и что она поэтому очень вредна для общества, — это возраженіе играетъ главную роль, какъ въ социалистической литературѣ, такъ и при агитаціи, производимой европейской социальдемократіей (Интернаціоналю). И въ этомъ случаѣ въ доказательствѣ социалистовъ правда перемѣшана съ ложью. Если „процессъ ограбленія и лишенія наслѣдства“ и имѣетъ отчасти мѣсто въ нѣкоторыхъ странахъ, собственно говоря, въ Англіи, то нельзя же принимать этотъ частный случай, какъ неопровержимое доказательство для необходимости уничтоженія частной поземельной собственности, не обращая въ то же время никакого вниманія на *общее историческое развитіе*. Равнымъ образомъ нельзя пророчить, что такое неблагоприятное развитіе института, какое мы видимъ въ Англіи, непременно выступитъ и въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ его еще нѣтъ. Да притомъ, если преобладаніе крупнаго производства надъ мелкими ремеслами еще далеко не доказано относительно всѣхъ промысловъ вообще, то тѣмъ менѣе у насъ основанія предполагать воз-

возможность подобнаго явления въ сельскомъ хозяйствѣ.

Дѣло въ томъ, что два главныхъ двигателя, наиболѣе благопріятствующіе крупному производству въ его борьбѣ съ мелкимъ, — *раздѣленіе труда* и примѣненіе *машинъ*, — въ сельскомъ хозяйствѣ вліяютъ въ гораздо меньшей степени. Во-первыхъ, сама природа сельско-хозяйственнаго производства препятствуетъ значительному раздѣленію труда; затѣмъ и примѣненіе машинъ ограничено сильно тѣмъ, что многія работы должны еще исполняться руками, а также и тѣмъ, что часто нельзя бываетъ пользоваться машинами, — напр. вслѣдствіе смѣны временъ года; далѣе, кредитъ, столь необходимый для распространенія крупнаго производства, въ промышленности достигается гораздо легче, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ; наконецъ и надзоръ за рабочими силами въ сельскомъ хозяйствѣ затруднительнѣе, чѣмъ въ обрабатывающихъ промыслахъ, вслѣдствіе чего возрастаютъ и издержки. Какъ разъ въ этомъ отношеніи мелкіе владѣльцы обставлены лучше, чѣмъ крупныя, надъ которыми они имѣютъ еще то важное преимущество, что могутъ прилагать на обработку земли болѣе труда и заботливости; такъ что въ виду интересовъ народнаго хозяйства по-

лезно поддерживать равновѣсіе между обоими видами поземельнаго владѣнія, крупнымъ и мелкимъ. Итакъ, если только не произойдетъ какого-нибудь особеннаго государственнаго или общественнаго переворота, то изъ всего вышесказаннаго очевидно, что со стороны экономическихъ или техническихъ соображеній нечего опасаться, чтобы крупное поземельное владѣніе „поглотило“ мелкое; скорѣе можно ожидать противнаго, основываясь на томъ законѣ, что съ успѣхами культуры обработка земли стремится все къ большей интенсивности.

Вѣрна, наконецъ, и та аргументація соціалистовъ, посредствомъ которой они выводятъ изъ самой исторіи частной поземельной собственности, что она представляетъ продуктъ развитія сравнительно поздняго времени, а въ болѣе раннія времена замѣнялась повсюду общинною и что, слѣдовательно, она представляетъ не какое-нибудь вѣчное явленіе, а лишь сложившееся историческимъ путемъ и притомъ основанное часто на неправдѣ и насиліи. Эта аргументація имѣла бы огромное значеніе, если бы изъ нея же самой не вытекало, на основаніи той-же исторіи, что послѣдовательные фазисы, черезъ которые прошла въ своемъ развитіи поземельная собственность, были обусловлены требованіями постоянно раз-

вивающейся культуры и цивилизации европейских народовъ, и что именно этой высшей силѣ должны были подчиниться и грабежъ и насиліе. Въдѣ на *низшихъ* ступеняхъ культуры, въ началѣ цивилизаціи, главными факторами ея дальнѣйшаго развитія являются неправда и сила. Варвары должны были раздавить римскую и греческую культуру, покорить себѣ ея носителей, для того, чтобы самимъ вступить на путь цивилизаціи, самимъ принять участіе въ высшихъ благахъ человѣчества. Въ началѣ культуры грубая сила борется съ силой, и, если слабый попадаетъ на дорогѣ сильного, то немедленно имъ и подчиняется. На этой, вполнѣ необходимой, борьбѣ не лежитъ печать большей преступности человѣчества, чѣмъ на любомъ дѣйствіи нашего грѣшнаго рода. Въ томъ, что сильный распоряжается слабымъ, проявляется духъ молодаго возраста человѣчества, какъ духъ ребенка проявляется въ томъ, чтобы играть и не заботиться о завтрашнемъ днѣ. Войны изъ-за голода, которыя еще на нашихъ глазахъ происходятъ между негритянскими племенами, также необходимы и справедливы съ точки зрѣнія хозяйственнаго строя внутренней Африки, какъ необходима и справедлива святая война, которую ведетъ благородный и культурный народъ для спасенія величайшихъ благъ

своего духовнаго строя. Въ обоихъ случаяхъ происходитъ борьба за существованіе — въ одномъ случаѣ сражаются за духовную жизнь, въ другомъ — за естественную, и образованный человѣкъ имѣетъ столь же мало права жаловаться на „несправедливость“ негра, сколько взрослый человѣкъ — на недостатокъ разумности у дѣтей ¹⁾. Если мы изслѣдуемъ исторію поземельной собственности, то найдемъ, что повсюду — въ Россіи (такъ называемый міръ), у Германцевъ прежняго времени, въ альмендахъ Швейцаріи и Южной Германіи, у Грековъ и Римлянъ и въ славянской задругѣ (Hausgenossenschaft) ²⁾ — вездѣ первоначальной формой поземельнаго владѣнія было не нынѣшнее частное землевладѣніе, а общинное, коллективное, но что повсюду неизбѣжно наступалъ переходъ къ частной собственности, такъ-какъ онъ тѣсно связанъ съ высшими требованіями цивилизаціи. Если социалисты и представили вѣрно внѣшній, фактичeskій ходъ этого развитія, то они совсѣмъ не попытались дать намъ его внутреннее объясненіе, раскрыть сокровеннѣйшія пружины, повсюду приводящія въ движеніе этотъ величественный инсти-

¹⁾ *Трейчке, der Socialismus und seine Gönner S. 9.*

²⁾ Доказательства и литературу вопроса смотри у Э. Лавелэ. Первобытная собственность, русск. переводъ.

туть. Напротивъ того, они старались доказать, что на превращеніе старыхъ формъ въ новыя болѣе всего повліяли дурныя стороны человѣческой природы—своекорыстіе, несправедливость, сила, хищничество. Не говоря уже о томъ, что подобное объясненіе далеко не имѣетъ общаго характера, не трудно будетъ доказать вообще, что оно заключаетъ въ самомъ себѣ непримиримое противорѣчіе. Потому что, какъ бы то ни было, но въ концѣ концовъ „грабежъ и насиліе“ получали освященіе со стороны государства и общества, то-есть со стороны существующаго правоваго порядка. Неправильнымъ можно еще, пожалуй, находить самый путь правообразованія, но ни какъ не положеніе, выводимое изъ законнаго правоваго порядка общества. А то вѣдь можетъ возникнуть вопросъ:—откуда явились грабежъ и насиліе? развѣ возможно, чтобы одно людское племя поработило себѣ другое?—и естественный отвѣтъ:—явились и возможны потому, что неравенство, заключающееся въ силѣ, необходимо человѣчеству для достиженія высшаго духовнаго строя. Въ томъ-то и состоитъ законъ всякаго культурнаго развитія, что вышія силы одерживаютъ верхъ надъ низшими и что изъ этой опустошительной войны возникаетъ развитіе общества (прогрессъ). Изъ рабства—этого величайшаго

несчастья и позора человѣческаго рода—возникла свобода, вслѣдствіе покоренія Рима Германцы стали культурнымъ народомъ, послѣ войны расцвѣтаютъ искусства мира. Если все это „насиліе“, то въ такомъ случаѣ мы должны будемъ считать насильственнымъ дѣйствіемъ всякое стремленіе человѣчества впередъ и реформацію, и основаніе Германской Имперіи (*фонъ Трейчке, Der Socialismus und seine Gönner, стр. 8*). Поэтому, вмѣсто того, чтобы жаловаться на вѣчные законы исторіи, было-бы гораздо лучше постараться ихъ понять и изслѣдовать тѣ силы, которыя въ продолженіе всей исторіи заставляли человѣчество неотступно стремиться отъ примитивныхъ формъ общиннаго землевладѣнія къ высшимъ формамъ современной частной собственности. Тогда выяснится, что то, что социалисты такъ рѣшительно называютъ насиліемъ и грабежемъ, совершилось на основаніи необходимыхъ, въ особенности экономическихъ законовъ, подъ давленіемъ и властью которыхъ находится все — „личность“, право и общество. Однимъ словомъ: исторія и право должны были (непремѣнно) принять вышеописанный ходъ развитія, такъ-какъ только этотъ путь способствовалъ болѣе интенсивной обработкѣ земли (необходимой вслѣдствіе увеличенія народонаселе-

нія) и только этимъ путемъ можно было достичь высшихъ ступеней цивилизаціи. Это—законъ земледѣльческаго производства, неопровержимо доказывающій необходимость частнаго землевладѣнія.

Этотъ важный законъ, пожалуй, самый важный и наиболѣе богатый послѣдствіями изъ всѣхъ законовъ науки о народномъ хозяйствѣ, впервые былъ глубже развитъ *Джономъ Стюартомъ Миллемъ* въ его „Основаніяхъ Политической Экономіи“, а затѣмъ тверже обоснованъ главнымъ образомъ *Ротшеромъ*, *Адольфомъ Вагнеромъ* и другими. Онъ составляетъ послѣднюю и самую рѣшительную причину изложеннаго нами хода историческаго развитія поземельной собственности. Почва, какъ доказываетъ *Милль*, отличается отъ другихъ элементовъ производства, труда и капитала, тѣмъ, что она неспособна къ неограниченному увеличенію. И ограничено не только пространственное увеличеніе площади обрабатываемой земли, но и возрастаніе производительной силы труда, такъ какъ количество его произведеній не можетъ быть увеличаемо до безконечности,—трудъ и капиталъ не могутъ, на примѣръ, удвоить доходъ почвы, они могутъ его только поднять до извѣстной степени и, при дальнѣйшемъ ихъ возрастаніи, выше извѣстнаго уровня. они уже не повлекутъ за собою воз-

растанія производительной способности почвы. Однако, препятствія, встрѣчающіяся на пути земледѣльца нельзя сравнивать со стѣной, которая неподвижно стоит на опредѣленномъ мѣстѣ, и сквозь которую можно пробиться впередъ не иначе, какъ снеся ее съ лица земли. Напротивъ, гораздо правильнѣе представлять ихъ себѣ въ видѣ упругаго вполне растяжимаго пояса, стянутаго на столько туго, что едва-ли, было бы возможно натянуть его еще сильнѣе; при чемъ давленіе пояса чувствительно уже гораздо ранѣе, чѣмъ достигнуты предѣлы растяженія, и дѣлается тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ болѣе мы къ нимъ приближаемся. Однако, въ концѣ концовъ, настанетъ моментъ, когда человечество коснется этихъ предѣловъ и подвергнется, слѣдовательно, опасности остаться безъ достаточнаго пропитанія? Но тутъ является на помощь другой факторъ, который мощно противодѣйствуетъ закону земледѣльческаго производства,—а именно, успѣхи цивилизаціи или, выражаясь точнѣе, успѣхи земледѣльческаго искусства. Дѣло въ томъ, что улучшеніе, при помощи науки, способовъ производства дѣйствуетъ въ сельскомъ хозяйствѣ двоякимъ образомъ: во первыхъ, оно дѣлаетъ почву способной приносить *большій доходъ*, безъ соотвѣтственнаго увеличенія труда, во вторыхъ, оно

даетъ возможность *уменьшать количество труда*, получая тотъ же доходъ, что и прежде.

Къ улучшеніямъ первой категоріи слѣдуетъ прежде всего причислить замѣну старинныхъ системъ хозяйства, при которыхъ не мало земли пропадаетъ подъ паромъ, — плодоперемѣнною, при которой эксплуатируется вся площадь обрабатываемой земли; затѣмъ разведеніе новыхъ хозяйственныхъ растений, въ родѣ, на примѣръ, рѣпы. Въ томъ, что является возможность получать съ почвы ежегодный урожай, вмѣсто того, чтобы оставлять ее каждый второй или третій годъ подъ паромъ для возобновленія ея силъ, — въ этомъ еще не выражаются всѣ благодѣтельные послѣдствія названныхъ улучшеній: они вліяютъ и прямо на усиленіе плодородія почвы, такъ какъ, благодаря улучшенію корма, увеличивается число скота, а слѣдовательно, и количество навоза, а это послѣднее увеличеніе надолго сохраняетъ плодородіе почвы. Къ той же категоріи относится равнымъ образомъ основательное изученіе свойствъ удобреній и ознакомленіе съ наиболѣе сильно дѣйствующими способами ихъ примѣненія, введеніе новыхъ питательныхъ средствъ для оплодороденія почвы, напр. гуано, и обращеніе на такія хозяйственные цѣли различныхъ веществъ, которыя пропадали до

сихъ поръ даромъ. Далѣе мы отнесемъ сюда—болѣе глубокую запашку подпочвы, дренажъ, значительно усиливающей урожайность нѣкоторыхъ видовъ почвы, затѣмъ улучшенія по части породы и корма племеннаго скота, наконецъ, разведеніе такихъ животныхъ, которыя перерабатываютъ на пищу людямъ всякіе отбросы, пропадающіе даромъ. Ко второму виду улучшеній—уменьшающихъ трудъ безъ увеличенія производительной способности почвы, относятся прежде всего земледѣльческія орудія, снаряды, машины. Аналогично дѣйствуетъ улучшеніе путей сообщенія, напримѣръ, проложеніе удобныхъ дорогъ, грунтовыхъ, шоссевыхъ и желѣзныхъ, прорытіе каналовъ, потому что нѣтъ существенной разницы, будетъ ли сбереженіе труда достигаться при самомъ добываніи продуктовъ земледѣльческаго производства изъ почвы, или же при ихъ доставленіи въ то мѣсто, гдѣ они потребляются. Даже усовершенствованіе или удешевленіе другихъ средствъ, имѣющихъ болѣе отдаленное отношеніе къ труду, какъ напримѣръ, желѣза, угля,—и тѣ ведутъ къ уменьшенію труда при обработкѣ земли. Эти два момента умаляютъ значеніе закона земледѣльческаго производства, закона уменьшающей урожайности почвы и задерживаютъ силу его дѣйствія. Наконецъ, въ этомъ смы-

слѣ дѣйствуютъ не только промышленныя улучшения, — одинаковый успѣхъ имѣютъ также улучшения въ государственномъ, правовомъ, общественномъ строѣ жизни всякой страны.

Между тѣмъ какъ въ земледѣліи за прибавленіемъ производства слѣдуетъ обыкновенно и *увеличеніе труда* и притомъ пропорціональное повышенію дохода, — въ ремеслахъ наблюдается противный фактъ: при повышеніи дохода, трудъ въ той же мѣрѣ *сокращается*. Положимъ, сырье для обработки получается отъ продуктовъ почвы и въ особенности отъ продуктовъ сельскаго хозяйства (напримѣръ, для изготовленія одежды), такъ что собственно говоря, законъ увеличенія труда долженъ былъ бы распространяться и на обрабатывающую промышленность. Но стоимость сыраго матеріала составляетъ только небольшую часть всѣхъ издержекъ производства, сельско-хозяйственныя работы, только не большую часть всего труда, потраченнаго на производство товара; поэтому разбираемый нами законъ проявляетъ въ данномъ случаѣ свое дѣйствіе только въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. Повышеніе дохода производства вслѣдствіе уменьшенія стоимости труда ограничиваетъ еще болѣе его вліяніе, такъ какъ механическія улучшения и изобрѣтенія,

ведущія къ сбереженію труда, примѣняются гораздо легче къ обрабатывающей промышленности, чѣмъ къ сельскому хозяйству. При фабричномъ производствѣ раздѣленіе труда достигается легче и проводится глубже, рынокъ захватываетъ большій районъ, само производство легко дѣлается массовымъ: всѣ эти обстоятельства настолько увеличиваютъ производительность труда, что издержки производства начинаютъ уменьшаться пропорціонально увеличенію дохода (по мѣрѣ того, какъ доходъ увеличивается). А потому самое незначительное улучшение въ области промышленности непременно отразится такъ или иначе и на сельскомъ хозяйствѣ и окажетъ болѣе или менѣе замѣтное давленіе на законъ уменьшающагося дохода. Общій выводъ изъ всего вышеизложеннаго будетъ слѣдующій. Всѣ естественные факторы, имѣющіеся въ ограниченномъ количествѣ, ограничены тѣмъ самымъ по отношенію къ своей внѣшней производительной силѣ; но уже гораздо ранѣе, чѣмъ сила этихъ факторовъ напряжена до послѣдней степени, начинаютъ они удовлетворять всѣ вновь являющіяся потребности лишь въ прогрессивно уменьшающейся степени. (Законъ этотъ примѣняется, конечно, и къ горнымъ промысламъ, здѣсь даже дѣйствіе его безутѣшнѣе).

Законъ уменьшающейся произ-

Однако, дѣйствіе этого закона можетъ быть отъ времени до времени пріостанавливаемо и отсрочиваемо всякимъ увеличеніемъ нашего познанія природы и вообще всѣмъ, что распространяетъ нашу власть надъ силами природы.

Если при сужденіи объ изображенныхъ нами старыхъ поземельныхъ отношеніяхъ мы будемъ неуклонно держаться этого, неопровержимо истиннаго закона, то намъ должны представиться слѣдующія соображенія. Въ началѣ дѣвственная почва богато одаряетъ рѣдкое населеніе; затѣмъ населеніе все растетъ, растетъ вмѣстѣ съ нимъ и необходимость доставлять себѣ все большій доходъ: населеніе должно все усерднѣе работать или же перейти къ болѣе интенсивной обработкѣ почвы. Но усилившееся требованіе средствъ пропитанія и другихъ сырыхъ веществъ можетъ быть также удовлетворено воздѣлываніемъ еще не тронутой почвы, то-есть можно постоянно приступать къ воздѣлыванію нови и къ новымъ передѣламъ. Однако, въ концѣ концовъ, когда будетъ занято все пространство земли, это средство окажется тоже недѣйствительнымъ. Притомъ возникаютъ все большія скопленія жилищъ, все большія поселенія, такъ какъ только болѣе тѣсная совмѣстная жизнь можетъ доставлять необходимую

безопасность и желаемыя удовольствія. Наконецъ, возникаютъ и города, какъ центры обрабатывающей промышленности; ихъ обитатели не могутъ, понятно, сами воздѣлывать землю и должны получать жизненные припасы и сырые матеріалы со стороны. Это обстоятельство обусловливаетъ вновь сильное увеличеніе спроса и, въ тоже время требуетъ новаго распредѣленія поземельной собственности, образованія новой земледѣльческой системы.

Вслѣдствіе плохаго состоянія путей сообщенія и перевозочныхъ средствъ, многіе предметы, въ особенности тѣ, которые не имѣютъ специфической цѣнности—напримѣръ, обыкновенные кормовые злаки, — должны воздѣлываться, ради сбереженія издержекъ доставки, въ возможно близкомъ разстояніи отъ мѣста сбыта. Нѣкоторые продукты не переносятъ вообще никакой перевозки, ихъ приходится разводить въ непосредственномъ соудствѣ городовъ. Если принять во вниманіе указанныя требованія возрастающей культуры, то достаточно бѣгло взгляда съ одной стороны на старинное устройство землевладѣнія и съ другой стороны на старинные способы сельскаго хозяйства чтобы понять тѣ отношенія, которыя должны были между ними установиться.

Первыми, болѣе или менѣе подробными, описаніями старинныхъ системъ сельскаго хозяйства и способовъ земледѣльческаго производства обязаны мы изслѣдованіямъ Гансена (G. Hanssen) въ Гёттингенѣ. Изъ результатовъ его изысканій выясняется, что древнѣйшей системой сельскаго хозяйства различныхъ народовъ было такъ называемое „wilde Feldgraswirthschaft“ которое позднѣе было вытѣснено „трехпольнымъ хозяйствомъ“. Отличительная черта перваго заключается въ томъ, что за одногодовой или нѣсколькогодовой запашкой слѣдуетъ многолѣтнее пользованіе травой. Изъ всей площади обрабатываемой земли подъ пашней находится всегда только меньшая часть, остальная земля гуляетъ подъ кормъ и освобождается также отъ обработки.

Это еще полукочевое хозяйство, имѣющее огромные недостатки, и потому во всей Европѣ, уже въ довольно раннія времена перешли къ трехпольному хозяйству. Оно стало при Карлѣ Великомъ, какъ выше было замѣчено, господствующимъ видомъ сельскаго хозяйства и отчасти удержалось еще и до нашего времени. Трехпольное хозяйство требуетъ еще болѣе интенсивной обработки почвы, чѣмъ хозяйства предшествующаго періода, такъ какъ производство озимыхъ посѣвовъ требуетъ

гораздо большей затраты капитала и гораздо болѣе глубоко развитаго плана работъ. Однако, и эта система не можетъ пойти слишкомъ далеко. Тюнень (von Thünen) доказалъ, что и при ней хлѣбными злаками можетъ быть занято не болѣе одной пятой части всего обрабатываемаго пространства. Земледѣльцу нужно лишь немного навоза, да и достать можетъ онъ тоже немного, такъ какъ у него очень мало скота; далѣе, довольно трудно удалить всю сорную траву, появляющуюся послѣ пара; къ этому присоединяются еще различныя препятствія и неудобства, неминуемая слѣдствія всего строя общиннаго хозяйства, въ особенности же череполосицы. Сколько теряется земли, восклицаетъ *Ромеръ*¹⁾, отъ однихъ только безчисленныхъ межъ и полевыхъ дорогъ, сколько пропадаетъ времени отъ излишняго и напраснаго хожденія взадъ и впередъ!

Раздробленіе земли на множество узкихъ полосъ должно было быть огромнымъ, судя по тѣмъ примѣрамъ, которые сохранились до нашихъ дней, а между тѣмъ—лишь только раздробленіе дошло до того, что участокъ равняется четверти моргена, то,

¹⁾ Наука о Народномъ Хозяйствѣ въ отношеніи къ земледѣлію и другимъ отраслямъ первоначальной промышленности. Переводъ Циммермана и Щепкина. Москва 1870.

потеря достигаетъ уже 5% всей обрабатываемой
 поверхности. На межахъ земля запахивается обо-
 ими сосѣдными владѣльцами, слѣдовательно вдвой-
 нѣ, что можетъ составить, по вычисленію *Мей-*
цена, на одно селеніе до 18,053 талера беспо-
 лезныхъ издержекъ. Наконецъ, можно вполне по-
 слѣдовательно доказать, что сдѣлано Адольфомъ
Вагнеромъ въ его „Grundlegung“ — какъ повсюду
 частно-хозяйственные интересы создаютъ частную
 поземельную собственность. Сперва только *сроки*
 передѣловъ становятся продолжительнѣе, что и
 подготавливаетъ переходъ къ частной собственности,
 а потомъ прекращаются и сами передѣлы. Ко-
 нечно, въ первое время своего возникновенія
 частная собственность ограничена во многихъ
 своихъ проявленіяхъ, но и ограниченія мало по
 малу исчезаютъ подъ вліяніемъ перемѣнъ въ спо-
 собахъ производства. Постоянно даетъ себя знать
 неизбежное стремленіе къ болѣе интенсивному
 хозяйству и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ болѣе совер-
 шенному виду частной поземельной собственности.
 Весьма часто это стремленіе заканчивается раз-
 дѣленіемъ въ частную собственность даже и об-
 щинныхъ луговъ. Напротивъ того, лѣса остались
 въ большинствѣ случаевъ общинной собствен-
 ностью.

* Что надо поминать подъ однимъ

Если такимъ образомъ необходимость частной по-
земельной собственности для успѣховъ цивилизаціи
доказана самой исторіей, то само собою разумѣется,
что такого учрежденія нельзя уничтожить, когда за-
благоразсудится, и замѣнить его, чѣмъ заблагораз-
судится. Но, несмотря на всю очевидность этого
положенія, социалисты все-таки выставили подоб-
ное требованіе, и для подкрѣпленія его примѣромъ,
а также для доказательства практической его вы-
полнимости, — указываютъ на великорусскую об-
щину. Поэтому прежде, чѣмъ закончить наше из-
ложеніе, остановимся поподробнѣе на этомъ во-
просѣ.

Нельзя, конечно, отрицать¹⁾, что раздѣленіе част-
ныхъ поземельныхъ имуществъ и введеніе коллек-
тивной, общинной собственности (если только вообще
возможно провести подобное мѣропріятіе)—произ-
вело-бы сильнѣйшее вліяніе на *распредѣленіе* на-
роднаго состоянія и дохода. Потому что все то
количество частнаго дохода, которое теперь, въ ка-
чествѣ поземельной ренты, достается землевладѣль-
цамъ, въ силу одного только ихъ права собствен-
ности, и образуетъ все большую составную часть

¹⁾ Ад. Вагнеръ, Abschaffung etc.

всего народнаго дохода, обращалось бы на пользу общества и государства.

Такое равномерное распределение собственности связано, однако, необходимымъ образомъ, съ болѣе значительнымъ уравниемъ общественныхъ отношеній и болѣе высокимъ образовательнымъ уровнемъ всего народа. Если-бы даже удалось провести это мѣропріятіе со всяческимъ уваженіемъ и удовлетвореніемъ пріобрѣтённыхъ правъ, какъ того требуетъ наше правосознаніе: на примѣръ, если-бы послѣдовалъ выкупъ поземельной собственности государствомъ, по основнымъ положеніямъ экспроприаціи, за вознагражденіе въ полномъ размѣрѣ *до сихъ поръ получавшейся ренты*, — то и въ такомъ случаѣ вліяніе этой мѣры на распределение народнаго дохода и на общественныя отношенія было-бы чрезвычайно важно, а въ послѣдствіи становилось-бы все важнѣе. Положимъ, что и прежніе владѣльцы получаютъ одинаково высокій частный доходъ въ видѣ выкупной ренты взаменъ поземельной, но за то всякое дальнѣйшее приращеніе поземельной ренты будетъ уже всецѣло доставаться на долю общества. — Противъ всего этого мы возразимъ, что, съ одной стороны, это мѣропріятіе немислимо привести въ исполненіе, — ибо откуда-же государству взять такія огромныя суммы для исполнскіей экс-

процрiацiи, и что, съ другой стороны, оно нисколько не соотвѣтствуетъ и интересамъ народнаго хозяйства. Увеличенiе, въ постоянно усиливающейся степени, народонаселенiя влечетъ за собой, какъ мы уже видѣли, прежде всего болѣе интенсивную обработку почвы, которая, въ свою очередь, требуетъ современнаго устройства хозяйства, а для выполненiя задачъ послѣдняго необходимо существованiе частной поземельной собственности. Притомъ-же частнохозяйственный интересъ представляетъ изъ себя могущественнаго двигателя для усовершенствованiя земледѣлiя.

Именно опытъ русскаго землевладѣнiя, на которое любятъ ссылаться социалисты, могъ-бы послужить для насъ наилучшимъ предостереженiемъ. *Шедо-Феротти* указалъ на недостатки русскаго общиннаго землевладѣнiя главнымъ образомъ въ четырехъ отношенiяхъ. *Адольфъ Вагнеръ* говоритъ о нихъ въ своемъ *Abschaffung* (на стр. 65) слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, русская система дѣлаетъ почти невозможнымъ введенiе какого-бы то ни было сельско-хозяйственнаго улучшенiя; затѣмъ, она ведетъ къ высшей степени вредному и убыточному раздробленiю почвы (черезполосица); въ третьихъ, она ослабляетъ прилежанiе отдѣльныхъ личностей, какъ-бы наказывая ихъ за лѣ-

ность другихъ, — благодаря круговой порукѣ всего „міра“, и, наконецъ, въ четвертыхъ, — вслѣдствіе ка-
рательной власти общины, она въ невыносимой сте-
пени стѣсняетъ свободу личности и ввергаетъ му-
жика въ еще худшее рабство, чѣмъ то, отъ кото-
раго онъ только что освобожденъ.

Шедо-Феротти исчисляетъ также и преимуще-
ства, которыя будто-бы имѣетъ русская система.
Однако, эти „преимущества“ либо и не думаютъ
ими быть, — напротивъ, мы ихъ назовемъ недостат-
ками, — либо они хороши, пожалуй, для русскихъ
порядковъ, но никакъ не для высокоцивилизован-
наго Запада Европы. Чтобы соблюсти справедли-
вость, разберемъ и мы поближе эти мнимыя пре-
имущества.

Во-первыхъ (смотри указанное сочиненіе, стр.
70), русская система дѣлаетъ-де невозможнымъ появ-
леніе въ Россіи пролетаріата, такъ какъ каждому
взрослому работнику обезпечена его доля общин-
ной земли. *Э. Лавеле* напираетъ тоже въ особен-
ности на этотъ пунктъ: „постоянная безопасность
гражданскаго общества отъ пролетаріата — вотъ глав-
ная сила русской системы!“ Этимъ господамъ, какъ
замѣчаетъ *Вагнеръ*, при упоминаніи западно-евро-
пейской системы частной поземельной собствен-
ности, мерещится всегда процессъ „ограбленія и

лишенія наслѣдства“ мелкихъ землевладѣльцевъ. — Но мы уже оцѣнили его поближе и указали на стоящіе размѣры его вліянія.

Второе преимущество, которое видитъ въ русской системѣ Шедо-Феротти, мы еще менѣе можемъ считать за таковое: оно заключается будто-бы въ томъ, что дѣти застрахованы отъ послѣдствій возможнаго несчастія или отъ нерадивости и безпечности родителей. Это „преимущество“ даетъ намъ въ дѣйствительности скорѣе доводъ противъ системы, „такъ какъ она колеблетъ одинъ изъ главнѣйшихъ нравственныхъ принциповъ хозяйственности у родителей“.

Въ третьихъ, благопріятствуетъ-де русская система увеличенію народонаселенія. Это — опять таки было-бы на западѣ доводомъ противъ введенія системы, хотя для Россіи она можетъ быть и полезна. Другіе доводы въ пользу русскаго устройства еще менѣе годятся для строя западно-европейской жизни, и мы можемъ обойти ихъ молчаніемъ. — „Для Россіи, быть можетъ, эта система и будетъ еще нѣсколько времени полезной, для Германіи она не годится. Во всякомъ случаѣ она стоитъ ниже всякаго сравненія съ поземельной, вполнѣ свободной, собственностью нашихъ нѣмецкихъ сельскихъ хозяевъ“.

Еще менѣе выдерживаютъ критику выставляемыя социалистами основанія для уничтоженія движимой собственности ¹⁾. Вѣдь существованіе движимой собственности, такъ-же какъ и существованіе чело-вѣчества, поддерживается, какъ извѣстно, не столько бережливымъ сохраненіемъ, а преимущественно новымъ воспроизведеніемъ. Она составляетъ, какъ весьма вѣрно замѣтилъ *Бартъ* (указ. соч.) общественный обмѣнъ вещей, и этотъ обмѣнъ происходитъ такъ быстро, что по утверженію *Дж. Ст. Милля*—большая часть обращающагося въ данное время въ Англіи состоянія произведена въ продолженіе послѣдняго года. Если-же это вѣрно, то и потребленіе должно совершаться также-же скоро, какъ описанный процессъ обращенія; вѣдь потребленіе-то и образуетъ широкій базисъ для процесса обновленія капитала. Другими словами,—при отсутствіи способныхъ къ труду потребителей капиталы не могутъ даже сохраняться, не только что увеличиваться. Вѣдь потребленіе самихъ капиталистовъ стоитъ внѣ всякой связи съ потребленіемъ громадной массы рабочихъ, и производство

¹⁾ Аргументировку смотри *Гумпловича*, *Rechtsstaat und Socialismus*, Innsbruck 1881 и у *Ф. Клейнвехтера*, *Die Kartelle, ein Beitrag zur Frage der Organisation der Volkswirtschaft*. Въ особенности можно рекомендовать послѣднюю работу.

должно было-бы обратилось, очевидно, къ исключительному произведенію предметовъ роскоши, — а это противорѣчитъ опыту, такъ какъ развитіе хозяйства выказываетъ въ послѣднее время склонность къ массовому производству. Повсюду фабричное производство стремится занять мѣсто ремесленного, служащаго болѣе личнымъ потребностямъ. Работаютъ съ помощью машинъ для удовлетворенія массоваго потребленія и именно потребности низшихъ классовъ возросли въ весьма значительной степени. Отсюда слѣдуетъ, что увеличеніе производительной силы капитала принесло пользу главнымъ образомъ именно отдѣльнымъ рабочимъ.

Величайшимъ врагомъ рабочаго ославили въ особенности предпринимателя, а онъ-то и приводитъ капиталъ и трудъ въ плодотворное соприкосновеніе. И, безъ сомнѣнія, дѣятельность предпринимателя, который напередъ соображаетъ потребности общества, котораго расчетъ, энергія и духъ предприимчивости образуетъ двигательную силу производства, — эта дѣятельность составляетъ вполнѣ необходимый факторъ народнаго хозяйства, котораго нельзя замѣнить никакимъ искусственнымъ, государственнымъ установленіемъ. Приведемъ въ заключеніе прекрасныя слова *Энгеля*, извѣстнаго нѣмец-

каго статистика: „Не безъ основанія говорить, что Пруссія отъ природы бѣдная страна. Конечно, она побогаче минералами, чѣмъ нѣкоторыя другія страны, но главное ея богатство заключается все-таки въ неутомимомъ прилежаніи, выносливости и настойчивости, бережливости и воздержности ея обитателей. Проявляя въ жизни подобныя добродѣтели, всякая отдѣльная личность получаетъ извѣстное хозяйственное значеніе, а склонность къ улучшенію жизненныхъ условій является для нея новымъ и могущественнѣйшимъ стимуломъ труда и бережливости. Это повяли вполнѣ великіе законодатели послѣднихъ семидесяти лѣтъ. У всѣхъ промышленниковъ или, по крайней мѣрѣ, у всѣхъ предпринимателей—а вѣдь число ихъ все еще очень велико—двигательной силой является стремленіе къ предпринимательскому доходу. Не споримъ, что стремленіе это избираетъ себѣ иногда ложные пути; не споримъ, что оно ведетъ иногда къ ограбленію однихъ людей другими: вполнѣ въ нашихъ силахъ исправить закономъ или обычаемъ какъ-то, такъ и другое зло. Но полное устраненіе предпринимательскаго дохода—къ чему теперь всѣми силами стремятся извѣстныя партіи,—было-бы, по моему убѣжденію, окончательною гибелью

промышленности, умерщвленіемъ курицы, несущей золотыя яйца“.

Изъ изложенныхъ нами основныхъ теоретическихъ воззрѣній социализма истекаютъ и тѣ практическія требованія, политическія и экономическія, которыя предъявляютъ государству и обществу социалисты, вѣрнѣе сказать социалъдемократы. Лучше всего удастся намъ, какъ намъ кажется, освѣтить эти требованія въ ихъ общемъ видѣ и соотношеніи, если мы попробуемъ набросить картину социалистическаго государства будущности. Сами социалисты довольно таки сильно колеблются познакомить насъ съ подробностями и частностями устройства своего будущаго государства, — вѣроятно потому, что они сами еще не вполне ихъ себѣ уяснили.

4. Социалистическое государство будущаго¹⁾.

Прежде всего въ предполагаемомъ социалистическомъ государствѣ бросается въ глаза та отличительная черта, что въ немъ — *ни движимый, ни недвижимый капиталъ не будутъ составлять предмета частной собственности*. Всѣ

¹⁾ Смотри теперь въ особенности Шеффле Bau und Leben des socialen Körpers, N. A., Tübingen, 1881. III, p. 457 ff., а также Th. Barth, l. c., и Шеффле, Quintessenz des Socialismus.

средства производства предполагается превратить изъ частнохозяйственной въ общественную, коллективную собственность. Готская программа мая 1875 года выражаетъ это требованіе въ слѣдующихъ словахъ: Въ современномъ обществѣ всѣ матеріалы, необходимые для труда, составляютъ монополію капиталистовъ; обусловливаемая этимъ зависимость рабочихъ и есть причина нищеты и рабства во всѣхъ его видахъ; освобожденіе труда требуетъ превращенія необходимыхъ для труда матеріаловъ въ общественную собственность. Въ частной собственности могутъ остаться только предметы непосредственнаго потребленія. Средство для приведенія въ исполненіе этого процесса есть всеобщая *экспроприация*.

Вознагражденіе должно послѣдовать въ видѣ предметовъ потребленія; какъ полагаетъ Шеффле¹⁾, въ видѣ нѣкотораго количества временныхъ рентъ, которыя будутъ заключаться въ предметахъ, служащихъ *исключительно для поддержанія жизни*, но никакъ не для производства. И такъ, вознагражденіе должны составлять пища, одежда, украшенія, мебель, средства частнаго образованія, удовольствія и другіе подобные предметы. Но тутъ

¹⁾ Bau und Leben, N° A., III, p. 465.

является вопросъ: развѣ можно всѣ эти вещи считать въ дѣйствительности за вознагражденіе? Вѣдь не можетъ же въ концѣ концовъ человѣкъ ѣсть, пить и т. п. болѣе, чѣмъ ему нужно, — слѣдовательно, развѣ мыслимо въ социалистическомъ государствѣ, гдѣ заранѣе опредѣлено, сколько кому и чего нужно, и гдѣ всякій долженъ себѣ это количество заработать, развѣ мыслимо, повторяемъ, въ подобномъ государствѣ существованіе gentiers, живущихъ болѣе или менѣе продолжительное время единственно своими доходами? Вообще, какую цѣль могъ бы преслѣдовать гражданинъ подобнаго государства? Человѣкъ стремится къ наживѣ не для того только, чтобы быть въ состояніи больше ѣсть и пить — вѣдь не на это же уходитъ большая часть дохода! Нѣтъ, — могучимъ двигателемъ его дѣятельности является желаніе приобрѣсти вліяніе, силу въ той средѣ, въ которой онъ вращается. Отнимите у него это обаяніе власти — и вы превратите его въ прозябающее животное. Ужъ и съ этой точки зрѣнія социализмъ представляется намъ не болѣе, какъ дѣтскимъ заблужденіемъ. Во всякомъ случаѣ онъ впадаетъ въ гораздо болѣе грубый матеріализмъ, чѣмъ школа свободной торговли, и слѣдуетъ только удивляться, какъ люди подобные *Шеффле* могутъ считать его за нѣчто удо-

боисполнимое. Впрочемъ, недостаточно убѣдить въ удобоисполнимости социалистическихъ требованій, а необходимо доказать неопровержимымъ образомъ, что отъ уничтоженія частнаго производственнаго капитала и замѣны его коллективнымъ выиграетъ также и культура и человѣческое благосостояніе.

Но весь ходъ историческаго развитія показываетъ, какъ мы уже видѣли, что частная поземельная собственность есть необходимое и естественное требованіе всякаго дальнѣйшаго шага культуры.

Только благодаря этому установленію сталъ возможенъ переходъ отъ экстензивной обработки земли къ интензивной, переходъ, составляющій также необходимое условіе для того, чтобы населеніе стало плотнѣе и культура могла повыситься. Далѣе, мы видѣли, что, если частная поземельная собственность и принадлежитъ дѣйствительно къ явленіямъ, сложившимся лишь историческимъ путемъ, то это какъ разъ новый доводъ противъ социалистическихъ требованій, такъ какъ отсюда же ясно слѣдуетъ, что этотъ институтъ никоимъ образомъ *нельзя измѣнять въ произвольномъ направленіи*. Напротивъ, дѣло идетъ не къ уничтоженію частной поземельной собственности, а къ дальнѣйшему ея развитію даже и тамъ, гдѣ теперь господствуетъ еще общинная.

Когда вся частная собственность будет уничтожена, и государство примет въ свои руки управление и распоряженіе всѣми средствами производства, то настанетъ, разумѣется, конецъ всякаго частнохозяйственнаго производства: государство станетъ единственнымъ предпринимателемъ, роковая конкуренція будетъ устранена, каждый человекъ будетъ въ состояніи—по мнѣнію социалистовъ—въ размѣрѣ своихъ услугъ обществу получать и полный доходъ отъ своего труда.

Но даже и послѣднее мнѣніе основано на заблужденіи. „Вѣдь полный доходъ всякой частной работы не является, какъ справедливо замѣчаетъ Гельдъ¹⁾, въ видѣ совершенно обособленнаго количества готовыхъ вещей, потому что отдѣльныя личности работаютъ всегда въ тѣсной связи другъ съ другомъ, въ особенности при массовомъ производствѣ, котораго исключительно и желаютъ социаль-демократы. Кто можетъ опредѣлить, какую часть всего локомотива сработалъ главный мастеръ, какую — каждый простой работникъ, и какую — поставщикъ матеріаловъ? Кто можетъ опредѣлить, сколько мяса или молока, овощей или картофеля возростилъ каждый изъ работающихъ въ крупномъ

¹⁾ Указ. соч., стр. 43, и *Kleinwächter*, указ. соч., стр. 67.

сельско-хозяйственномъ заведеніи? Пришлось бы, значить, искусственно измѣрять цѣнность услугъ каждаго отдѣльнаго рабочаго и затѣмъ отмѣривать ему соотвѣтственное количество продуктовъ труда. Если бы даже мы измѣряли цѣнность услугъ единственно рабочимъ временемъ, то и тогда явилась бы практическая невозможность выразить въ этой единицѣ соотвѣтственныя количества: употребленнаго на производство рабочаго времени и приходящихся на долю cadaго продуктовъ труда при ихъ распределеніи. Притомъ большинство социалистовъ дѣлаютъ различіе между высшей и нисшей, сложной или квалифицированной и простой работой—и не могутъ тѣмъ не менѣе дать никакого прочнаго основанія для приведенія къ одному знаменателю доходовъ различныхъ работъ. Да и кто бы вздумалъ, — замѣчаетъ иронически Гельдъ, — измѣрять услуги Гётэ и Бисмарка одинаковымъ мѣриломъ съ услугами какого нибудь дворника?! Рекомендуемая социалистами мѣра невѣрна уже потому, что, оказывая различныя услуги, люди вовсе не всегда стремятся къ чисто матеріальному вознагражденію, а часто удовлетворяются, конечно, въ весьма различной степени, или наслажденіемъ своимъ трудомъ, или почетомъ, въ немъ заключающимся. Специальнаго дохода всякой специаль-

Упомянутое вознагожденіе актемак
 оноль было бы саморетное вгусталь со
 та Гельдъ такое мѣрение вогни та мѣр

ной работы мы не знаемъ, а для относительной оцѣнки различныхъ услугъ нѣтъ у насъ подходящей мѣрки—какимъ же образомъ можемъ мы соблюсти полную справедливость при какомъ нибудь шаблонномъ распредѣленіи имуществъ?

Однако, посмотримъ сперва, какимъ бы образомъ происходило *производство* въ социалистическомъ государствѣ.

Руководящими органами какъ въ процессѣ производства, такъ и въ процессѣ обмѣна, были бы уже не частныя лица или предприниматели, были бы уже не „господа“, но управления (дирекціи), выбираемые изъ всей массы людей, занимающихся даннымъ промысломъ, подъ страхомъ потери премій въ случаѣ дурного выбора. И тутъ Шеффле¹⁾ съ очевиднымъ удовольствіемъ вдается въ разсужденія о социалистической организаціи производства, объ руководящихъ органахъ и о средствахъ къ обезпеченію полной хозяйственности. На всѣ его аргументы можно возразить главнымъ образомъ одно: въ социалистическомъ государствѣ является вполнѣ невозможнымъ свободный выборъ отдѣльными лицами своего призванія — выборъ, основанный на сознании своихъ силъ и способ-

¹⁾ Указ. соч., р. 482 ff.

ностей. Въ современномъ хозяйственномъ строе (покоющемся именно на свободномъ выборѣ всякимъ человѣкомъ своихъ занятій), заключается естественный регуляторъ силъ, котораго нельзя замѣнить никакимъ другимъ устройствомъ. Теперь всякое переполненіе какой либо вѣтви производства наказывается тотчасъ паденіемъ заработной платы и дохода или же гибелью хозяйства. Это и есть благодѣтельное послѣдствіе конкуренціи, которое въ социалистическомъ государствѣ должно будетъ окончательно пропасть, вслѣдствіе чего *свободному выбору занятія невозможно будетъ долге удержаться*. Если же предоставить и впредь каждому человѣку производить, какъ теперь, что онъ хочетъ и сколько хочетъ, то будущее государство рискуетъ впасть со своимъ „общественнымъ“ хозяйствомъ въ полнѣйшій беспорядокъ, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ рынокъ обезпечиваетъ требованіе въ количественномъ отношеніи; торговля заботливо уравниваетъ излишекъ одной мѣстности и недостатокъ другой; конкуренція старается доставить потребителямъ всѣ нужныя услуги самымъ дешевымъ и самымъ лучшимъ способомъ. Въ социалистическомъ государствѣ все это могло бы быть достигнуто лишь при по-

мощи чрезвычайно сложнаго устройства, — да и то только отчасти. Для того, чтобы каждый гражданинъ не производилъ свободно, что ему вздумается и что ему пріятнѣе, государству пришлось бы прежде всего установить размѣры требованія по всѣмъ главнымъ отраслямъ производства и затѣмъ назначить каждому свое мѣсто въ этой системѣ труда для того, чтобы не возникло переполненія рабочими той или другой отрасли производства. Естественно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, у всякаго явится притязаніе на сравнительно пріятнѣйшій трудъ: вѣдь большая или меньшая пріятность труда нисколько не будетъ, на основаніи социалистической теоріи цѣнностей, вліять на вознагражденіе, такъ какъ все сводится на равноцѣнный „общественно-необходимый трудъ“. Социалистическому государству придется обращаться со своими гражданами какъ съ хозяйственными солдатами, и особымъ всякій разъ приказомъ опредѣлять каждаго изъ нихъ—хоть бы противъ воли—къ мѣсту труда и назначенія. И не смотря на всѣ эти мѣры, оказалось бы невозможнымъ во всякое время и во всѣхъ мѣстностяхъ государства держать въ полномъ равновѣсіи требуемые и недостающіе товары, а также численность рабочихъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ труда. Во всякомъ случаѣ госу-

дарству пришлось бы пожертвовать однимъ изъ существеннѣйшихъ правъ личности—свободою выбора своего занятія. Да и болѣе того: всѣ индивидуальныя потребности отдѣльныхъ личностей пришлось бы точно такъ же опредѣлять предписаніями свыше. Можно съ увѣренностью сказать, что покуда социализмъ будетъ, въ своихъ основаніяхъ, такъ сильно грѣшить противъ частной свободы человѣка, до тѣхъ поръ у него мало надежды на осуществленіе.

Распределение имуществъ наткнулось бы въ социалистическомъ государствѣ на такія же серьезныя препятствія, какъ и производство. Положимъ, социалисты утверждаютъ, что въ ихъ государствѣ производство будетъ значительнѣе, такъ какъ всякій будетъ работать, а поэтому и доля каждаго въ народномъ доходѣ будетъ тоже большею. Но это зависитъ главнымъ образомъ отъ того, слѣдуетъ-ли или не слѣдуетъ принуждать каждаго работать и свыше удовлетворенія его личныхъ потребностей. Крайніе социалисты требуютъ принудительнаго труда для всѣхъ; болѣе умѣренные требуютъ его только до извѣстнаго возраста. Какъ бы то ни было, но въ социалистическомъ государствѣ работать будетъ не больше, а меньше, чѣмъ въ государствѣ со свободной конкуренціей, и притомъ—хуже. Ибо что могло бы

побуждать отдѣльныхъ личностей работать болѣе, чѣмъ сколько нужно для удовлетворенія ихъ непосредственныхъ потребностей, когда накоплять капиталъ будетъ запрещено подѣ страхомъ наказанія! Кто же будетъ наблюдать за работой отдѣльныхъ личностей, и наблюдать настолько внимательно, что бы въ цѣломъ общее дѣло не потерпѣло бы никакого вреда? Ужъ не сами-ли выборные представители рабочихъ? Но наврядъ-ли у нихъ явится особенное желаніе доносить усердно на своихъ избирателей! Къ тому же всякое неисполненіе правилъ труда, малѣйшій обманъ въ работѣ—пришлось бы считать уголовнымъ преступленіемъ, какъ влекущіе за собой непосредственный убытокъ для общества.

Только въ одномъ отношеніи социалистическое государство могло бы достигь нѣкотораго совершенства въ организаціи—оно могло бы значительно сократить издержки, вызываемыя торговлей, слѣдовательно, сохранить большую часть труда, цѣною котораго товары передаются отъ производителя потребителю. Торговое ремесло будетъ въ социалистическомъ государствѣ организовано тоже публично и торговля, основанная на спекуляціи (биржа), будетъ замѣнена государственными торговыми учрежденіями. Однако, и тутъ Шеффле сдѣлалъ вѣр-

ное замѣчаніе, что едва-ли какой нибудь *одинъ* человекъ, будь то самый мудрый и справедливый патриархъ социализма, былъ бы въ состояніи направлять ту напряженную дѣятельность производства, которая вызывается настоятельными нуждами потребленія и въ настоящее время осуществляется торговлей, направлять ее скоро и точно по отношенію къ роду и количеству требуемыхъ товаровъ.

Въ высшей степени неблагоприятно будетъ поставленъ въ социалистическомъ государствѣ вопросъ о *распредѣленіи цѣнностей*, котораго мы уже коснулись выше. Хотя *Бebelъ* и увѣряетъ, что „распредѣленіе не доставитъ имъ, социалистамъ, ни малѣйшей заботы, было бы только что дѣлать“, но изъ дальнѣйшаго его изложенія видно, что все дѣло для него еще чрезвычайно неясно. Основаніе для процесса распредѣленія приходится заимствовать изъ всемірно-извѣстнаго ученія *Маркса* — другое еще не выставлено никѣмъ. За свои услуги каждый рабочій будетъ получать марки (*Vons*), по числу рабочихъ часовъ. Такъ какъ производство будетъ совершаться планомѣрно и во всякое время будетъ приравливаться къ потребленію, то явится возможность твердо удерживать на соотвѣтственномъ уровнѣ мѣновую цѣнность отдѣльныхъ товаровъ. Тогда-то, — воображаютъ социалисты, —

распределение чистого дохода будет идеально, будет вполне равномерно. Однако, один из главнейших провозвестников социалистического государства будущего, *Мостъ*, полагаетъ, что едва ли удастся немедленно ввести такое абсолютное равенство доходовъ, и что во всякомъ случаѣ сначала—покуда не вкоренится поглубже социалистическій духъ—распределение выработаннаго чистого дохода придется соразмѣрять съ количествомъ труда (*Leistungen*), потраченнаго каждымъ. Другіе социалисты идутъ еще далѣе и не хотятъ даже признавать неравенства дарованій, различныхъ степеней прилежанія или лѣности. У всѣхъ гражданъ государства будущности будетъ приблизительно одинаковый жребій—довольно сносное существованіе съ уравниваемыми потребностями, безо всякихъ дальнѣйшихъ постепенностей въ жизненныхъ удобствахъ, такъ какъ производство предметовъ роскоши непременно должно будетъ мало-по-малу прекратиться. Однимъ словомъ, общимъ удѣломъ всѣхъ будетъ ничѣмъ ненарушаемое однообразіе. Пріятный, нечего сказать, видъ представляло бы подобное государство, то-есть его внѣшняя, осязательная форма, на примѣръ, города, строенія и т. под.! Все было бы правильно, однообразно, скучно—однимъ исполненнымъ прыжкомъ возвратилось бы человѣчество

туда—съ чего начало, со всѣхъ высотъ культурной жизни къ ея первымъ зачаткамъ.

Относительно заработной платы мы уже упомянули, что предполагается установить „марки“ или „рабочіе чеки“, въ основаніе которыхъ будетъ принята какая либо единица труда, напримѣръ, одинъ часъ простѣйшей работы, и которые будутъ соотвѣтствовать одной или нѣсколькимъ подобнымъ единицамъ. Въ мѣстахъ распределенія можно будетъ взаимно такихъ чековъ получать потребительныя средства. Однако, и тутъ является затрудненіе, такъ какъ удостовѣреніе о трудѣ придется выдавать не на предъявителя, но *именныя*, потому что безъ этой предосторожности государство получитъ опаснѣйшихъ конкурентовъ въ лицѣ своихъ собственныхъ отдѣльныхъ гражданъ. Ибо едва только можно будетъ обмѣнивать марки, то отдѣльныя личности тотчасъ же получатъ возможность мѣняться и потребительными средствами, и даже трудомъ. Выработанное можно будетъ вновь вымѣнивать на марки, и такимъ образомъ мало-по-малу проскользнули бы одинъ за другимъ частныя капиталисты, которые и стали бы производить на сторонѣ, вмѣстѣ съ государствомъ. Можно сказать напередъ, что никакія уголовныя наказанія не помогли бы противъ этого зла.

Все яснѣе выступаетъ наружу, что послѣдовательно проведенный социализмъ ведетъ къ настоящему коммунизму — этой грубѣйшей формѣ человѣческаго общежитія.

Если мы бросимъ теперь взглядъ на *политическую* организацію социалистическаго государства, то найдемъ въ чистѣйшемъ видѣ народную республику, со всеобщей и прямой подачей голосовъ, съ непосредственнымъ отправленіемъ законодательства и судоговоренія самимъ народомъ. Въ предположеніи, что всѣ государства введутъ приблизительно одинаковую политическую и хозяйственную организацію, социалисты надѣются мирно и полюбовно разрѣшать при помощи международно-общественнаго совѣта всѣ общія дѣла и производить международный обмѣнъ веществъ на основаніи свободнаго соглашенія между отдѣльными государствами. Въ постоянномъ войскѣ будущность нуждаться ужь не будетъ — всемірный, всеобщій миръ будетъ вѣнцомъ всей системы.

Въ гражданскомъ правѣ можно будетъ, пожалуй, удержать институтъ наслѣдованія, но примѣненіе его будетъ совсѣмъ незначительно, такъ какъ наслѣдовать можно будетъ только потребительныя средства или рабочіе чеки. Напротивъ того, уго-

ловное право придется, вѣроятно, очень расширить!

Система налоговъ социалистическаго государства будетъ весьма проста: государство будетъ удерживать свою долю передъ актомъ распредѣленія. Социалистическому государству придется содержать громадную армію чиновниковъ, къ которымъ нужно отнести также врачей, аптекарей, учителей и т. п.; содержаніе всѣхъ работниковъ-инвалидовъ будетъ тоже падать на счетъ государства; наконецъ, сюда же надо отнести всѣ издержки воспитанія и образованія: огромныя суммы, которыя будутъ удерживаться передъ распредѣленіемъ дохода.

Посмотримъ теперь, какъ отнесутся въ социалистическомъ государствѣ къ религіи. Въ этомъ отношеніи большинство политиковъ будетъ, вѣроятно, на сторонѣ Моста, который высказываетъ слѣдующія мнѣнія:

„Въ государствѣ съ дѣйствительно всеобщимъ народнымъ образованіемъ мѣсто религіознаго ученія заступаетъ естествовѣденіе, къ которому можно въ крайнемъ случаѣ присоединить разумную философскую систему. Поэтому сдѣлаются излишними всѣ попы со всякими обрядовыми принадлежностями, а это составитъ немаловажное сбе-

реженіе расходовъ для государства и общинъ".
Бракъ тоже будетъ считаться въ социалистическомъ
 государствѣ весьма угрожающимъ общественной
 безопасности институтомъ, — и совершенно спра-
 ведливо! Въдь главная суть брачнаго союза, въ осо-
 бенности обоюдная хозяйственная отвѣтственность
 супруговъ, должна будетъ отпасть въ социалисти-
 ческомъ общежитіи. Въ современномъ обществен-
 номъ строѣ, когда заключается брачный союзъ, то
 тѣмъ самымъ брачующіеся принимаютъ на себя цѣ-
 лый рядъ обязанностей, отчасти относительно другъ
 друга, отчасти относительно будущихъ дѣтей. Эти
 обязанности приводятъ супруговъ къ тѣснѣйшей
 общности духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ
 и неразрывно приковываютъ ихъ другъ къ другу.
 Поэтому въ настоящее время бракъ составляетъ
 для большинства людей труднѣйшій шагъ жизни,
 сопровождаемый самыми важными послѣдствіями;
 они приступаютъ къ нему съ большой осторожностью,
 частью именно вслѣдствіе хозяйственной отвѣт-
 ственности, которую онъ влечетъ за собой. Со-
 всѣмъ другимъ будетъ положеніе дѣлъ въ идеаль-
 номъ государствѣ социалистовъ. Тамъ въдь суще-
 ствуетъ право на трудъ, право на государственное
 попеченіе въ старости и въ болѣзни, бесплатное
 воспитаніе дѣтей въ государственныхъ заведеніяхъ —

*Итакъ это дѣлаетъ бракъ, со-ва и мѣръ, нашу
 возможность рѣшить, нехотѣемъ ли
 такъ, тогда дѣлается доставило со-ва*

однимъ словомъ, для основателей новаго семейства отпадаетъ всякая почти хозяйственная отвѣтственность. Въ итогѣ получится болѣе легкомысленное заключеніе браковъ, которые станутъ не болѣе, какъ конкубинатами; вся уютность и замкнутость семейной жизни исчезнетъ сама собою.

Если социалистическое общезитіе исключаетъ, какъ вредное, понятіе о семьѣ и низводитъ бракъ до степени „свободной любви“, то искусство обратится въ немъ въ простое ремесло. Да откуда же искусству взять необходимые для него жизненные элементы—поощреніе и силу свободнаго развитія? Вѣдь никто не будетъ въ состояніи позволить себѣ такую роскошь, какъ приобрѣтеніе художественныхъ произведеній; учрежденіе театровъ станетъ дѣломъ невозможнымъ для частныхъ лицъ; все вообще художественное производство будетъ въ полнѣйшей зависимости отъ государства, которое будетъ за нимъ заботливо слѣдить и цензуровать. А между тѣмъ развѣ каждый гражданинъ или по крайней мѣрѣ каждый городъ, не имѣетъ права требовать художественныхъ наслажденій? Развѣ не будетъ обязанностью каждой общины содержать свой театръ, музей, читальни, библіотеки, какъ того требуетъ равенство всѣхъ гражданъ? Но всего труднѣе разрѣшить вопросъ, откуда вообще могутъ

появятся художники, ученые, поэты, музыканты, актеры и т. п.? Вѣдь все „распределение призваний“ находится въ рукахъ государства, которое завѣдуетъ всѣмъ воспитаніемъ до 18-ти-лѣтняго возраста, указываетъ каждому его назначеніе и мѣстопребываніе. Или не будетъ-ли государство уже съ колыбели предназначать, кому быть живописцемъ, кому музыкантомъ, кому поэтомъ? Мы ясно видимъ, къ какимъ нелѣпостямъ приводитъ все теченіе социалистическихъ идей, если ихъ примѣнять на практикѣ.

Невыполнимость всѣхъ проектовъ, создаваемыхъ социалистами, вытекаетъ уже изъ ихъ всеобщаго стремленія втиснуть всѣ народы настоящаго времени, не смотря на безконечныя разнообразія ихъ свойствъ, характеровъ и міровоззрѣній, въ одну и единственную абсолютную форму общенія. Социалисты не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія ни на человѣческую природу, ни на культурное развитіе, они разрываютъ всякую связь съ исторіей и богатую, свободную, разнообразную жизнь человѣчества хотятъ превратить въ мертвый и однообразный механизмъ. Ихъ организаціонные планы, будь они даже и выполнимы, увеличили бы еще болѣе тѣ общественныя язвы, отъ которыхъ они должны, по мнѣнію социалистовъ, освободить че-

Х Это тѣмъ болѣе необходимо, что были крестовыми основными и т. д.

ловѣчество. Хотя бы и удалось основать повсюду подобныя социалистическія общины, однако, ни одна изъ нихъ не могла бы собственными силами производить всѣ необходимыя потребительныя средства, и между самыми общинами непремѣнно возникли бы вновь и раздѣленіе труда, и обмѣнъ продуктовъ его, такъ какъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ и по качествамъ почвы, каждая изъ общинъ должна будетъ заниматься преимущественно однимъ видомъ труда: расположенная въ равнинахъ и долинахъ—земледѣліемъ; расположенная въ горныхъ мѣстностяхъ—скотоводствомъ или земледѣліемъ, или же горнымъ промысломъ; расположенная на морскомъ берегу—судоходствомъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ эгоистическая борьба интересовъ мало-по-малу разгорѣлась бы и между отдѣльными общинами, и даже внутри каждой изъ нихъ. Такъ что въ концѣ концовъ, по нашему мнѣнію, новое социалистическое государство не просуществовало бы и двухъ лѣтъ. Но главное зло социалистическаго режима состояло бы въ томъ, что всякое проявленіе индивидуальности человѣка было бы предано безжалостному уничтоженію. Это конецъ всякой цивилизаціи.

Если мы въ заключеніе предложимъ вопросъ—какъ намъ преодолѣть социаль-демократію,—то изъ

всего вышеизложеннаго явствуетъ и отвѣтъ: менѣе всего и труднѣе всего—посредствомъ внѣшней силы, которая, какъ вѣрно сказалъ Гельдъ, можетъ въ крайнемъ случаѣ послужить лишь къ подавленію внѣшнихъ проявленій этого ученія. Хотя и необходимо преслѣдовать и строго наказывать тѣкія „внѣшнія проявленія“, какъ—открытое нарушение закона, измѣну престолу и отечеству и т. п.,—однако, массамъ мы этимъ не внушимъ никакой любви и преданности къ закону, не преподадимъ имъ никакихъ здоровыхъ взглядовъ на цѣнность и на трудъ. Послѣдней цѣли можно достигъ лишь расширеніемъ народнохозяйственнаго образованія, къ чему нѣкоторыя страны, на примѣръ Англія, стремится уже издавна. Въ Англіи политическая экономія введена, какъ предметъ образованія, болѣе чѣмъ въ 4,000 школахъ, во Франціи и Италиі этой наукѣ отведено также болѣе почетное мѣсто, чѣмъ, къ сожалѣнію, у насъ въ Германіи. У насъ даже въ университетахъ и въ высшихъ техническихъ школахъ, чрезвычайно нуждающихся въ политической экономіи, проходятъ эту науку далеко не въ достаточномъ объемѣ¹⁾. Казалось

¹⁾ Сравни у Адольфа Вагнера: Zur Statistik des nationaloekonomischen Unterrichts an den deutschen Universitäten (Zt. d. K. Pr. Stat. Bureaus 1877) и мою работу: Technik und Nationalökonomie. Berlin, 1879.

бы болѣе всего соотвѣтственнымъ ввести въ гимназіи преподаваніе *главныхъ основаній политической экономіи* вмѣсто философской пропедевтики, наводящей несомнѣнно на большинство ученическихъ головъ одинъ только туманъ.

Во всякомъ случаѣ, въ заслугу социалистической критики нужно поставить то, что она раскрыла *основныя ошибки* и слабыя стороны Смитіанства и современнаго хозяйственнаго и промышленнаго устройства, хотя предложенныя ею средства повели бы къ еще большому злу. Прежде всего, благодаря изслѣдованіямъ *Сен-Симона, Прудона, Родбертуса—Ягетцова, Маркса* и другихъ, сдѣлалась очевидной *односторонность основнаго принципа Смита*, будто эгоизмъ и борьба своекорыстныхъ, частныхъ интересовъ, могутъ, при системѣ свободной конкуренціи, привести къ полнѣйшей и совершенной гармоніи общественнаго хозяйства. Названные изслѣдователи доказали, что *исключительное господство подобнаго организаціоннаго принципа* можетъ скорѣе повести къ эксплуатированію слабыхъ сторонъ хозяйственной дѣятельности какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ націй, — въ международной конкуренціи. *Социалистическая критика* впервые пролила яркій свѣтъ на *сущность и вліяніе современнаго капиталистическаго*

производства. Какъ первый и основной недостатокъ капитализма, социалисты выставили то обстоятельство, что, хотя люди, ведущіе хозяйственную борьбу, и равносильны въ индивидуальномъ (?) и политическомъ отношеніи, но далеко не равносильны ихъ хозяйственныя силы, такъ какъ въ этой борьбѣ сражаются другъ противъ друга — имущіе (капиталисты) и неимущіе (рабочіе). Отсюда, при современномъ правовомъ и хозяйственномъ строе, становится невозможнымъ справедливое распределение доходовъ народнаго производства, потому что капиталисты или предприниматели, въ качествѣ владѣющаго класса, всегда удержатъ себѣ львиную долю въ доходѣ всего производства.

Если и въ этомъ отношеніи выводы социалистовъ грѣшатъ излишнею грубостью и односторонностью, тѣмъ не менѣе въ нихъ столько правды, что, по моему мнѣнію, главная задача современной политической экономіи состоитъ въ томъ, чтобы отыскать болѣе совершенный способъ распределения богатствъ, чѣмъ тотъ, который возможенъ въ настоящее время, не нарушая притомъ современнаго правоваго и хозяйственнаго строя, въ особенности частной собственности на производственные капиталы, не уничтожая наследственнаго права, свободнаго заключенія договоровъ и вообще совре-

менной хозяйственной свободы. Въ своемъ стремленіи разрѣшить соціальный вопросъ, социализмъ впалъ какъ разъ въ крайность противоположную принципу индивидуализма, изъ котораго исходили Адамъ Смитъ со своими учениками. Рошеръ провелъ между этими двумя направленіями слѣдующую, весьма вѣрную параллель. Школа свободной торговли отрицала за государственной властью право на какую бы то нибыло *производительную*, предпринимательскую роль; выставляла на первый планъ свободу частной дѣятельности; ссылалась на естественные законы и на ихъ непреоборимую силу; считала капиталъ центральной пружиной хозяйственныхъ автоматовъ; единственнымъ пробнымъ камнемъ справедливости объявила общую сумму всего производства. Напротивъ того, социализмъ повсюду провозглашаетъ всемогущество государства; ждетъ всѣхъ благъ только отъ ассоціаціи, отрицая свободу личности; основнымъ условіемъ всякаго хозяйства считаетъ трудъ, въ большинствѣ случаевъ даже физическій; обезличиваетъ индивидуума, превращая его въ чисто механической аппаратъ; подъ видомъ мнимаго порядка вноситъ всюду застой и смерть. Взамѣнъ „ограбленія слабого сильнымъ“ является „ограбленіе сильного слабымъ“ — вотъ заключительныя слова социализма.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ этого труда будетъ показано, какое положеніе относительно двухъ разобранныхъ системъ приняла третья изъ современныхъ политико-экономическихъ школъ—историко-этическая.

III.

Историко-этическая школа.

1) ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

Смерть гениальнаго Давида Рикардо († 1823 г.), завершителя ученія Смита, прекратила прогрессивное развитіе классической экономіи и англійскимъ эпигонамъ до Дж. Стюарта Милля оставалось только систематизировать и популяризировать наслѣдіе великаго шотландца. Англійская политическая экономія, какъ замѣчаетъ В. Рошеръ¹⁾, въ общемъ утрачиваетъ то господствующее положеніе, которое раньше занимала. Главные представители науки, какъ на примѣръ, Дж. Милль Сениоръ, пишутъ изящные учебники, въ которыхъ приспособляютъ науку ко вкусамъ образованной публики. Болѣе выдающимся изслѣдователемъ является Туэкъ (Took † 1858 г.), написавшій превосходное сочиненіе

¹⁾ Geschichte d. National-Oekonomie in Deutschland, p. 843.